

ISSN 2222-9124

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского государственного университета

том 34
серия «История»
2020

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ»**

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ИГУ»)

Главный редактор: д-р ист. наук, проф. Л. М. Дамешек

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук, проф. Ю. А. Зуляр, д-р ист. наук, проф. С. И. Кузнецов

Ответственный секретарь: канд. ист. наук А. А. Кружалина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Н. Балдано, д-р ист. наук, проф. (Улан-Удэ), О. Батсайхан, PhD, проф. (Монголия),
А. А. Борисов, д-р ист. наук (Якутск), О. В. Бураева, д-р ист. наук, доц. (Улан-Удэ),
Д. Вольф, PhD, проф. (Япония), Н. Галиймаа, PhD, проф. (Улан-Батор, Монголия),
Ю. М. Гончаров, д-р ист. наук, проф. (Барнаул), Ж. А. Ермекбай, д-р ист. наук, проф. (Астана,
Казахстан), И. Л. Дамешек, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), Л. М. Дамешек, д-р ист. наук, проф.
(Иркутск), В. И. Дятлов, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), Ю. А. Зуляр, д-р ист. наук, проф. (Иркутск),
А. А. Иванов, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (Иркутск),
Г. Д. Казьмирчук, д-р ист. наук, проф. (Киев, Украина), С. И. Кузнецов, д-р ист. наук, проф. (Иркутск),
Л. В. Курас, д-р ист. наук, проф. (Улан-Удэ), Н. П. Матханова, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск),
Саго Такао, PhD, проф. (Япония), А. Уппадхьяй, PhD, проф. (Нью-Дели, Индия),
В. П. Шахеров, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), М. В. Шиловский, д-р ист. наук,
проф. (Новосибирск), А. Х. Элерт, д-р ист. наук (Новосибирск),

СОСТАВ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

З. Ю. Доржу, д-р ист. наук, проф. (Кызыл), А. В. Костров, д-р ист. наук, проф. (Иркутск),
Г. В. Оглезнева, канд. ист. наук, доц. (Иркутск), Е. Н. Палхаева, д-р ист. наук, доц. (Улан-Удэ),
Т. А. Перцева, канд. ист. наук, доц. (Иркутск), А. П. Санников, канд. ист. наук, доц. (Иркутск),
В. В. Синиченко, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), А. П. Толочко, д-р ист. наук, проф. (Омск),
В. В. Черных, д-р ист. наук, проф. (Иркутск)

Адрес редакции серии

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ», деканат исторического факультета
тел./факс: 8(3952) 24-38-75; e-mail: izvestia_hist@isu.ru
website: <http://izvestiahist.isu.ru/ru>

Адрес редакции

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: (3952) 52-19-02; факс (3952) 20-13-07
e-mail: izvestia@isu.ru

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-66907 от 22 августа 2016 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс – 11189

в Объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук (07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки))

Журнал включен в систему РИНЦ

Выходит четыре раза в год

Издается с 2011 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

**IZVESTIÁ IRKUTSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA
SERIÁ “ISTORIÁ”**

(“The Bulletin of Irkutsk State University”, Series “History”)

Founder and Publisher

Irkutsk State University

Editor-in-Chief: L. M. Dameshek, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Deputy Editor-in-Chief:

Yu. A. Zulyar, Dr. Sci. (Hist.), Prof., S. I. Kuznetsov, Dr. Sci. (Hist.),

Assistant Editor: A. A. Kruzhalina, Cand. Sci. (Hist.)

SERIES EDITORIAL

N. M. Baldano, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Ulan-Ude), O. Batsaykhan, PhD (Hist.), Prof. (Mongolia),
A. A. Borisov, Dr. Sci. (Hist.) (Yakutsk), O. A. Burayeva, Dr. Sci. (Hist.), Ass. Prof. (Ulan-Ude),
D. Wolff, PhD, Prof. (Japan), N. Galimaa, PhD, Prof. (Ulan-Bator, Mongolia),
Yu. M. Goncharov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Barnaul), Zh. A. Ermekbay, Dr. Sci. (Hist.), Prof.
(Astana, Kazakhstan), I. L. Dameshek, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk),
L. M. Dameshek, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), V. I. Dyatlov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk),
Yu. A. Zulya, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), A. A. Ivanov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk),
V. N. Kazarin, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), G. D. Kazmirchuk, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Kiev, Ukraine),
S. I. Kuznetsov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), L. V. Kuras, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Ulan-Ude),
N. P. Matkhanova, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Novosibirsk), Sato Takao, PhD, Professor (Japan),
A. Uppadhjay, PhD, Prof. (New Delhi, India), V. P. Shaherov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk),
M. V. Shilovsky, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Novosibirsk), A. Kh. Elert, Dr. Sci. (Hist.) (Novosibirsk)

SERIES EXPERT

Z. Yu. Dorzhu, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Kyzyl), A. V. Kostrov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk),
G. V. Oglezneva, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), E. N. Palkhayeva, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof.
(Ulan-Ude), T. A. Pertseva, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), A. P. Sannikov, Cand. Sci. (Hist.),
Assoc. Prof. (Irkutsk), V. V. Sinichenko, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), A. P. Tolochko, Dr. Sci. (Hist.),
Prof. (Omsk), V. V. Chernykh, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk)

Editorial Office, Series History

1, Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation
Irkutsk State University, the Dean’s Office of Historical Faculty
tel.: (3952) 33-43-72, e-mail: izvestia_hist@isu.ru,
website: <http://izvestiahist.isu.ru/en>

Editorial Office

1, Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation
Irkutsk State University
tel.: (3952) 52-19-02; fax: (3952) 20-13-07
e-mail: izvestia@isu.ru

Certificate of Registration

№ FS77-669077 from August 22, 2016
issued by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Subscription Index – 11189

in the United Catalogue “Pressa Rossii” (“Press of Russia”)

The periodical is freely available on the portal of the
Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU

Publication Frequency 4 issues per year

Series «History» was founded in 2011

**ИЗВЕСТИЯ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «История»

2020

Т. 34

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ануфриев А. В., Козлов Д. В.

Приключения обер-фельдкурата Карла Дрекслея в Сибири
(по архивным источникам). Часть 2 6

Анисимова И. В.

Судебно-правовая система Советского Казахстана в 1917–1925 гг.:
формирование институциональной и нормативно-правовой основы 13

Бершадская С. В.

Жилищный кризис в сибирских городах в начале 1920-х гг.
(по материалам газеты «Красноярский рабочий») 22

Ахметова М. А., Нурутдинова А. Р.

Статистический анализ деталей и факторов голода 1920-х гг.
в Татарстане 28

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Алкин С. В.

Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири
и Корейского полуострова 39

Гурьева А. А.

К вопросу о публикации о Петре Великом в первом корейском журнале
Сонён «Юношество» (1908) 50

Акуленко В. С.

Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон»
(Чосон ванчжо силлок) 58

Кузьмин Ю. В.

Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, востоковед,
экономист и историк 65

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Шпилов И. А.

Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.:
рисунки художников Второй Камчатской экспедиции 73

Евтехов Р. А.

Формулярные списки как источник по изучению социального портрета
городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска
Забайкальской области) 83

Дамешек Л. М., Санжиева Т. Е.

Материалы Идинской степной думы в фондах Музея истории Бурятии
им. М. Н. Хангалова 91

Мищенко М. С.

Проблема возникновения культуры Кофун в работах Кобаяси Юкио 100

РЕЦЕНЗИИ

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц.

История крещеных инородцев в фондах Государственного архива
Республики Бурятия 107

Иванов А. А.

Сибирский дневник Бенедикта Дыбовского 112

**THE BULLETIN
OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY**

Series History

2020

Vol. 34

CONTENTS

Editor's note 5

RUSSIAN HISTORY

Anufriev A. V., Kozlov D. V.

The Adventures of Feldkurat Karl Drexel in Siberia
(According to Archival Sources). Part 2 6

Anisimova I. V.

The Judicial and Legal System of Soviet Kazakhstan in 1917–1925:
Formation of the Institutional and Regulatory Framework 13

Bershadskaya S. V.

Housing Crisis of 1920s from Regional Perspective of Siberia
and Textual Evidence of “Krasnoyarsk Worker” Newspaper 22

Akhmetova M. A., Nurutdinova A. R.

Statistical Analysis of Details and Factors of 1920 Famine in the Tatar Republic ... 28

WORLD HISTORY

Alkin S. V.

Russian-Korean Cooperation in the Study of Archeology of Siberia
and the Korean Peninsula 39

Gurieva A. A.

On the Issue of Publishing about Peter the Great in the First Korean
Magazine *Sonen “Youth”* (1908) 50

Akulenko V. S.

Image of Russia and Russians in the Veritable Records of the Joseon Dynasty
(Joseon Wangjo Sillok) 58

Kuzmin Y. V.

Professor Yuri Mikhailovich Butin – Military Translator, Orientalist,
Economist and Historian 65

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Shipilov I. A.

Sources on the History of Siberia in the First Half of 18th Century:
Drawings of Artists of the Second Kamchatka Expedition 73

Evtekhov R. A.

Formular Lists as a Source for the Study of the Social Portrait of Mayor First Half of the 19 th Century (on the Example of the City of Verkhneudinsk, Transbaikal Region)	83
Dameshek L. M., Sanzhieva T. E.	
Materials of the Idinsky Steppe Duma in the Funds of the Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov	91
Mishchenkova M. S.	
The Problem of Origin of the Kofun Culture in Works of Kobayashi Yukio	100

REVIEW

Dameshek L. M., Zhalsanova B. C.	
History of Baptised Foreigners in the Funds of the State Archive of the Republic of Buryatia	107
Ivanov A. A.	
Siberian Diary of Benedict Dybovsky	112

ОТ РЕДАКТОРА / EDITOR'S NOTE

Уважаемые коллеги! В очередном, 34-м номере «Известий ИГУ» серии «История» редакция предлагает вашему вниманию цикл статей исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Владивостока, Казани, Красноярска, Новосибирска, Улан-Удэ, Иркутска, освещающих малоизученные вопросы отечественной истории: пребывание в Сибири австрийских военнопленных периода Первой мировой войны, развитие судебно-правовой системы Советского Казахстана в 1917–1925 гг., статистический анализ деталей и факторов голода 1920-х гг. в Республике Татарстан и др.

Отдельным блоком представлена тематическая подборка из четырех статей, посвященных изучению истории Кореи, подготовленная по материалам докладов конференции «Россия и Корея: взгляд из Сибири» (10–11 октября 2020 г., г. Иркутск, ИГУ), проведенной в честь 30-летия установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. Конференция была организована Центром корейских исследований ИГУ при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation). Авторы статей – представители университетских и академических центров Владивостока, Иркутска, Новосибирска и Санкт-Петербурга – раскрывают в первую очередь историографические аспекты изучения Кореи. В одних работах проводится анализ корейских источников (XVII–XX вв.), рассматривающих образ России и русских, в других внимание авторов сосредотачивается на проблематике второй половины XX в. с опорой на исследование отдельных биографий. Несмотря на значительный разброс как по хронологии, так и по географии авторов, данные работы в области корееведения представляют существенный интерес для специалистов в области востоковедения, а также для всех интересующихся историей России и стран Дальнего Востока.

Традиционно в журнале публикуются статьи зарубежных исследователей. Специальный раздел посвящен вопросам источниковедения и историографии. Все статьи данного номера журнала прошли предварительное рецензирование и рекомендованы к печати. Выпуск адресован широкому кругу читателей, интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

*Доктор исторических наук, профессор Л. М. Дамешек
Doctor of Sciences (History), Professor L. M. Dameshek*

Серия «История»
2020. Т. 34. С. 6–12
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 94 (100)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.6>

Приключения обер-фельдкурата Карла Дрекслея в Сибири (по архивным источникам). Часть 2*

А. В. Ануфриев, Д. В. Козлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Во второй части рассмотрено пребывание обер-фельдкурата австро-венгерской армии К. Дрекслея в лагерях военнопленных в Восточной Сибири, история ареста, расследование его «шпионской» деятельности и дальнейшая судьба. Для описания деятельности священнослужителя в тексте использованы разнообразные новые архивные источники, а также его дневник.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, плен, пленные, религия, католицизм, побег, лояльность, заговор, дневник, разведка.

Для цитирования: Ануфриев А. В., Козлов Д. В. Приключения обер-фельдкурата Карла Дрекслея в Сибири (по архивным источникам). Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 6–12. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.6>

Вторая половина XIX – начало XX в. стали переломным в истории войн. В результате масштабы войн и их последствия кардинально изменились. Впервые перед государствами стал вопрос «массового плена» в условиях большой войны. Отдельно оговаривались вопросы, связанные с вероисповеданием. Обязанность проведения религиозных обрядов возлагалась как на местных священнослужителей, так и на оказавшихся в плену военных капелланов.

К. Дрексель попадает под оперативное наблюдение сразу двух серьезных ведомств – контрразведывательного отдела штаба Иркутского военного округа и Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ). Эти два ведомства, конфликтовавшие между собой, на время забыли о внутренних спорах и объединили свои усилия. В этот момент начальником контрразведывательного отдела штаба Иркутского военного округа был капитан Карл Каттерфельд. Необходимо сказать несколько слов о биографии этой интереснейшей личности.

Карл Германович Каттерфельд (05.11.1878–02.01.1929) родился в семье потомственного офицера и связал свою жизнь с Русской императорской ар-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и фонда «За русский язык и культуру» в Венерши в рамках научного проекта № 19-59-23007.

мией. После окончания Виленского юнкерского училища молодой подпоручик получил назначение в г. Либаву, где квартировал Венденский пехотный полк. Поддавшись патриотическому порыву, в 1904 г. он просит перевода в Маньчжурию, но оказывается в Иркутске. По всей видимости, именно здесь он начинает работать в разведывательном отделении штаба Иркутского военного округа. После окончания войны молодой разведчик отправляется в Лондон «для совершенствования языка», а в сентябре 1906 г. поступает в Восточный институт (г. Владивосток) по квоте военного министерства, выбрав китайско-маньчжурское отделение. Во время учебы Карл Каттерфельд неоднократно командировается в Китай, Корею и Японию. В 1911 г. прикомандировывается к разведывательному отделению штаба Иркутского военного округа для работ по военному изучению стран Дальнего Востока и преподает английский язык во вновь сформированном Иркутском кадетском корпусе. В сентябре 1913 г. штабс-капитан Каттерфельд лично принимает участие в разоблачении китайских шпионов Ма Си Цзы и Цао Ци Чжэня, арестованных в Иркутске на станции Иннокентьевская. После начала мировой войны К. Каттерфельд просит направления в действующую армию и уже в августе 1914 г. оказывается на Северо-Западном фронте в составе 2-го Сибирского стрелкового полка. 28 сентября в бою он получает тяжелейшее ранение – «ранен с переломом обеих бедер... с раздроблением», после выздоровления в начале 1915 г. откомандировывается в распоряжение штаба Иркутского военного округа, где назначается начальником разведывательного (впоследствии контрразведывательного) отделения штаба и военным цензором. За подвиги, совершенные на поле боя, Карл был награжден орденами – Св. Станислава II степени с мечами и Св. Анны II степени.

Затем служит сначала в войсках Красной армии (на той же должности), а потом уже у Колчака преподавателем иностранного языка во Втором Оренбургском кадетском корпусе, а позже по прямому назначению – делопроизводителем иностранного стола военно-цензурного бюро Омского штаба. В ноябре 1919 г. был взят в плен красными и приговорен к расстрелу. Своим спасением он обязан большой потребности красных в переводчиках. После плена перенес тиф и в январе 1920 г. был отправлен в долгосрочный отпуск. В июне 1920 г. был привлечен в качестве преподавателя китайского языка в Иркутский народный университет и тогда же преподавателем китайского и английского языков на практические курсы восточных языков и китайской литературы при восточном отделении гуманитарного факультета Иркутского государственного университета. Умер от воспаления легких, простудившись во время поездки со студентами в Китай. Похоронен на Иерусалимском кладбище города Иркутска¹ [4].

Свои виды на К. Дрекслея имело и Иркутское ГЖУ, которым руководил полковник Николай Балабин, личность не менее яркая, чем Каттер-

---

¹ Биография Каттерфельда К. Г. URL: <http://babr.ru/genealogy/?RDE=6>; Награды Каттерфельда К. Г. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_donesenie15601578/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3Dкаттерфельд%26groups%3Dawd%3Apr%3Afr%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afr_1ist%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1

фельд. Стоит отметить крайне негативное отношение офицеров к деятельности Отдельного корпуса жандармов, которую военный министр В. А. Сухоминов находил «особенно вредной и унижительной» [3, с. 129]. Даже жандармский генерал Спиридович в своих записках отмечал, что «...многие в обществе не любили жандармов, службу их бранили и говорили о них, что они все доносчики» [2, с. 29]. Николай Иванович родился 9 марта 1868 г. в семье потомственного казачьего офицера полковника Ивана Ивановича Балабина в ст. Семикаракорской 1-го Донского округа. После окончания Киевского кадетского корпуса поступил во Второе Константиновское училище, которое благополучно окончил в 1889 г. Как и положено донскому казаку, он вышел в комплект Донских казачьих полков. Но уже в мае 1898 г. резко меняет свою судьбу, перейдя в Отдельный корпус жандармов. Первоначально он служил в Лифляндском губернском жандармском управлении, затем был переведен в Санкт-Петербург, а в июле 1909 г. становится помощником начальника Киевского ГЖУ. На следующий год получает звание полковника, и тут карьера Николая Ивановича дает сбой, виной чему стала гибель в Киеве П. А. Столыпина, в которой косвенно были виновны и чины Киевского жандармского управления. Только после завершения расследования и пребывания в резерве в июне 1913 г. он назначается начальником Тамбовского ГЖУ, а 17 ноября 1914 г. – начальником Иркутского ГЖУ. В жандармской карьере Н. И. Балабина были и арест в Прибалтике Максима Горького, и успешное противостояние на должности командира морской пограничной флотилии Балтийского моря контрабанде оружия и боеприпасов в годы Первой революции 1905–1907 гг. Во время Первой мировой войны Н. Балабин и его подчиненные вскрыли антигосударственную деятельность Иркутского татаро-турецкого комитета, не только собиравшего деньги и передававшего шпионские сведения в Турцию, но организовавшего побег из Читы в Китай Исхана-паши, пленного командира 9-го корпуса турецкой армии. ГЖУ успешно противостояло и немецкому шпионажу. Трагично сложилась судьба Н. Балабина после событий февраля 1917 г.: по свидетельству его родного брата, «... он год сидел в тюрьме без передач и без свиданий. Наконец жене брата сообщили, что она может взять своего мужа. Когда Николая принесли домой на носилках, жена, взглянув на него, сразу умерла от разрыва сердца. Через несколько минут умер и брат. Так дочери в несколько минут стали круглыми сиротами...»² [1, с. 21].

Редкий случай, когда военная контрразведка и жандармы действовали четко и слаженно. В результате совместной операции к К. Дрекселю под видом бежавшего военнопленного был «подведен» агент. В его роли выступил завербованный в одном из лагерей Енисейской губернии оберлейтенант австрийской армии Хорват. В ходе операции была вскрыта роль К. Дрекселя как организатора побегов военнопленных и координатора нелегальной помощи пленным через органы Красного Креста и дипломатической миссии в Китае³. По результатам расследования приняты соответству-

² Биография Балабина Н. И. URL: http://irkipedia.ru/content/balabin_nikolay_ivanovich

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1468. Оп. 2. Д. 658. Л. 13–18.

ющие решения. К. Дрексель был арестован, и у него изъят дневник, отложившийся в деле, который содержит конспект воспоминаний. Надо сказать, это единственный документ подобного рода, выявленный на настоящий момент в фондах ГАИО, к сожалению, он малоинформативен: очевидно, опасаясь обыска, К. Дрексель обозначил только названия подразделов (на немецком языке), однако в деле отложился и его перевод на русский язык.

Дневник представлял собой коричневую ученическую тетрадь с записями на немецком языке. Каждый раздел был коротко озаглавлен: 1. «В плену. Раненый во враждебной стране. 45 дневное путешествие. В Сибирь...». 2. «В госпитале. Наши покойники. Судьба Отечества. Пятнистый тиф. Готовится побег. Русское начальство. В Никольском. Свыше 900 больных, попытка побега. Шкотово. 440 покойников. Попытка побега». 3. «В Хабаровске. Попытка побега, в смиренном доме. Спасское удачный побег, репрессии и угрозы». 4. «Домашний обыск, тяжелое прощание, семь суток в арестантском вагоне...». 5. «Иркутск: месяцами под стражей, вероломные, отважнейшая попытка побега». Даже исходя из заголовков дневника, понятна позиция К. Дрекселя, и еще более понятна позиция Иркутского ГЖУ по отношению к нему⁴.

Интересно, что с точки зрения анализа дневника как исторического источника он полностью вписывается в логику мемуарной литературы, посвященной положению пленных в русском плену. Мемуары военнопленных сосредоточены обычно на одной из трех тем: тяжелое положение рядовых заключенных, усилия офицеров по поддержанию физического и психического здоровья (путем борьбы с вырождением и демонстрации культурного превосходства над врагом) и попытки побега. Причем часто побег или планы по его осуществлению становятся как для автора мемуаров, так и для читателей основной характеристикой плена, потому что это привлекает большее внимание, чем скучное и монотонное описание повседневного, рутинного существования. Один из исследователей военной мемуаристики, связанной с пленом, подчеркивает, что независимо от конкретного случая в этих историях можно выделить несколько составляющих [6]. Прежде всего описание ситуации пленения как события, происшедшего помимо желания автора. Это может рассматриваться как попытка оправдания. Например, К. Дрексель в своих мемуарах возлагает вину за свой плен на командира полка, который, не послушав советов русских пленных, направил свою часть в сторону основного расположения русских войск [5].

Сам плен часто интерпретируется как испытание характера в различных ситуациях, описываемых с точки зрения возможности выбора. Читатель в таком случае оказывается в роли судьи, который должен подтвердить правильность морального выбора автора. То есть часто свидетельства пленных становятся апологией поведения (особенно в случае мемуарной литературы) автора перед читателем. И это является отличительной особенностью мемуаристики, связанной с Восточным фронтом Первой мировой войны. В мему-

---

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030.

арах участников Западного фронта мы можем встретить другие модели нарратива, связанные с критическим отношением к своему собственному обществу. В переписке священника прослеживается, что именно Дрексель был главным распорядителем средств, поступавших в часть лагерей на Дальнем Востоке от делегаций Красного Креста. Стоит согласиться с тем недоверием, которое питал к Дрекселю начальник Иркутского ГЖУ Балабин, и его предположениями, что именно Дрексель стоит за организацией побега военнопленных⁵.

Администрация лагеря болезненно реагировала на поток жалоб. Так, заведующий военнопленными городка констатировал: «Я пришел к выводу, что их жалобы возникают на почве стремления, под предлогом закупок продовольствия ходить в город, что для них в данный момент является недопустимым»⁶. Уже содержась в заключении на гауптвахте, К. Дрексель по-прежнему утверждает, что он не виновен, к побегам он не причастен, и жалуется на состояние здоровья: «Душевные недомогания, а так же пятнистый тиф, повлекший слабость сердца – от чего я уже никогда не вылечусь. Нравственное и физическое состояние, отсутствие духовной пищи, и настоящий образ жизни делают дни моей жизни очень тяжелыми», – и требует освободить его⁷. Однако другого мнения был начальник контрразведки округа, который в своем рапорте в ГУГШ от 10.09.1916 констатировал, что К. Дрексель «имел недозволительные сношения с военнопленными, передавал им письма, деньги и всячески способствовал побегам», в заключение он просил перевести фельдкурата в другой военный округ. По решению Главного управления Генерального штаба от 21.09.1916 К. Дрексель был отправлен в распоряжение штаба Приамурского военного округа и под конвоем препровожден в Хабаровск 26 сентября. Так закончился «сибирский анабасис» фельдкурата Карла Дрекселя⁸.

Священник вернулся в Австрию в 1920 г. и, несмотря на кардинальные изменения в стране, продолжил участвовать в работе региональных и национальных органов власти, представляя австрийскую христианско-социальную партию. Интересно, что старт его политической карьеры на новом этапе был связан с представительством политических интересов австрийских ветеранов Первой мировой войны, у которых он пользовался большим авторитетом. В 1935 г. Дрексель стал почетным гражданином своего родного старинного австрийского города Дорнбирн. Умер К. Дрексель в 1954 г.

Список литературы

1. Балабин Е. И. Воспоминания: «Далекое и близкое, старое и новое». М. : Центрполиграф, 2009. 381 с.
2. Спиродович А. И. Записки жандарма. М. : Худож. лит., 1991. 263 с.

⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13–15

⁶ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 54.

⁷ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 654. Л. 76–78.

⁸ Там же. Л. 83.

3. Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова / [соч.] Сухомлинова с предисл. В. Невского. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 334 с.
4. Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.) : учеб. пособие / науч. ред. В. В. Свинин. Иркутск : ИГУ, 2001. 144 с.
5. Drexel K. Feldkurat in Sibirien 1914–1920, Innsbruck and Leipzig : F. Rauch, 1940. 229 s.
6. Doyle R. C. Visions from Captivity: Interpreting the American POW Narrative, Lawrence Kansas : University Press of Kansas, 1994. 392 p.

The Adventures of Feldkurat Karl Drexel in Siberia (According to Archival Sources). Part 2

A. V. Anufriev, D. V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. We can analyze the fate of one of these priests – the ober- feldkurat of the Austro – Hungarian army Karl Drexel. To describe his activities, the article uses a variety of new archival sources, as well as the diary of a priest. During the Russian offensive operation, the priest was taken prisoner in the battle of RabbaRusskaya. In 1915 K. Drexel came under the operational supervision of the Intelligence Department of the Amur military district. He was suspected of creating a secret organization of officers of the Austro-Hungarian army to escape and espionage. At the same time, the gendarmerie also monitored him. K. Drexel falls under the operational supervision of two serious departments at once: the Intelligence Department of the headquarters of the Irkutsk military district and the Irkutsk provincial gendarmerie Department. During the joint operation, the role of K. Drexel as the organizer of the escapes of prisoners of war and the coordinator of illegal assistance to prisoners, both through the Red Cross and the diplomatic mission in China, was revealed. According to the results of the investigation, appropriate decisions were made. Drexel was arrested and his diary was seized. It contains a synopsis of memories. According to the decision of the Main Directorate of the General staff of 1916, September 21 K. Drexel was sent to the Amur military district and was escorted to Khabarovsk on September 26. It should be emphasized that the historical sources analyzed in the article, help to develop a new approach to the analysis of such an interesting topic as the transformation of the manifestations of loyalty and patriotism of PoW. In this case, it is possible to analyze such manifestations both in relation to the homeland and in relation to the country of captivity. The article is divided into two parts based on the internal logic of the presentation of the material. The second part of the article examines Drexel's stay in the PoW camps in Eastern Siberia, the history of his arrest and investigation of his “espionage” activities, and his subsequent fate.

Keywords: First World War , Siberia, captivity, PoW, religion, Catholicism, escape, loyalty, conspiracy, diary, intelligence.

For citation: Anufriev A.V., Kozlov D.V. The Adventures of Feldkurat Karl Drexel in Siberia (According to Archival Sources). Part 2. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 6-12. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.6> (in Russian)

References

1. Balabin E.I. *Vospominania: “Dalekoye i blizkoye, staroye i novoye”* [Memories: “Far and near, old and new”]. Moscow, Centerpoligraph Publ., 2009, 381 p. (in Russian)
2. Spiridovich A.I. *Zametki gandarma /A. Spiridovich.* [Notes of the gendarme]. Reprinted reproduction of prod. 1930. Moscow, Hudogestvonnaya Literatura Publ., 1991, 263 p. (in Russian)

3. Sukhomlinov V.A. *Vospominania Sukhomlinova* [Memories of Sukhomlinov]. Moscow, Leningrad, GosIzdat Publ., 1926, 334 p. (in Russian)

4. Lishtovanyi E.I. *Mongolia v istorii Vostochnoy Sibiri (XVII – XX vekov)* [Mongolia in the history of Eastern Siberia (XVII–XX centuries)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2001, 144 p. (in Russian)

5. Drexel K. *Feldkurat in Sibirien 1914–1920*, Innsbruck and Leipzig, F. Rauch, 1940, 229 s.

6. Doyle R.C. *Visions from Captivity: Interpreting the American POW Narrative*, Lawrence Kansas, University Press of Kansas, 1994, 392 p.

Ануфриев Александр Валерьевич

*старший преподаватель, директор,
Центр историко-культурного наследия
Иркутский государственный университет
Россия, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: nnnadezhda.mail.ru*

Anufriev Aleksandr Valerievich

*Senior Lecturer, Director, Center
of Historical and Cultural Heritage
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: nnnadezhda.mail.ru*

Козлов Дмитрий Викторович

*кандидат исторических наук, доцент,
директор, Межрегиональный институт
общественных наук
Иркутский государственный университет
Россия, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dvk@home.isu.ru*

Kozlov Dmitrii Victorovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Director, Irkutsk CASE
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: dvk@home.isu.ru*

УДК 93/94

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.13>

Судебно-правовая система Советского Казахстана в 1917–1925 гг.: формирование институциональной и нормативно-правовой основы*

И. В. Анисимова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. На основе широкого круга документальных источников рассматривается развитие судебной системы Казахстана в первое десятилетие советской власти. Подчеркивается, что в Степном крае проведение в жизнь общегосударственных реформ судебно-правовой системы имело свои особенности. Сложности заключались в отсутствии в регионе профессиональных кадров в сфере юстиции, сохранении и высокой социальной роли суда биев. Отмечается, что начиная с 1918 г. советская власть планомерно меняла конфигурацию судостроительства Казахстана, распространяя на советскую республику общегосударственные институты и правовые нормы. Завершающий этап реорганизации судебной власти региона приходится на 1920–1925 гг., когда произошло окончательное оформление судебно-правовой системы на принципах советской юстиции.

Ключевые слова: Киргизская АССР, советская власть, судебно-правовая система, юстиция, народный суд, реформа.

Для цитирования: Анисимова И. В. Судебно-правовая система Советского Казахстана в 1917–1925 гг.: формирование институциональной и нормативно-правовой основы // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 13–21. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.13>

Революции 1917 г., установление советской власти в России и ее окраинах не только привели к кардинальным изменениям в социополитическом пространстве, но и повлекли за собой трансформацию всего механизма государственного управления, в том числе аппарата и органов юстиции. Важность судебной власти для эффективной работы государственного механизма отчетливо осознавалась большевиками, свидетельством тому является принятие в ряду первых документов Советов декрета СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде»¹ (далее – Декрет о суде № 1), согласно которому в Советском государстве прекращалась деятельность всех имперских судебных институтов. Безусловно, упразднение имперского судостроительства требовало от властей организации работы судебных институтов на новой основе. В принятом декрете декларировались демократические принципы работы

---

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в Центрально-Азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

¹ Декрет СНК от 22 ноября 1917 г. «О суде». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/>

нового суда, выборность судей и участие в рассмотрении дел народных заседателей, гласность процесса, применение национального языка в судопроизводстве, право обвиняемого на защиту.

При всей значимости первого законодательного акта советской власти о суде его проведение в жизнь столкнулось с определенными трудностями. Исследователи подчеркивают, что Декрет о суде № 1 был назван декретом «об уничтожении существующих судов» и «незаконмерным», а Совет народных комиссаров – «не являющимся общепризнанной народной властью». Поэтому и упразднение действующих судебных органов до формирования новых судов «квалифицировалось как антиобщественное, лишавшее граждан на неопределенное время судебной защиты» [1]. Несмотря на неоднозначную оценку Декрета о суде № 1, вскоре советская власть приступила к его реализации по всей стране, в том числе и в центральноазиатских окраинах бывшей Российской империи.

Первым шагом в процессе реорганизации судебной системы Туркестана и степных областей стало учреждение временных революционных судов, в состав которых входили представители от различных организаций [8, с. 16]. Уже весной 1918 г. суды нового типа практически повсеместно стали создаваться в степных областях. В утвержденном 2 марта 1918 г. Акмолинским уездным съездом советов наказе предлагалось немедленно образовать народно-революционные суды по всему уезду. В марте 1918 г. окружной народный суд был организован в Семипалатинске². В апреле – мае того же года революционные суды созданы в Караганде, ряде районов Тургайской области. При Тургайском облисполкоме наряду с другими комиссариатами был организован комиссариат юстиции и революционный трибунал. 5 июля 1919 г. Оренбургский губернский исполком советов издал приказ об организации народных судов, в котором аккумулировались основные принципы организации и деятельности суда, утвержденные Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. и Декретами о суде № 1 и № 2.

Однако уже с первых месяцев введения в действие положений, постановлений и узаконений, направленных на организацию новой судебной системы, региональные власти столкнулись с серьезными проблемами. Очевидным было отсутствие достаточного количества собственных кадров, способных профессионально выполнять судебно-следственные функции. Это обусловило принятие решения о привлечении к судейской работе бывших мировых судей. В принятом по этому вопросу наркомом юстиции КирАССР приказе говорилось, что «вследствие военных действий... наличные мировые судьи территории губерний гражданской и казачьей утверждаются постоянными народными судьями в занимаемых ими участках» [12, с. 48–49].

Сложность реорганизации судебной системы Степного края заключалась в том, что наряду с государственными институтами юстиции особое значение для коренного населения играл традиционный суд, в отношении

---

² Объявление отдела юстиции Семипалатинского областного Совета населению области об упразднении судебных учреждений Временного правительства и формировании советского народного суда от 8 апреля 1918 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Док. № 32. С. 63.

которого на протяжении имперского периода неоднократно принимались меры, зачастую безуспешные, направленные на сокращение функциональных компетенций [4]. Конечно, в новых политических реалиях суд биев выступал «пережитком прошлого» и требовал окончательного упразднения. В 1918 г. рядом постановлений были отменены выборы в суды биев, прекращено государственное вознаграждение их работы, практически повсеместно биям было запрещено брать бийлик [2; 6, с. 34–35].

Но, несмотря на определенные шаги по развитию законодательной основы работы новой судебной системы, большинство гражданско-правовых отношений по-прежнему определялись нормами дореволюционного законодательства. Казахское население для решения насущных проблем традиционно обращалось к суду биев, а русское население региона – в мировые и окружные суды, решавшие дела согласно общеимперским нормам права, дополненным законодательством Временного правительства [6, с. 70–71]. При этом использование судебными органами дореволюционных правовых норм и законов не шло вразрез с положениями Декрета о суде № 1, который предоставил новым судам право руководствоваться законами свергнутых правительств постольку, «поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³. Позднее данное положение было подтверждено декретом ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде», в ст. 36 которого говорилось, что в своих решениях по гражданским и уголовным делам суд «руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими донныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию»⁴. Не получило распространения на степные области и принятое в ноябре 1918 г. постановление, категорически запрещавшее народным судам Центральной России ссылаться в своих решениях на «законы свергнутых правительств»⁵.

Особенности организации судебной системы региона и работы судебных институтов получили официальное подтверждение в принятом 10 июля 1919 г. декрете СНК «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем»⁶. Как справедливо подчеркивали ряд исследователей, декрет впервые наиболее полно затронул вопросы судебного устройства Казахстана [12, с. 49]. Документ не только определил иерархию судебных институтов, но и обозначил их функции и полномочия. В работу судебных институтов региона был положен национальный принцип. Низовой судебной единицей выступал третейский суд, который рассматривал «все тяжёбые дела между киргизами по месту жительства». Следующей судебной инстанцией выступал уездный народный суд (включал киргизский и русский отделы).

³ Декрет СНК от 22 ноября 1917 г. «О суде». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/>

⁴ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_254.htm

⁵ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской республики». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm

⁶ Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем». URL: <http://istmat.info/node/38280>

Для проведения предварительного следствия при уездном суде учреждались следственные комиссии. Киргизский отдел уездного суда рассматривал все уголовные и гражданские дела, возникающие между казахами. При участии в деле представителей разных национальностей созывалось объединенное заседание русского и казахского отделов уездного суда. Кассационные функции в регионе выполнял Окружной народный суд при Ревкоме Кир-края, состоящий также из двух отделений – русского и казахского. Однако на коренную ломку традиционного судопроизводства советская власть в сложных условиях Гражданской войны не пошла и сохранила возможность решения дел между казахами на основе обычного права. В частности, в ст. 15 декрета подчеркивалось, что «дела между киргизами разрешаются народным судом, по существу дела по обычному праву»⁷.

Для реализации в жизнь положений декрета «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем», регламентирующих судебно-правовую отрасль, 1 октября 1919 г. в составе Киргизского революционного комитета был создан отдел юстиции, прерогативой которого стала работа по организации судебной системы края, в том числе по организации народных судов, следственных комитетов, революционных трибуналов [11, с. 17]. В декабре 1919 г. отделом юстиции была разработана Инструкция народному суду, за основу функционирования которого были взяты принципы, установленные законодательством РСФСР [12, с. 55]. Важным был закрепленный в инструкции запрет использовать в судебной практике родовую присягу как доказательство.

Согласимся с мнением исследователей, что политика советской власти в Казахстане на первых порах проводилась в русле прежней политики Российской империи: смешение в судебно-правовой системе норм и институтов традиционного права и советской юстиции, что выражалось в придании суду биев (аксакальский суд) статуса официального судебного органа [10, с. 75].

Рубежом в отношении к бийскому суду и нормам адата стала победа советской власти в Гражданской войне в 1920 г., после которой началось планомерное движение по пути упразднения институтов и норм традиционной судебно-правовой системы. На наш взгляд, процессы государственностроительства требовали от властей решительных мер по унификации государственного аппарата и созданию действенного и единообразного механизма власти, чем и было вызвано изменение отношения к конфигурации суда региона.

Новый этап в развитии советских судебно-правовых институтов в регионе связан с принятием 26 августа 1920 г. ВЦИК и СНК постановления об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской республики, согласно которому в КирССР учреждалось 12 народных комиссариатов, в том числе и юстиции⁸. Важность реформирования судебной ветви власти советской республики подчеркивалась уже тем, что данный вопрос

⁷ Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем». URL: <http://istmat.info/node/38280>

⁸ Декрет ВЦИК «Об автономной Киргизской социалистической советской республике» // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 6–8.

стал одним из основных в повестке Первого Всекиргизского учредительного съезда советов, который проходил в Оренбурге 4–12 октября 1920 г.

В принятых на съезде Декларации прав трудящихся КАССР и Резолюции по организации советской юстиции утверждались принципы построения новой судебной системы: «Народную юстицию построить в точном соответствии с опытом народного революционного суда Советской России, считаясь с бытовыми особенностями киргизского народа там, где они не противоречат основным положениям прав трудящихся, устанавливаемых настоящей Декларацией»⁹. Безусловно, закрепление в декларации механизма реорганизации судебной системы региона позволило уже к концу 1920 г. провести в жизнь ряд важных нововведений. 9 декабря 1920 г. Совнарком Казахстана издал декрет «Об отмене куна»¹⁰. Были упразднены действовавшие в казахских областях «третьейские» суды аксакалов, а не разрешенные ими дела были переданы в компетенцию народным судам.

Одной из актуальных проблем, с которой столкнулась советская юстиция в регионе, была традиционность и архаичность регламентации семейно-брачных отношений казахского общества. Семейное право выступало компетенцией суда биев, которые в своем решении исходили из устоявшихся норм и правил. В связи с этим в начале XX в. у казахского населения были по-прежнему распространены калым, многоженство и аменгерство. На Первом учредительном съезде советов КирАССР 1920 г. была выработан единая позиция по отношению к вопросам семьи и брака. В частности, подчеркивалось, что «семейный быт киргиз содержит еще... целый ряд нелепых традиций, с которым необходимо бороться. Надо твердо установить новый курс на сущность брака и развода»¹¹. В конце декабря 1920 г. был издан декрет ЦИК и СНК КазССР «Об отмене калыма», уплата и принятие которого становилось уголовным преступлением¹². Однако в полной мере к регламентации семейно-брачных отношений приступили в январе 1921 г., когда СНК КазССР утвердил декрет «О брачном праве киргиз». В основу принятого документа был положен Кодекс законов о браке, семье РСФСР. В ноябре 1921 г. издается декрет Совнаркома КазССР «О наказуемости многоженства», где наряду с отменой этого обычая определялись и меры наказания уголовно-правового характера за его совершение.

Основополагающим для развития советской юстиции в регионе стал декрет ЦИК КирАССР «О народном суде Киргизской Социалистической Советской Республики», принятый 8 апреля 1921 г., который предусматривал замену следственных комиссий единоличными следователями, что способствовало повышению качества предварительного расследования. Парал-

⁹ Декларация прав трудящихся КССР // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М., 1936. С. 85–88; Резолюция по организации советской юстиции // Там же. С. 96–99.

¹⁰ Декрет СНК Киргизской АССР «Об отмене куна» от 9 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Док. № 209. С. 309–310.

¹¹ Протокол заседания № 8. 10 октября 1920 г. // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М., 1936. С. 56.

¹² Декрет ЦИК и СНК Киргизской АССР «Об отмене калыма» от 29 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Док. № 211. С. 310.

лельно шел процесс по разрушению сохранявшихся в казахском обществе элементов патриархальных отношений.

Завершение Гражданской войны, укрепление советской власти в республике послужили началом нового этапа в развитии судебной системы Казахстана. Судебная система развивалась в русле общегосударственных тенденций. В начале 20-х гг. XX в. в РСФСР была проведена кодификация законодательства, изданы Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский, Земельный и другие кодексы, которые позднее получили распространение и на территории республики [12, с. 60]. В июле 1922 г. на территории КирАССР был введен Уголовный кодекс РСФСР, который в 1924 г. был дополнен гл. IX «Нарушения запретов куна, бариты (баранты), калыма, принуждения женщин к супружеству у киргиз КАСССР» [7, с. 307]. С 1 января 1923 г. в Киргизской республике начал действовать первый Гражданский кодекс РСФСР.

Необходимо подчеркнуть, что становление органов юстиции проходило в русле проводимой советской властью в 20-е гг. XX в. политики коренизации республиканского государственного аппарата [3]. В сентябре 1922 г. Совнаркомом КирАССР было издано постановление о проведении в жизнь законодательных актов на казахском языке. К началу 1923 г. был установлен статус казахского языка как основного языка, на котором должно осуществляться судопроизводство. Летом 1923 г. наркомом юстиции КирАССР был издан специальный циркуляр о переводе всего делопроизводства в судах, обслуживающих казахское население, на казахский язык. Однако сложности в исполнении данного решения заключались не только в отсутствии кадров, владеющих двумя языками, но и в отсутствии нормативно-правовой документации на казахском языке. Это признавалось и государственными органами власти¹³. Для решения данных проблем наркомом юстиции была организована работа по подготовке и изданию типографским способом судебно-следственной документации, по переводу и изданию на казахском языке Собраний узаконений и распоряжений правительства КирАССР за 1923 г., Уголовного кодекса РСФСР и ряда других нормативных правовых актов [9, с. 136]. В 1924 г. были организованы юридические курсы НКО КирАССР, которые готовили судебно-следственных работников, в том числе казахской национальности.

Происходило и институциональное оформление юстиции Советского Казахстана. Во второй половине 1922 г. в Казахстане были организованы прокуратура и адвокатура, а 17 января 1923 г. Народным комиссариатом юстиции республики был издан циркуляр «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» 1922 г., согласно которому в стране устанав-

---

¹³ Из циркуляра Народного Комиссариата юстиции КАСССР народным судам и народным следователям казахских участков о введении в судебно-следственных органах делопроизводства на киргизском языке от 11 июля 1923 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 166. С. 414–415.

ливалась единая трехступенчатая система судебных учреждений¹⁴. Уже весной 1923 г. в семи губерниях советской республики были созданы губернские суды, сформирована сеть народных судов, включавшая 138 участков, и создан следственный аппарат. В апреле 1923 г. Постановлением ВЦИК в республике было учреждено отделение Верховного суда РСФСР, что, по мнению ряда ученых, завершило «построение трехчленной судебной системы Казахской республики: народный суд, губернский суд, отделение Верховного суда РСФСР» [12, с. 63]. При этом организация в Казахстане высшей инстанции судебной системы – отделения Верховного суда изначально имела свои особенности и представляла собой Верховный уголовный суд республики. Только в 1925 г. в составе Казахского отделения Верховного суда РСФСР были организованы судебная и кассационная коллегии по гражданским делам.

Таким образом, в 1925 г. завершился сложный период институционального и нормативно-правового оформления юстиции Советского Казахстана. Народный суд терял свой авторитет и значение, а сфера применения норм обычного права поэтапно сокращалась. В нормативных правовых актах КазАССР, принятых после 1925 г., применение традиционных норм и обычаев как источников права не допускалось. Характеризуя основы судостроительства СССР и союзных республик, некоторые исследователи подчеркивают, что «советское государство рассматривало судебные органы, прежде всего, как инструмент в достижении своих целей» [5, с. 171], с чем нельзя не согласиться. Однако в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов советской власти в Казахстане были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-правовой системы и юстиция республики приобрела логически завершенный вид, полностью интегрировав в общегосударственное судебно-правовое пространство.

Список литературы

1. *Абдулин Р. С.* Развитие и становление судебного управления в советской России (1917–1922 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 31–52. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.9.22622> URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22622
2. *Анисимова И. В.* Реформы традиционной судебно-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур. Барнаул: АлтГПУ, 2016. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/barmin.pdf>
3. *Анисимова И. В.* Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2(94). С. 21–27. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)2-02)
4. *Анисимова И. В.* Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеперских институтов и норм права // История. 2019. Т. 10, вып. 8 (82). <https://doi.org/10.18254/S207987840006007-6>. URL: <https://history.jes.su/S207987840006007-6-1>

¹⁴ Постановление от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие положения о судостроительстве РСФСР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm

5. *Бабенко В. Н.* Судебная система России: История и современность. М. : ИНИОН РАН, 2007. 264 с.
6. История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. 1917–1925 гг. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. 447 с.
7. История советского уголовного права. М. : Юрид. изд-во, 1948. 466 с.
8. *Кожевников М. В.* История советского суда. 1917–1956 гг. М., 1957. 383 с.
9. *Лысенко Ю. А., Лысенко М. Ф.* К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2(87). С. 131–138. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2-20](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2-20)
10. *Мажитова Ж. С.* Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2015. № 4. С. 74–84.
11. *Сапаргалиев М. С.* Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955. 66 с.
12. *Шаламов М.* Судебное устройство Казахстана. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 99 с.

The Judicial and Legal System of Soviet Kazakhstan in 1917–1925: Formation of the Institutional and Regulatory Framework

I. V. Anisimova

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article examines the development of the judicial and legal system of Kazakhstan in the first decade of Soviet power on the basis of a wide range of documentary sources. It is emphasized that in the Steppe region the implementation of national reforms of the judicial and legal system had its own peculiarities. The difficulties consisted in the fact that in the region there were no professional personnel in the field of justice, and the high social role of the Biys court also remained. However, beginning in 1918, the Soviet government systematically changed the configuration of the judicial system of Kazakhstan, extending state institutions and legal norms to the Soviet republic. The final stage of the reorganization of the region's judicial power falls on 1920–1925, when the final registration of the judicial and legal system took place on the principles of Soviet justice.

Keywords: Kyrgyz ASSR, soviet power, judicial and legal system, justice, people's court, reform.

For citation: Anisimova I.V. The Judicial and Legal System of Soviet Kazakhstan in 1917–1925: Formation of the Institutional and Regulatory Framework. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 13–21. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.13> (in Russian)

References

1. Abdulin R.S. Razvitiye i stanovleniye sudebnogo upravleniia v sovetskoi Rossii (1917–1922 gg.) [Development and formation of judicial administration in Soviet Russia (1917–1922)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 9, pp. 31–52. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.9.22622> Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22622 (in Russian)
2. Anisimova I.V. Reformy traditsionnoi sudebno-pravovoi sistemy kazakhskogo obshchestva v pervye gody sovetskoi vlasti [Reforms of traditional judicial and legal system of

the Kazakh society in the first years of the Soviet power]. *Rossia, Sibir i gosudarstva Tsentral'noi Azii: vzaimodeistvie narodov i kultur*. Barnaul, AltGPU, 2016. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/barmin.pdf> (in Russian)

3. Anisimova I. V. Stanovlenie sovetskoi vlasti v Kazakhstane i re-alizatsiia politiki korenizatsii administrativnogo apparata v 1920–1926 gg. [Formation of the Soviet Power in Kazakhstan and Realization of the Policy of Indigenization of Administrative Facilities in 1920–1926]. *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2(94), pp. 21–27. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)2-02) (in Russian)

4. Anisimova I.V. Sudebno-pravovaia sistema Stepnogo kraia v poreformennyi period: opyt vzaimodeistviia traditsionnykh nachal i obshcheim-perskikh institutov i norm prava [Legal institutional framework of the Steppe region during the post-reform period: the history of local traditions, general imperial institutions and legal standards engaging together]. *Istoriya*, 2019, vol. 10, iss. 8 (82). <https://doi.org/10.18254/S207987840006007-6> Available at: <https://history.jes.su/S207987840006007-6-1> (in Russian)

5. Babenko V.N. *Sudebnaia sistema Rossii: Istoriia i sovremennost'* [The judicial system of Russia: History and modernity]. M., INION RAN, 2007, 264 p. (in Russian)

6. *Istoriia gosudarstva i prava Sovetskogo Kazakhstana* [History of the state and law of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata, Akademii nauk Kazakhskoi SSR, 1961, vol. 1, 1917-1925. 447 p. (in Russian)

7. *Istoriia sovetskogo ugovnogo prava* [History of Soviet criminal law]. Moscow, Iuricheskoe izdatelstvo Publ., 1948, 466 p. (in Russian)

8. Kozhevnikov M.V. *Istoriia sovetskogo suda. 1917-1956 gg.* [History of the Soviet court system. 1917–1956]. Moscow, 1957, 383 p. (in Russian)

9. Lysenko Iu.A., Lysenko M.F. K voprosu o politike korenizatsii apparata gosudarstvennogo upravleniia v Turkestanskoi i Kirgizskoi (Kazakhskoi) avtonomnykh sovetskikh sotsialisticheskikh respublikakh RSFSR (1919–1924 gg.): tseli, etapy i itogi [To the Question of State Apparatus Indigenization Policy of Turkistan and Kurgyzstan (Kazakhstan) Autonomous Soviet Socialistic Republics RSFSR (1919–1924): Aims, Stages, Results]. *Izvestiia Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 3–2(87), pp. 131-138. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2-20](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2-20) (in Russian)

10. Mazhitova Zh.S. Institut biev v kazakhskom obshchestve v pervoe de-siatiletie so- vetskoi vlasti [The Kazakh court of biys in the early Soviet Russia]. *Vestnik Moskovskogo uni- versiteta*, vol. 8. Istoriia, 2015, no. 4, pp. 74-84. (in Russian)

11. Sapargaliev M.S. *Ocherki po istorii sovetskogo suda v Kazakhstane (1918-1920 gg.)* [Essays on the history of the Soviet court in Kazakhstan (1918-1920)]. Alma-Ata, Akademiya nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1955, 66 p. (in Russian)

12. Shalamov M. *Sudebnoe ustroistvo Kazakhstana* [Judicial system of Kazakhstan]. Moscow, Iuricheskoe izdatelstvo NKIu SSSR, 1941, 99 p. (in Russian)

Анисимова Инна Владимировна
кандидат исторических наук,
доцент, кафедра востоковедения
Алтайский государственный университет
Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
e-mail: iva0410@mail.ru

Anisimova Inna Vladimirovna
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of Oriental Studies
Altai State University
61, Lenin st., Barnaul, 656049,
Russian Federation
e-mail: iva0410@mail.ru

УДК 908

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.22>

Жилищный кризис в сибирских городах в начале 1920-х гг. (по материалам газеты «Красноярский рабочий»)

С. В. Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Аннотация. Предпринимается попытка охарактеризовать проблемы повседневной жизни и настроения сибирских горожан в сложившейся в начале 1920-х гг. жилищной ситуации. С этой целью были проанализированы публикации газеты «Красноярский рабочий», являвшейся органом Енисейского губернского комитета РКП(б), за период с 1921 по 1925 г. Выявлено, что, несмотря на то что газета являлась органом, реализовывавшим и пропагандировавшим на местном уровне политику Центрального комитета РКП(б), и далеко не все материалы, поступавшие в редакцию, попадали в печать, тексты редакционных статей и заметок рабкоров представляют особую ценность для понимания локальной ситуации.

Ключевые слова: газета, настроение горожан, Енисейская губерния, повседневная жизнь.

Для цитирования: Бершадская С. В. Жилищный кризис в сибирских городах в начале 1920-х гг. (по материалам газеты «Красноярский рабочий») // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 22–27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.22>

В отечественной и зарубежной историографии существует большое количество работ, посвященных 1920-м гг. Указывая на необходимость критически относиться к сообщаемой в тексте советской газеты информации, И. Н. Данилевский и другие определяют советскую периодическую печать как один из видов письменных исторических источников, характерными чертами которого являются оперативность передачи информации, большой тираж и распространение среди широких слоев населения [1]. В рамках истории повседневности отдельные аспекты жизни городского населения рассматривались исследователями преимущественно в связи с вопросами развития экономической и социокультурной сфер. В монографии «Раннесоветское общество как социальный проект» исследованы процессы «социалистического строительства» в качестве опыта проектирования «идеального» общества [4]. Н. Б. Лебина, изучив различные аспекты советского общества, уделила внимание вопросам коммунального быта советских людей как аномалии, ставшей нормой в советскую эпоху [2]. Британский историк А. Вуд, раскрывая тему социально-экономического развития Сибири, и в том числе в контексте проблемы взаимоотношений «центра и периферии», проанализировал отношение сибиряков к «столичным властям» [5]. Серьезные разногласия, существовавшие между центральными органами партийной власти и сибирскими в период новой экономической политики, стали предметом изучения другого британского историка Дж. Хьюза [6]. Таким образом, изучение

повседневности городских жителей в связи с проводимой государством политикой на основе газетных публикаций, особенно на материалах провинциальных периодических изданий, не нашло достаточного отражения в литературе.

Прошедший в марте 1921 г. X съезд ВКП(б) анонсировал «курс новой экономической политики», заключающейся в замене продразверстки продналогом, разрешении частной торговли, денационализации мелкой и части средней промышленности, а также демунципализации части жилых зданий и др. На население обрушился целый ряд декретов, вызвав неоднозначную реакцию. Как писал, например, в своем дневнике московский обыватель Н. П. Окунев, «в силу новой экономической политики, каждый день печатаются разные декреты, открывающие частным предпринимателям пути к старым наживам»¹; «Находимся в циклоне “попятных” декретов. <...> Разрешено брать свои “демунципализированные” дома в “пожизненное владение”» [Там же]. X съезд в качестве одного из приоритетных направлений обозначил необходимость пропаганды нового курса и разъяснения его основных задач в средствах массовой информации. Несмотря на высокий процент неграмотного населения (например, в исследуемый период доля неграмотных в Енисейской губернии составляла 75 %²), газеты были единственным массовым и доступным способом передачи информации. Основанная еще в 1905 г., газета «Красноярский рабочий» являлась одним из наиболее авторитетных ежедневных периодических изданий Енисейской губернии. Тираж газеты составлял почти 9 тыс. экземпляров при населении в 1 119 208 человек, которые были «разбросаны на территории 2.233939 кв. верст³...» [3].

Следуя установке центральной власти на необходимость пропаганды курса на местах, в местной газете уже 10 марта 1921 г. стартует своеобразная PR-акция: «Открывшийся вчера X съезд нашей пролетарской партии имеет перед собою целый ряд боевых задач. Одной виднейшей из этих задач является скорейшая безболезненная ликвидация продовольственных и топливных затруднений...»⁴ «В частности в отношении Коммунального Хозяйства вызвана к жизни новая экономическая политика», – продолжает разъяснять газета цели и задачи курса жителям Енисейской губернии в марте 1922 г.⁵. Далее, в декабре 1923 г.: «При новой экономической политике Советская власть разрешает частному капиталу принимать участие в хозяйственном строительстве»⁶.

Пришедшие в упадок инфраструктура и коммунальное хозяйство, продовольственные и топливные затруднения были обычными атрибутами по-

¹ Дневник Никиты Потаповича Окунева, запись от 12 июля 1921 года. URL: <http://prozhitо.org/>.

² Бюллетень Енисейского губернского статистического бюро. URL: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=36689c673e5140c513c02759c5ba4ed5&viewerType=GUNBK&square=%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%20%D0%B1%D1%8E%D1%80%D0%BE>

³ 1 верста = прил. 1066,8 м.

⁴ Туманов И. Открытию X съезда Р.К.П. // Красноярский рабочий. 1921. № 51. С. 1.

⁵ Бочков Н. Коммунальное хозяйство (итоги и перспективы 1921–1922 гг.) // Красноярский рабочий. 1922. № 61. С. 2.

⁶ Шиханов. Розничные цены // Красноярский рабочий. 1923. № 281. С. 2.

вседневной жизни сибирских горожан в начале 1920-х гг. Даже в условиях советской цензуры сложившаяся ситуация в городах Енисейской губернии характеризовалась местным официальным органом печати как «разруха»⁷. Анализ текстовых материалов местного периодического издания показывает, что объектами недовольства жителей губернии в отношении курса «новой экономполитики» стали и местные «торгаши»⁸, и «омещанивающийся» в связи с НЭПом быт⁹, и «воскресшая» «когда пришел НЭП» проституция¹⁰. Однако наибольший накал отрицательных настроений вызывал так называемый жилищный вопрос, который традиционно более всего затрагивал жителей городов. Ситуация, установившаяся в Енисейской губернии, не была исключением.

В апреле 1921 г. газета признавала, что «Жилищной комиссии, жилищный кризис, переживаемый городом, все еще продолжает оставаться неизвестным». Одной из основных причин создавшегося положения было «полное разрушение многих домов»¹¹. Обеспечение нуждающихся горожан жильем осуществлялось за счет административного перераспределения жилого фонда, жилищные условия улучшались путем «уплотнений», переселений в муниципализированные дома. Так, в марте 1922 г. газета сообщала о переселении «в лучшие квартиры» 2114 рабочих, «для чего им отведено 668 квартир с 908 комнатами»¹². Особенно сложная ситуация с жильем наблюдалась в центре города, в котором, например, в 1924 г. проживало 28 944 человека, или около 63 % от общего числа жителей. В одном из апрельских номеров газеты был представлен содержательный отчет о состоянии жилищного фонда города: «Во всем городе имеется 3 524 дома; квартир в них – 10 294 и комнат 20 045. Население города – 45 914 человек, а вся полезная жилплощадь приблизительно равна 528 487 кв. аршин¹³. По количеству занимаемой площади на первом месте стоят служащие. Они занимают 7716 кв. аршин. Дальше, – 7907 кв. аршин занимают лица без определенных занятий; 3560 кв. аршин – невыясненных категорий и рабочих – 3335. Как видно, рабочие стоят на четвертом месте. Они живут чрезвычайно скученно в подвалах, тесных избушках и т. д.»¹⁴ При этом газета писала: «Красноярск, подобно многим городам Сибири и центральной России, переживает жилищный кризис. НЭП гримасничает в области жилищного дела больше, чем где бы то ни было ...»¹⁵ Так, анонсированный центральной московской властью новый курс для местных органов советской и партийной власти оказался связанным с необходимостью решения жилищного вопроса.

В декабре 1921 г. вышел декрет СНК о демунципализации небольших жилых зданий, и газета проинформировала горожан: «С переходом коммунальных домов на новые рельсы значительное число коммунальных домов пере-

⁷ Сагайский В. Все для детей // Красноярский рабочий. 1921. № 125. С. 1.

⁸ Шиханов Розничные цены // Красноярский рабочий. 1923. № 281. С. 2.

⁹ С. Д. К вопросам быта // Красноярский рабочий. 1924. № 5. С. 2.

¹⁰ К. Л. Будем бороться с проституцией // Красноярский рабочий. 1924. № 82. С. 3.

¹¹ Жилищный вопрос // Красноярский рабочий. 1921. № 80. С. 2.

¹² Бочков Н. Коммунальное хозяйство (итоги и перспективы 1921–1922 гг.) // Красноярский рабочий. 1922. № 61. С. 2.

¹³ 1 аршин = 0,71 м.

¹⁴ Рабкор № 4. Хорошие квартиры – рабочим! // Красноярский рабочий. 1924. № 80. С. 3.

¹⁵ А. О. Г. Лучшие жилища – рабочим // Красноярский рабочий. 1922. № 239. С. 1.

дано в частные руки»¹⁶. Уже в 1924 г. из 328 домов, состоящих на балансе красноярского коммунхоза, в аренду частным лицам было сдано 10 домов и 63 – учреждениям¹⁷. «Воскресив» институт «домовладельцев», декабрьский декрет 1921 г. стал одной из причин недовольства горожан в отношении курса «новой экономполитики».

Источником информации о настроениях сибирского городского населения в отношении «гримас НЭПа» в «области жилищного дела» могут служить регулярно появлявшиеся в газете «Красноярский рабочий» редакционные статьи и заметки рабкоров. Тексты рабкоров печатались либо совсем без подписей, либо подписывались псевдонимами, например «Случайный», «Железнодорожник», «Ангарец», или просто буквами «Рабкор И. Е.», «Ег.» или цифрами «рабкор 74», «рабкор 122». Для рабкоров «господа домовладельцы» стали олицетворением нового курса, вызывая исключительно негативные эмоции: «Обнаглевшие домовладельцы в связи с НЭП, стараются выкурить из своих квартир... мелких советских служащих и рабочих», – сообщалось в статье, напечатанной в августовском номере газеты за 1922 г. Статья, вышедшая под заголовком «Господа домовладельцы» и подписанная А. С., была посвящена увеличивающимся «с каждым днем» «нажимам» красноярских домовладельцев на квартирантов: «А если не желаете уходить, – грозно заявила домовладелица, – потрудитесь платить 10 миллионов рублей в месяц»¹⁸. Платить «десятки “лимонов” и пудами муки» квартиранты были просто не в состоянии, так как минимальный заработок, например, рабочего красноярского железнодорожного депо в августе 1922 г. составлял «1040 рублей в денежных знаках 1922 года плюс паек в 40 фунтов муки¹⁹, а максимальный заработок – 3640 рублей плюс паек в 90 фунтов муки»²⁰. Причина поведения домовладельцев тоже находит объяснение в статье: «Мне вас невыгодно держать: за квартиры мне дают миллионы»²¹. «Это вам, богадельникам, не 20-й год хозяевами распоряжаться! Что хочу, то и делаю», – цитируются газетой слова другой домовладелицы в очередной заметке 1923 г., посвященной бытовым проблемам красноярцев, причиной которых, по мнению газеты, опять же являются «обнаглевшие домовладельцы»²². Анализ заметок газеты «Красноярский рабочий», размещенных в разделах «Квартирный фронт», «К вопросам быта», не дает возможности согласиться с мнением сотрудника советского полпредства в Берлине Н. А. Орлова, сделавшего следующую запись в своем дневнике: «Странное впечатление от русских газет. Ложный пафос и скука»²³. Они скорее вызывают в памяти совет М. А. Булгакова, устами профессора Преображенского призывавшего не читать советских газет перед обедом. Вот примеры материалов о повседневных бытовых проблемах и практиках сибирских горо-

¹⁶ А. О. Г. Лучшие жилища – рабочим // Красноярский рабочий. 1922. № 239. С. 1.

¹⁷ Рабкор № 4. Хорошие квартиры – рабочим! // Красноярский рабочий. 1924. № 80. С. 3.

¹⁸ А. С. Господа домовладельцы // Красноярский рабочий. 1922. № 195. С. 3.

¹⁹ 1 фунт = прибл. 0,453 кг.

²⁰ На транспорте // Красноярский рабочий. 1922. № 194. С. 3.

²¹ А. С. Господа домовладельцы // Красноярский рабочий. 1922. № 195. С. 3.

²² № 101. Хоть на Марс // Красноярский рабочий. 1923. № 284. С. 3.

²³ Дневник Николая Афанасьевича Орлова, запись от 3 октября 1921 года. URL: <http://prozhitto.org/>.

жан, связанных со взаимоотношениями квартирантов и «господ домовладельцев» и размещенных в разделе «Квартирный фронт»: «Сильное средство» – о гр. Сакаш, который, с тем чтобы выжить «гр-ку Ноздрину... дошел до того, что гоняется за нею с топором, грозя перерубить ее “пополам и надвое”»²⁴; «Один из способов» – о домохозяйке, которая, чтобы выжить квартирантку, «систематически ругает ее площадной бранью»²⁵; «Не кому следить» – о зав. коммунальным домом, который «выполняет только одну работу – собирает с квартирантов деньги. За санитарным же состоянием двора, загаженного невероятно, посмотреть некому»²⁶. Даже вполне справедливое негодование некоего «домовл. Грубенко» в адрес квартирантки, выливающей помой просто на улицу, не нашло отклика у автора заметки «Ни так, ни сяк», поскольку «застигнутая хозяином была побита метлой»²⁷. Накал противостояния «в области жилищного дела» приводит к тому, что «жилищный вопрос» становится «кризисом», а затем превращается в «борьбу на квартирном фронте».

Анализ текстовых материалов газеты «Красноярский рабочий», опубликованных в исследуемый период, показывает, что газета заняла свое место в этой борьбе. Жилищный кризис отразил многие политические, экономические и социальные противоречия периода «новой экономполитики». Газета «Красноярский рабочий» представляется, с одной стороны, как рупор власти; с другой – достаточно уверенно управляет настроениями масс, используя близкую простым людям эмоциональную лексику и публикуя статьи и заметки, направляющие недовольство горожан против частных предпринимателей. Немаловажной была роль рабкоров, которые выступали как «глас народа» и, очевидно, были вполне искренними.

Список литературы

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории // И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 702 с.
2. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.
3. Отчет о состоянии народного образования Енисейской губернии IV Губсъезду Советов. URL: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=8e1b80a6daa08629592ff594099596a4&viewerType=GUNBKK>.
4. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография. В 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 462 с.
5. *Hughes James.* Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge University Press, 1991. 279 p.
6. *Wood Alan.* Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991, Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.

²⁴ Рабкор И. Е. Сильное средство // Красноярский рабочий. 1923. № 285. С. 3.

²⁵ –а. Один из способов // Красноярский рабочий. 1923. № 280. С. 3.

²⁶ И. Щ. Не кому следить // Красноярский рабочий. 1924. № 6. С.3.

²⁷ Графеев Г. Ни так, ни сяк // Красноярский рабочий. 1924. № 6. С.3.

Housing Crisis of 1920s from Regional Perspective of Siberia and Textual Evidence of “Krasnoyarsk Worker” Newspaper

S. V. Bershadskaya

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the everyday problems and moods of town dwellers about the housing crisis at the beginning of 1920s. The article analyzes the publications (editorial articles and articles of the worker correspondents) of the local periodical “Krasnoyarsk Worker” (“Krasnoyarsky Rabochy”), the organ of the Yenisei Provincial Committee of the RCP (b.), during the period 1921-25. The publications of the provincial Siberian periodical are of particular value despite the facts that the newspaper was the Soviet press organ, which implemented and promoted at the local level the policy of the central party committee, and not all the materials that had come to the editorial office were published.

Keywords: newspaper, town dwellers’ mood, Yenisei province, everyday life.

For citation: Bershadskaya S.V. Housing Crisis of 1920s from Regional Perspective of Siberia and Textual Evidence of “Krasnoyarsk Worker” Newspaper. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 22-27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.22> (in Russian)

References

1. Danilevsky I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. *Istochnikovovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source Study: Theory. History. Method. Russian History Sources]. Moscow, Russian St. Humanit. Univ. Publ., 1998, 702 p. (in Russian)
2. Leбина N.B. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies from War Communism to High Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 483 p. (in Russian)
3. Otchet o sostoyanii narodnogo obrazovaniya Eniseiskoi gubernii IV-mu Gubs"ezdu Sovetov [Review on Education in the Yenisei Province]. Available at: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=8e1b80a6daa08629592ff594099596a4&view=rType=GUNBKK>. (in Russian)
4. Mazur L.N. et al. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg. Part 2. Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie* [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s. Part 2. Soviet society: Culture, Consciousness, Behaviour]. Yekaterinburg, Ministry of Science and Higher Education, Urals State Federal University named after the First Russian President Boris Eltsyn, Urals University Press Publ., 2019, 462 p. (in Russian)
5. Hughes James. *Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy*. Cambridge University Press, 1991. 279 p.
6. Wood Alan. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. Bloomsbury Academic, 2011, 289 p.

Бершадская Светлана Вячеславовна
старший преподаватель, кафедра
иностраных языков
Красноярский государственный аграрный
университет
Россия, 660049, Красноярск, пр. Мира, 80
e-mail: bsv97@yandex.ru

Bershadskaya Svetlana Vyacheslavovna
Senior Lecturer, Department
of Foreign Languages
Krasnoyarsk State Agrarian University,
80, Mir av., Krasnoyarsk, 660049,
Russian Federation
e-mail: bsv97@yandex.ru

УДК 94(470.4) "1921":51-7

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.28>

Статистический анализ деталей и факторов голода 1920-х гг. в Татарской Республике

М. А. Ахметова, А. Р. Нурутдинова

Казанский научный центр РАН, г. Казань, Россия

Аннотация. В 2020 г. в Татарстане отмечается 100-летие образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Целью статьи является разностороннее изучение архивных и делопроизводственных документов, статистических сведений и материалов периодической печати, способствующих выработке и расстановке современных акцентов и взглядов на историю республики. Используя возможности научной работы на стыке различных наук, авторы статьи имеют перспективу абсолютно нового подхода к раскрытию изучаемой темы. Для работы с архивными документами ставится задача статистической и аналитической обработки данных с целью выявления значимых факторов и корреляций.

Ключевые слова: голод 1921 г., Поволжье, Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, статистика, детские учреждения, эпидемии, эвакуация населения.

Для цитирования: Ахметова М. А., Нурутдинова А. Р. Статистический анализ деталей и факторов голода 1920-х гг. в Татарской Республике // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 28–38. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.28>

В год векового юбилея Татарской Автономной Советской Социалистической Республики было бы справедливо остановиться на событиях, произошедших вскоре после образования ТАССР. Начало большого пути не было простым. С приходом к власти большевиков жизнь в России изменилась резко к худшему: дороговизна продуктов, дефицит хлеба, множество безвременных смертей стали постоянными спутниками существования большинства населения. Голод 1920-х гг. показал, что неожиданно для себя захватившие власть в огромной аграрной стране авантюристы не знали, как управлять таким огромным хозяйством: специалистов осталось мало, их или уничтожили как классовых врагов, или они в страхе перед неуправляемым хаосом бежали куда глаза глядят, проклиная разрушивших привычный уклад жизни захватчиков.

Еженедельный орган Народного комиссариата по делам национальностей «Жизнь национальностей» весной 1921 г. отмечал, что если не будут приняты экстренные меры помощи, то 75 % населения Татарской Республики погибнет от голода и связанных с ним эпидемий. При умном подходе руководства страны Татарстан могли миновать бедствия массового голода, поскольку более 90 % населения республики составляли сельские жители. Измученное голодом крестьянство, распродав имущество и оставив на произвол

судьбы хозяйства, начали поиски более благодатных для выживания мест за пределами республики. Оставшаяся часть населения, физически истощавшая от голода, не в состоянии была полноценно трудиться, а сельскохозяйственный труд – один из самых тяжелых. Заметно снизилась хозяйственная мощь страны, совсем недавно не только кормившей свое население, но и экспортировавшей хлеб за рубеж. Уменьшились более чем в два раза посевные площади, к сокращению объема которых привела массовая потеря трудоспособного мужского населения на фронтах Первой мировой, а затем Гражданской войн. Вместо того чтобы поддержать крестьянина, власть имущие периодически отбирали хлеб у земледельцев, не оставляя даже на семена, тем самым лишив их жизненно необходимого стимула производить его.

По переписи населения 1920 г., в Татарской республике зарегистрировано всего 3 021 211 человек, из которых 1 372 368 – мужчины и 1 647 843 – женщины. Из общего числа населения 223 547 человек (100 850 мужчин и 122 697 женщин) проживали в городах и поселениях городского типа, а 2 797 664 человека (1 272 518 мужчин и 1 525 146 женщин) – в сельских местностях¹. По предварительным данным, наиболее многолюдным кантоном являлся Мензелинский, с общей численностью 459 604 человека. В группу с населением более 300 тыс. человек относились Чистопольский (354 203), Арский (353 248), Бугульминский (333 733) и Буинский (304 269) кантоны. В третью группу – с населением более 200 тыс. – входили Мамадышский (238 302), Тетюшский (219 607) и Лаишевский (205 817) кантоны. На последнем месте – с населением свыше 100 тыс. – находились Спасский (182 111) и Свияжский (146 770) кантоны.

Интересно проследить и сопоставить количество городского и сельского населения республики и других стран. Например, самое большое количество городского населения наблюдалось в Англии (78 %), Норвегии (72 %), Германии (56 %), Северо-Американских Штатах и во Франции (по 41 %), Дании и Голландии (по 39 %). Значительно меньше в Италии (26 %), Швеции (22 %), Венгрии (20 %). Земледельческий характер нашего края – Татарской республики – подчеркивает соотношение сельских (93 %) и городских (7 %) жителей. В целом по стране в ту пору доля деревенских жителей составляла около 85 %.

В начале 1920-х гг. территория ТАССР была намного больше, чем некоторых государств Западной Европы (Швейцарии, Дании, Бельгии, Голландии), да и плотность населения с учетом площади невысокая (обратите внимание на Бельгию, Голландию). Например, территория Татарской республики 58 824 кв. верст, а по плотности населения на 1 кв. версту приходится 42,2 человека; Дания – 35 000 кв. верст, на 1 кв. версту приходится 20,5; Бельгия – 26 000 кв. верст, на 1 кв. версту приходится 273,1; Голландия – 19 000 кв. верст, на 1 кв. версту приходится 177,2 человека. По численности населения Татарская республика опережает некоторые государства Западной Евро-

---

¹ Бюллетень статистического управления Татарской Советской Социалистической Республики. 1920. № 5 (ноябрь-декабрь).

пы, такие как Норвегия (2 692 000), Латвия (2 500 000), Албания (1 400 000), Эстония (1 250 000), Европейская Турция (1 200 000)².

Вот так выглядела молодая республика в 1920-е гг. в цифрах. Испытания, которым она подверглась и которые пережила, достойны тщательного изучения, дабы впредь не допустить подобных бедствий. Ныне наша республика стала регионом-лидером в России по многим показателям, культурным и туристическим центром. Однако в республике, как и в стране, сейчас назревает серьезная продовольственная проблема, связанная со стремительным сокращением животноводства всех видов в сельских местностях, внедрением и использованием разных заменителей натуральных продуктов.

Голод в республике начал принимать характер стихийного бедствия в 1921 г. Оголодавшее население употребляло в пищу разного рода суррогаты хлеба: корневища болотного камыша, лебеду, картофельную ботву, липовые опилки, всякие травы, гороховую и ржаную солому и др. В конце зимы и начале весны 1922 г. распространенными суррогатами в рационе крестьян стали: солома с крыш, глина, древесная кора и конский помет³.

Сельское население пыталось восполнить недостаток хлеба мясом, беспощадно уничтожая овец, свиней, крупный рогатый скот и лошадей. Скот поедается, вымирает от бескормицы и развивавшихся на почве голода эпидемий. Люди съедали падаль, употребляли в пищу кости и кожу. Обратимся к цифрам о наличии и движении скота. В 1920 г. общее поголовье в Татреспублике равнялось 2 451 029, в 1921 г. оно составляло 1 484 779, а в 1922 г. – всего 689 325 голов, таким образом, сократилось количество скота почти в четыре раза. График численности лошадей по республике представлен на рис. 1.

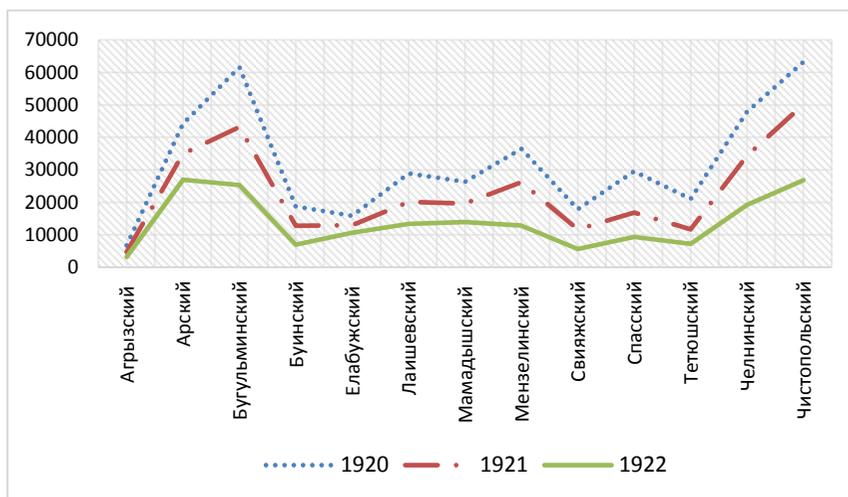

Рис. 1. График численности лошадей по кантонам Татреспублики

² Использованы данные из статистических сводок, составленных заведующим Статистическим управлением Татреспублики В. М. Ермолаевым

³ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.Р. 4470. О. 1. Д. 21. Л. 33.

Ситуацию в республике можно представить по докладу помощника начальника американской администрации помощи Джеймса Райвза Чайльда «О пищевых и санитарных условиях в Татреспублике» (9–23 декабря 1921 г.), где он пишет о том, что «число лошадей во многих деревнях настолько недостаточно и, кроме того, лошади настолько слабы, что во время моей поездки приходилась нанимать лошадей только в городе, т. к. в деревнях лошадей достать было невозможно», и, «проехав более 90 % всей территории, я не смог найти куска хлеба, или иного мяса кроме конины»⁴. Малочисленность конского состава осложнила и выполнение продовольственных нарядов, поскольку гужевого транспорт находился в плохом состоянии и не удовлетворял потребности учреждений в переброске продовольственных грузов и семенного материала.

В связи со сложившейся катастрофической ситуацией Татреспублика предоставила право бесплатного проезда для закупки лошадей лицам, лишившимся таковых на почве голода, за счет Центрального комитета Помгола. В целях быстрого и успешного восстановления сельского хозяйства крестьян призывали приобретать для своего разрушенного хозяйства лошадей, используя предоставляемую льготу.

На почве хронического недоедания, употребления съедобных и несъедобных суррогатов пищи, передвижения голодающих масс мешочников из пораженных мест в благополучные области разыгрались разные эпидемии, специфические заболевания среди населения, бороться с которыми Народный комиссариат здравоохранения ТАССР не был готов, ситуация осложнилась и критическим финансовым положением данного учреждения. С 1 июля 1921 г. по 1 июля 1922 г. общая заболеваемость по ТАССР достигла 1 968 706 чел., 49 % из них заболели на почве голода (955 319), 44 % населения переболело незаразными болезнями (863 990) и 7 % – заразными (149 396). Распространенность заболеваний разного типа приведена на рис. 2.

Рис. 2. Распространенность эпидемических заболеваний по республике

⁴ ГА РТ. Ф.Р. 4470. О. 1. Д. 6. Л. 31.

Из графика видно, что с 1 июля 1921 г. по 1 июля 1922 г. наибольшее развитие получил тиф (сыпной и возвратный) с количеством заболевших 67 503 человека, цинга (27 912 заболевших), на третьем месте дизентерия – 23 430 случаев заболеваний. Пик заболевания холерой в республике наступил летом–осенью 1921 г., волна тифозных заболеваний началась зимой 1922 г. К наиболее пораженным тифозной эпидемией Народный комиссариат здравоохранения ТАССР отнес Спасский, Тетюшский и Челнинский кантоны. Число заболевших с 1 июля 1921 г. по 1 октября 1922 г. по кантонам достигло 72 581 человека, самое большое количество заболевших – в Мензелинском (8914), Чистопольском (8862) и Свияжском (7760) кантонах. Например, жертвами сыпного тифа в ноябре 1921 г. стали 951 взрослый и 347 детей Чистопольского кантона. В феврале 1922 г. только в этом кантоне за неделю вымерло от голода 13 184 человека и от тифа – 156. Заболевают еженедельно 20–22 тыс. человек. По графикам ниже (рис. 3 и 4) видно, что в Чистопольском кантоне с конца 1921 г. и весь 1922 г. уровень эпидемии оставался достаточно высоким. Пик заболеваемости приходился на весенний период 1922 г.

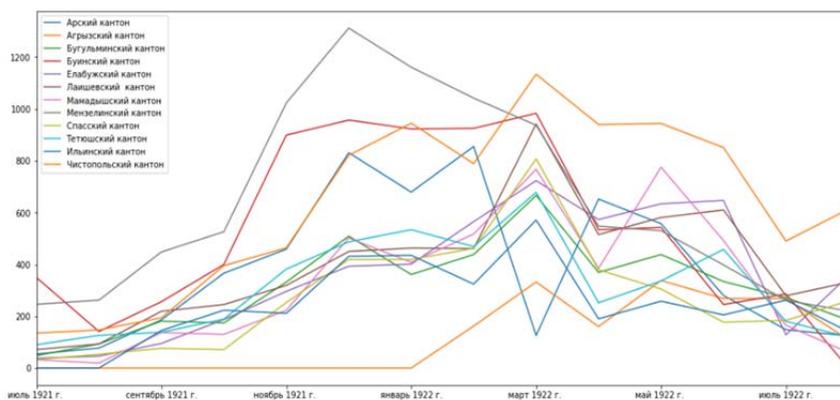

Рис. 3. Движение тифозной эпидемии по Татарской Республике с 1 июля 1921 г. по 1 октября 1922 г. (количество заболеваний)

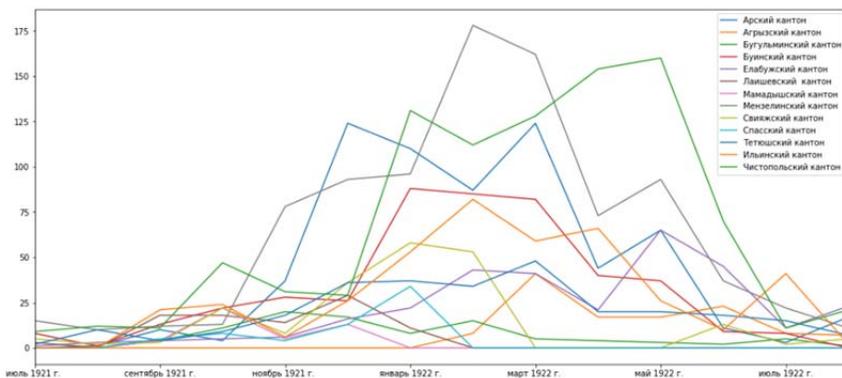

Рис. 4. Число погибших от тифа в кантонах Поволжья

Хроническое недоедание и употребление разных суррогатов вызвало среди населения Татарской Республики массовое острое малокровие, голодные отеки всего тела, цингу, язвенные поражения желудка и кишок, кровавый понос, общее истощение организма и даже психозы, на почве чего произошли случаи людоедства и трупоедства [2, с. 26]. Положение страны заставило людей забыть грань между человеком и животным. По зарегистрированным случаям людоедства в начале 1922 г. из 13 кантонов Татарской Республики выделяются Мензелинский (58), Челнинский (51), Чистопольский (41), меньше в Бугульминским (26) и Спасском (25), а в других кантонах зафиксировано меньше десяти случаев.

По статистическим сведениям о голодающих Татарской Республики, опубликованным в газете «Известия ТатЦИКа» (28 января 1922 г.), на 1 января 1922 г. из 2 797 527 человек взрослого населения голодает 2 260 904 (81 %), а из 969 908 детей без посторонней помощи могут существовать лишь 30 097 (3 %). Обратимся к данным, приведенным заместителем председателя Комиссии помощи голодающим Поволжья Исхаком Казаковым, которые красноречиво описывают тяжелое состояние населения Татарской Республики в 1921 г.: «Питается 442 678 человек, голодают 2 260 904 человека», «питаются – 360 536 детей, голодают – 570 275 детей. Вырождение за 1921 г. – 326 106 детей (25 % всего детского населения)»⁵.

В качестве примера представим статистику по Чистопольскому кантону, поскольку Чистополь был одним из самых благоустроенных и богатых городов Казанской губернии в дореволюционную эпоху, но пострадал от страшного голода не меньше других населенных пунктов республики. Руководство прогнозировало, что население Чистопольского кантона к концу января 1922 г. будет голодать поголовно, даже обеспеченная часть населения в питании может обеспечивать себя лишь от одного до двух с половиной месяцев. По данным Кантонного статистического отделения, к 1 апреля 1922 г. по 23 волостям Чистопольского кантона общее число населения определялось в 301 868 человек (голодает 296 323 человека), из них взрослых – 171 609 (голодает 167 395) и детей – 130 259 (голодает 128 928). Таким образом, голодающие по кантону составляют 98,12 % от числа населения кантона⁶. На рисунке 5 мы видим, что пик роста числа голодающих пришелся на март – апрель 1922 г., и такое положение сохранилось до осени.

На следующем графике (рис. 6) представлено, что Чистопольский кантон среди 13 кантонов Татарской Республики лидирует по количеству умерших за год от голода, и доля смертности здесь составила 13,4 %.

Официальные сведения статистического управления Татарской Республики о смертности населения за голодный 1921 г. подтверждают более высокий уровень смертности и низкий уровень рождаемости среди татар, чем среди представителей других национальностей. В Татарской Республике по количеству умерших, например, Челнинский кантон занимает первое место: татар умер-

⁵ Казаков И. Бейте в набат // Известия ТатЦИКа. 1922. 1 февр.

⁶ ГА РТ. Ф.Р. 4470. О. 1. Д. 21. Л. 33.

ло 14 %, русских – 5,3 %. По республике уровень смертности татарского населения достигает 6,6 %, русского – 4,1 % [1, с. 27]. Соотношение погибших и родившихся среди татар и русских, по материалам специального обследования Статистического управления ТАССР, приведено на рис. 7.

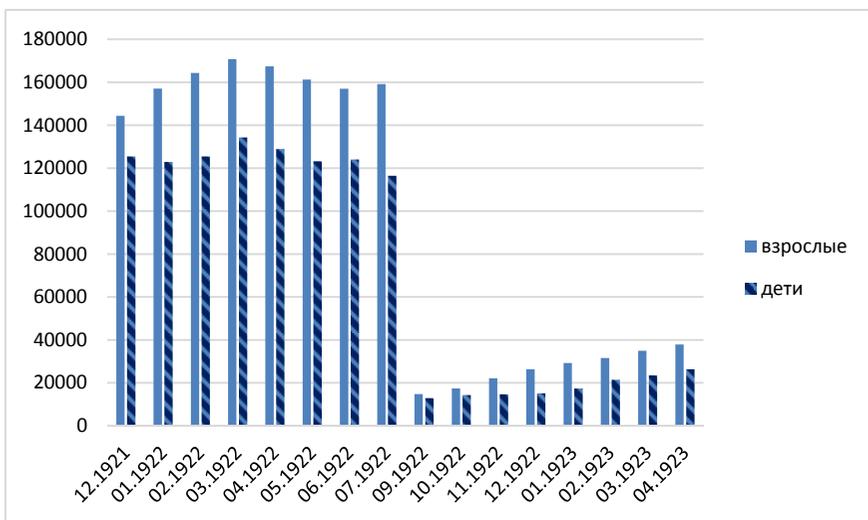

Рис. 5. Соотношение числа голодающих взрослого населения и детей Чистопольского кантона в период с декабря 1921 г. по апрель 1923 г.

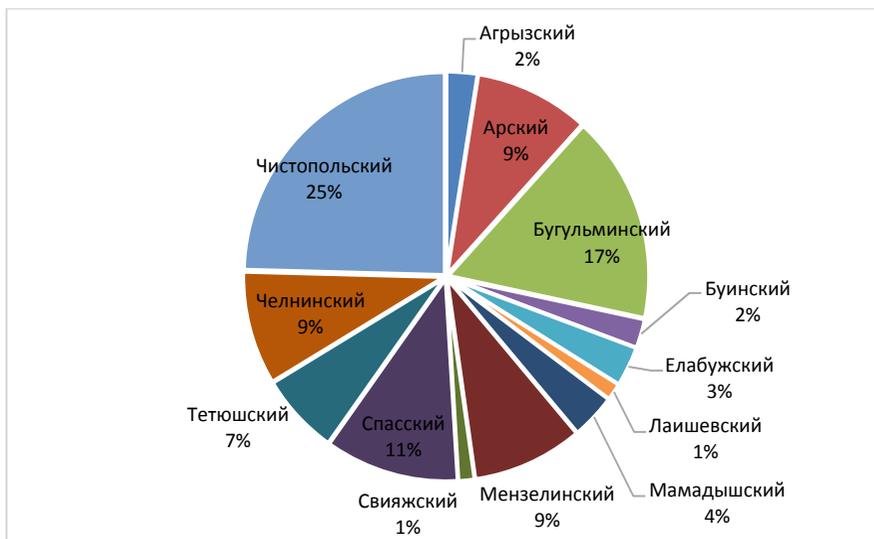

Рис. 6. Доля погибших по кантонам Татарской Республики

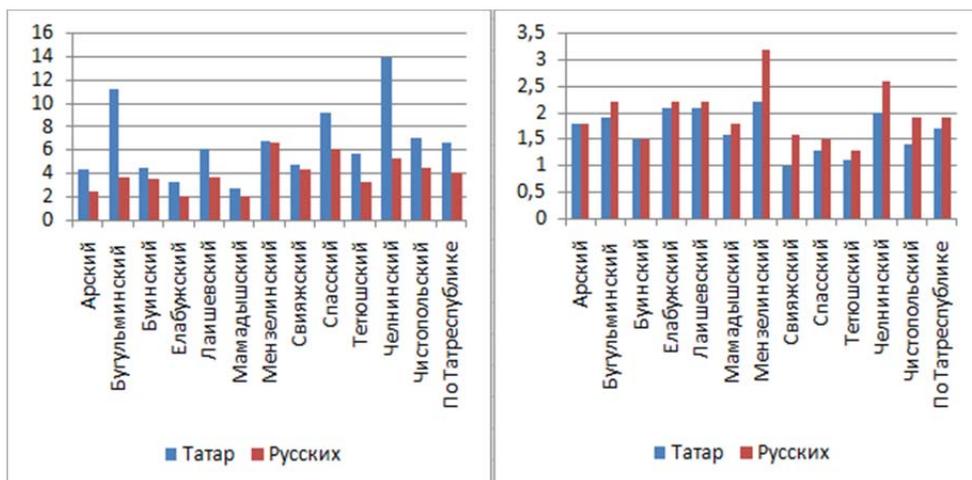

Рис. 7. Соотношение татар и русских, умерших (слева) и родившихся (справа) в рассматриваемый период

Отдельно хотелось бы остановиться на положении детей Татарской Республики, содержании их в детских учреждениях, куда направлялись в большом количестве беспризорные дети из кантонов и городов в конце 1921 и начале 1922 г. С 1 января по 1 февраля 1922 г. в Чистополе отмечается поток беспризорных, в среднем до 50 человек ежедневно являвшихся в Отдел образования, принимавшихся в уже крайне перегруженные распределители, что привело к стремительному росту разных эпидемических заболеваний. Единственной действующей мерой, принятой Помголом в сложившейся безвыходной ситуации, являлось оказание помощи на местах, т. е. скорейшая организация новых столовых в голодающих деревнях, которая дала благоприятные результаты в борьбе с наплывом голодных детей⁷.

За период с 1 января по 10 октября 1922 г. в детских распределителях проходит 7 109 детей, из которых 1 947 эвакуируются в урожайные местности, 961 ребенок передается на содержание учреждений, 820 возвращаются родственникам с выдачей на дом пайка в сухом виде, 531 ребенок умирает из-за антисанитарных условий распределителей, остальные распределяются по детдомам и домам ребенка [3, с. 191].

В марте 1922 г. началась подготовка детей к эвакуации в урожайные местности, и в связи с этим приемник Народного комиссариата здравоохранения наравне с распределителями Народного комиссариата просвещения ТАССР принимал не более 15–20 % ожидающих помощи беспризорных. Количество беспризорных детей растет, увеличивается и число детских домов (рис. 8).

⁷ ГА РТ. Ф.Р. 4470. О. 1. Д. 21. Л. 33.

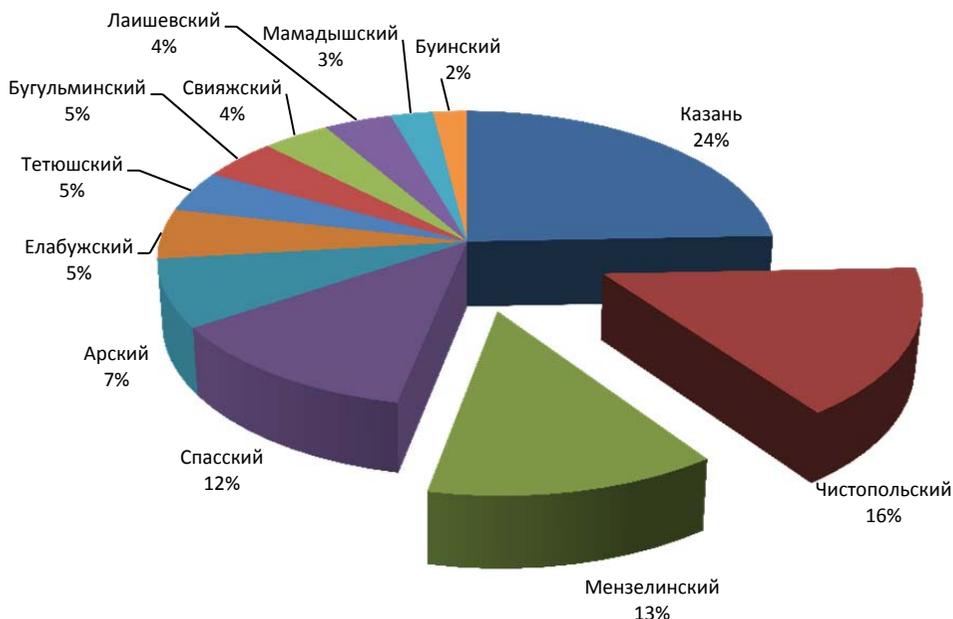

Рис. 8. Доля детских домов в Татареспублики по кантонам на 1922 г.

В 1922 г. в Чистопольском кантоне находятся 32 детских дома, в которых содержится 1 110 детей от 4 до 17 лет. В Мензелинском кантоне на меньшее число детских домов (26) приходится 2092 ребенка, а в Спасском 5675 детей проживает в 25 детских домах⁸. В самом Чистополе в 13 детских домах содержится 640 голодающих детей (рис. 9). Во всех детских учреждениях отмечается один и тот же недостаток: количество коек меньше числа детей, количество тюфяков меньше числа коек. Есть и такие детские дома, где нет коек, и дети спят на голых половицах, на тюфяках.

Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции были обнаружены следующие дефекты в работе детских домов Татареспублики: антисанитарное состояние дворов и уборных, отсутствие освещения, недостаток в одежде, белье, обуви, постельных принадлежностях, кухонной посуде, продукты питания отпускались не полностью, иногда с запозданием, дефицит дров для отопления зданий и для приготовления пищи, халатное отношение персонала к делу, кража продуктов и вещей и др.

С июля 1922 г. начинается реэвакуация детей из урожайных мест на родину. За август-сентябрь было возвращено 122 ребенка в Арский, 120 в Лаишевский, 75 в Мамадышский, 64 в Спасский, 34 в Тетюшский кантоны и по 33 ребенка в Чистопольский и Мензелинский.

⁸ ГА РТ. Ф.Р. 4470. О.1. Д. 27. Л. 34.

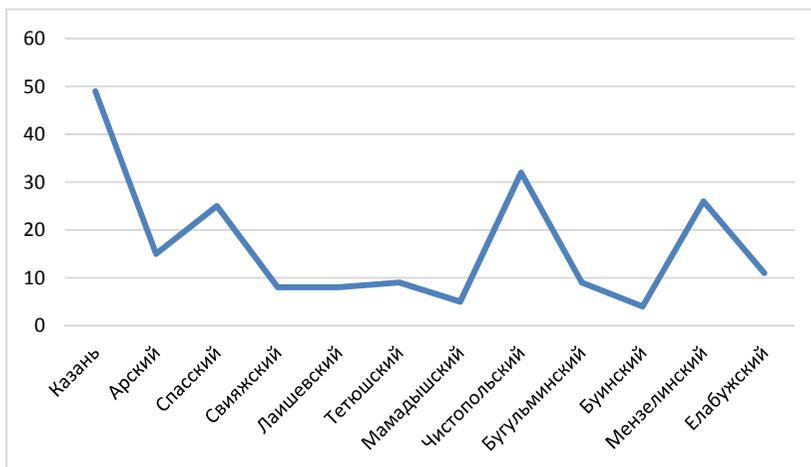

Рис. 9. Соотношение числа детских домов к количеству проживающих в них детей по кантонам

Результаты проведенных руководством кантонов и республиканскими властями мероприятий по борьбе с голодом свидетельствуют об отсутствии опыта в организации осмысленной работы по противостоянию обрушившемуся на республику бедствию. В случае правильной постановки дела могли быть спасены тысячи жизней. Думается, события тех лет не должны остаться в забвении, и в год столетия образования республики мы должны напомнить всем о поучительном опыте прошлых лет.

Список литературы

1. Губайдуллин Х. Татарстан за семь лет (1920–1927). Казань : Татиздат, 1927. 92 с.
2. Отчет о деятельности Народного комиссариата здравоохранения АТССР с 1 июля 1921 г. по 1 октября 1922 г. Казань : Типография Красный печатник, 1922. 61 с.
3. Отчет экономического совета АТССР с 1 января по 10 октября 1922 г. Казань : Типография Восток, 1922. 245 с.

Statistical Analysis of Details and Factors of 1920s Famine in the Tatar Republic

M. A. Akhmetova, A. R. Nurutdinova

Kazan Scientific Center RAS, Kazan, Russian Federation

Abstract. The year 2020 in the Republic of Tatarstan is declared the year of the 100th anniversary of the formation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. The purpose of the article is a versatile study of archival and record-keeping documents, statistical information and materials of the periodical press, which contribute to the development and arrangement of modern accents and views on the history of the republic. Using the possibilities of scientific work at the intersection of various sciences, the authors of the article have the prospect of an absolutely new approach to the disclosure of the topic being studied. To work with archival documents, the task of statistical and analytical processing of data is set in order to identify significant factors and correlations.

Keywords: famine of 1921, Volga region, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, statistics, children's institutions, epidemics, evacuation of population.

For citation: Akhmetova M.A., Nurutdinova A.R. Statistical Analysis of Details and Factors of 1920s Famine in the Tatar Republic. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 28-38. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.28> (in Russian)

References

1. Gubaidullin Kh. *Tatarstan za sem let (1920-1927)* [Tatarstan in seven years (1920-1927)]. Kazan, Tatizdat Publ., 1927, 92 p. (in Russian)
2. *Otchet o deyatelnosti Narodnogo komissariata Zdravookhraneniya ATSSR s 1 iyulya 1921 g. po 1 oktyabrya 1922 g.* [Report on the activities of the People's Commissariat of Health of the ATSSR from July 1, 1921 to October 1, 1922]. Kazan, Krasnyi pechatnik Publ., 1922, 61 p. (in Russian)
3. *Otchet ekonomicheskogo soveta ATSSR s 1 yanvarya po 10 oktyabrya 1922 g.* [Report of the Economic Council of the ATSSR from January 1 to October 10, 1922]. Kazan, Vostok Publ., 1922, 245 p. (in Russian)

Ахметова Миляуша Ансаровна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
лаборатория многофакторного
гуманитарного анализа и когнитивной
филологии
Казанский научный центр РАН
Россия, 420111, г. Казань,
ул. Лобачевского, 2/31
e-mail: ama201289@yandex.ru

Akhmetova Miyausha Ansarovna
Candidate of Sciences (Philology),
Senior Research Associate, Laboratory
of Multiple Humanitarian Analysis
and Cognitive Philology
Kazan Scientific Center RAS
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: ama201289@yandex.ru

Нурутдинова Алсу Рафаиловна
кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник,
лаборатория многофакторного
гуманитарного анализа и когнитивной
филологии
Казанский научный центр РАН
Россия, 420111, г. Казань,
ул. Лобачевского, 2/31
e-mail: Nurutdinovaar@mail.ru

Nurutdinova Alsu Rafailovna
Candidate of Sciences (Physics and
Mathematics), Senior Research Associate
Laboratory of Multiple Humanitarian
Analysis and Cognitive Philology
Kazan Scientific Center RAS
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111,
Russian Federation
e-mail: Nurutdinovaar@mail.ru

УДК 902/904(470:519)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.39>

Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова*

С. В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Археологическое изучение Сибири насчитывает более 300 лет, тогда как первые работы по археологии Корейского полуострова относятся к рубежу XIX–XX вв. Взаимный интерес археологов двух стран к древней и средневековой истории Сибири и Корейского полуострова обусловлен близостью территорий и взаимосвязанностью многих исторических процессов. Последние десятилетия сотрудничество развивается в нескольких направлениях: подготовка специалистов, проведение совместных археологических раскопок (в Сибири, на Дальнем Востоке и в Корее), публикация результатов исследований. Основные предметные области изучения: палеолит, неолит, ранний железный век и средневековая археология. В Сибири центром сотрудничества является Новосибирск. Первые археологические раскопки с участием новосибирских и корейских археологов состоялись в 1999 г. в Хабаровском крае. К настоящему времени совместные исследования охватили территории Приамурья, Приморья, российского Алтая, южную часть Корейского полуострова. Несколько известных корейских специалистов защитили диссертации в России. Совместное изучение двух важных в истории территорий обогатило историческую науку большим объемом новых археологических данных. Научные дискуссии помогают решению общих проблем первоначального заселения Востока Азии, формирования древних культур и становления цивилизации.

Ключевые слова: археология, Сибирь, Корейский полуостров, культурное наследие, древность, средневековье.

Для цитирования: Алкин С. В. Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 39–49. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.39>

История изучения археологических памятников в Сибири насчитывает более 300 лет. Ее отсчет был связан с работой первых российских академических экспедиций. Вторая половина XX в. и начало нового тысячелетия стали временем не только расширения территорий, которые подверглись планомерному исследованию, но и формирования современных концепций первоначального заселения региона, этногенеза и становления цивилизации.

---

* Статья подготовлена по материалам доклада «Первые десятилетия российско-корейского сотрудничества в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова: причины, направления, проблемы и результаты», представленного на научном семинаре «Россия и Корея: взгляд из Сибири» (г. Иркутск, ИГУ, 10–11 октября 2020 г.).

Что касается изучения археологических памятников эпохи древности и средневековья на Корейском полуострове и сопредельных территориях Маньчжурии, входивших в ареал формирования в том числе протокорейских культур, то первыми их с конца XIX в. исследовали японские археологи. Тогда же сведения по археологии Кореи становятся доступны исследователям древностей Азии в России и Европе. Активное изучение всего разнообразия археологических источников на территории Корейского полуострова относится уже ко второй половине XX в. После восстановления независимости археология в обоих корейских государствах получила приоритетное развитие в комплексе гуманитарных наук. В немалой степени это было связано с идеологическими причинами, а также с необходимостью сохранения историко-культурного наследия, пострадавшего в ходе японской оккупации и корейской войны. Становление национальной археологической науки в двух корейских государствах имело свои особенности, что на современном этапе привело к существенным различиям в методике работы археологов, в масштабах использования естественно-научных методов и интерпретации результатов полученных данных. Но общим итогом деятельности археологов КНДР и Республики Корея выступило то, что комплекс источников по древнейшей и средневековой истории региона нарастающими темпами включается в общий процесс изучения археологии Дальнего Востока и всей Азии. Сегодня невозможно представить исследования международного уровня по проблематике восточноазиатской археологии без учета данных по древней и средневековой археологии Кореи.

В настоящее время взаимный интерес к древней и средневековой истории Сибири и Кореи обусловлен не только территориальной близостью, но и пониманием взаимосвязи этногенеза населения Дальневосточного региона Восточной Азии, исторических процессов в древности и средневековье. Последние десятилетия сотрудничество археологов Сибири и двух стран Корейского полуострова развивается в нескольких направлениях. Это подготовка специалистов, проведение археологических раскопок на территориях южной части Корейского полуострова и в России (Сибирь, Дальний Восток), публикация результатов совместных исследований, проведение научных семинаров и конференций. Основные области изучения – каменный век, ранний железный век, средневековая археология.

Интерес отечественных археологов к корейским древностям все более возрастает во второй половине XX в. Это было связано с активизацией археологического изучения Дальневосточного региона нашей страны. Прежде всего этому способствовало начало деятельности академической Дальневосточной археологической экспедиции (1953) в Восточном Забайкалье, Приамурье и – особенно – в Приморье, которое имеет общую границу с КНДР [10]. В 1950-е гг. были установлены контакты с северокорейскими археологами, которые в своей работе в значительной степени ориентировались на опыт советской археологии. Чрезвычайно важным событием в отечественном археологическом востоковедении стала публикация монографии М. В. Воробьева [12], который впервые представил отечественным специа-

листам подробный обзор материальной культуры древней Кореи, основанный на анализе публикаций японских, западноевропейских и корейских исследователей конца XIX – первой половины XX в. Автор подчеркивал сложности в формировании источниковой базы, неравномерность археологической изученности территории полуострова, неоднородность источников, в том числе по причине того, что они были получены исследователями, использовавшими разные методы археологического поиска и интерпретации собранных данных. Обратил он внимание и на разрыв в накоплении археологических материалов в Северной и Южной Корее, который был очевиден к моменту завершения работы над книгой (1959 г.) [12, с. 4, 128]. Опубликованные М. В. Воробьёвым данные на несколько десятилетий стали той базой знаний отечественных исследователей об археологии каменного века, периода палеометалла и ранних государств на Корейском полуострове [см.: 38].

Одновременно в Советском Союзе шла работа по переизданию классических и подготовке новых переводов китайских исторических хроник. Особый интерес сибирские и дальневосточные специалисты по древней и средневековой истории Востока Азии проявляли к источникам по древней и средневековой истории Маньчжурии и сопредельной Кореи [33 и др.]. Вслед за публикацией перевода на русский язык важнейшего источника по периоду корейского Троецарствия «Самгук саги» [21] Р. Ш. Джарылгасинова вводит в научный оборот отечественной науки новые данные по археологии раннего средневековья Кореи. Серия ее работ была посвящена изучению ранних этапов этногенеза корейцев на материале истории когурёсцев [17–19 и др.].

Все это вместе сформировало к началу 1960-х гг. представление об археологической изученности региона, о существовавших концепциях раннего заселения Корейского полуострова, археологических культурах древности и эпохи раннего использования металлов, роли археологии в изучении ранней корейской государственности.

Новый этап изучения археологии Корейского полуострова был связан с формированием новосибирской школы археологического востоковедения. Еще в 1950-е гг. несколько молодых северокорейских археологов проходили подготовку под руководством А. П. Окладникова в Ленинграде. Был опубликован ряд совместных работ по археологии Кореи, а некоторые материалы по каменному веку и эпохе ранних металлов полуострова были использованы при подготовке трудов по дальневосточной археологии [31; 32 и др.]. Создание нового научного центра в Сибири, в состав которого вскоре вошел Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, вывело на новый уровень сибирскую археологию и способствовало изучению археологии сопредельных государств Восточной Азии. В 1971 г. в ИИФФ СО РАН был создан сектор истории и археологии стран зарубежного Востока под руководством В. Е. Ларичева. Три с половиной десятилетия работы этого подразделения его сотрудники вели исследования в области этнокультурной истории Восточной и Центральной Азии, уделялось также внимание проблемам археологии древней и раннесредневековой Кореи [16, с. 13]. К археологическим источникам обращался в своих трудах по истории Древнего

Чосона и периода Трех государств единственный на тот момент в институте специалист со знанием корейского языка Ю. М. Бутин [6–9].

В Новосибирске были продолжены контакты с северокаорейскими археологами. В 1974 и 1987 гг. состоялись две продолжительные командировки новосибирских археологов в КНДР, результатом которых стали статьи и монографические исследования, посвященные в основном археологии каменного и бронзового веков [11; 26]. Наиболее существенной по результатам была поездка 1974 г. Опубликованные позднее путевые заметки В. Е. Ларичева представляют собой неформальный дневник археолога-востоковеда, в котором на основе личных наблюдений и широкого круга источников дана характеристика особенностей развития археологической науки в северной части Корейского полуострова. Записи бесед с археологами КНДР зафиксировали их взгляды на основные этапы эволюции культур полуострова от палеолита до железного века и раннего средневековья, в том числе и в части критики взглядов на историю Кореи китайских и японских археологов. Автор делится своими впечатлениями относительно состояния археологической науки, наблюдениями о методике археологических раскопок КНДР [26, с. 18–100]. Книга В. Е. Ларичева стала уникальным свидетельством о стране, которая на десятилетия оказалась практически закрытой для экспедиционного изучения.

После отъезда из Новосибирска Ю. М. Бутина специалистов со знанием корейского языка здесь не осталось. В то же время материалы корейской археологии в контексте изучения эпох камня и раннего металла Дальнего Востока анализировались в трудах В. Е. Ларичева и А. П. Деревянко [14; 15; 23–25 и др.].

В 1997 г. на гуманитарном факультете НГУ было начато преподавание корейского языка. Востоковедческое направление научно-педагогической работы гуманитарного факультета НГУ с момента его создания было прочно связано с сектором истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО РАН (с 1990 г. – ИАЭТ СО РАН). Тем самым были созданы благоприятные условия для специализации студентов по археологии и древней истории населения Корейского полуострова [3].

В 1990-е гг. с установлением дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея получили активное развитие связи с археологами юга Корейского полуострова. В аспирантуре ИАЭТ СО РАН прошли подготовку и защитили диссертации по археологии Сибири и сопредельных территорий молодые корейские археологи Ли Хонджон [28], Кан Инук [20] и Хон Хён У [37]. Изучая проблемы археологии Сибири, Дальнего Востока и сопредельных территорий, они знакомили российских коллег с археологией Кореи, сотрудничали в изучении актуальных проблем верхнего палеолита, переходного периода к неолиту, эпохи раннего металла, формирования археологических культур и ранних этапов этногенеза в регионах Южной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Северного и Северо-Восточного Китая и Корейского полуострова. Впоследствии благодаря этим и другим корейским специалистам, учившимся и стажировавшимся в России, археология

Сибири стала в Корее органичной частью исследовательского процесса в изучении этнокультурной истории региона Восточной и Северо-Восточной Азии.

Поворотным в сотрудничестве сибирских и корейских археологов стал 1999 г., когда были начаты совместные археологические исследования в Хабаровском крае, а затем в российском Приморье [29]. Затем в первое десятилетие нового столетия пять совместных российско-корейских полевых сезонов прошли на территории Амурской области. Проводилась апробация использования отечественных и корейских методик полевой археологии при изучении разновременных поселенческих и погребальных памятников [30]. Совместно осуществлялась камеральная обработка полученных во время раскопок материалов, подготовка и публикация двуязычных монографических отчетов. Новосибирские исследователи, их корейские коллеги из Фонда культуры и искусства провинции Чеджудо и Института культурного наследия РК не только ввели в научный оборот новые источники, но и выявили возможности сопоставления их с данными по синхронным археологическим культурам зарубежного Дальнего Востока, включая территорию Корейского полуострова. Работа по анализу полученных данных продолжается.

В 2004 г. состоялась продолжительная командировка новосибирских археологов для проведения совместных исследований на острове Чеджу [1; 4]. Конечно, у нас сохраняются различия в подходах к решению отдельных проблем археологии и ранней истории Кореи и сопредельных территорий. Это находит отражение в ходе дискуссий на научных конференциях разного уровня. В настоящее время в Новосибирске ведется всестороннее изучение археологии Когурё и Бохая, для чего привлекается широкий спектр источников, полученных в ходе полевых исследований российскими, корейскими и китайскими археологами [2; 5 и др.]

Тесные и плодотворные контакты с корейскими учеными способствуют прогрессу в подготовке новых специалистов в области археологического востоковедения в Новосибирском научном центре. Помимо многих выпускных работ по отдельным проблемам археологии, древней и средневековой истории Корейского полуострова, которые были представлены в Новосибирском госуниверситете за прошедшие два десятилетия, два его выпускника защитили кандидатские диссертации по археологии Кореи (А. Л. Субботина [36] и А. А. Гилёв [13]) и продолжают работу в этой области. Несколько выпускников НГУ защитили магистерские диссертации по археологии и этнографии в университетах Республики Корея, а М. А. Стоякин получил степень PhD в Университете Корё [34]. Несколько молодых ученых из Кореи побывали на стажировках по археологии Сибири в НГУ, в том числе успешно пройдя курс подготовки в магистратуре и аспирантуре. Магистранты и аспиранты из Республики Корея принимали участие в полевых работах в составе Шилкинского отряда ИАЭТ СО РАН и НГУ в Забайкальском крае. Опыт молодого археолога из России в корейском «поле» проанализирован в эссе М. А. Стоякина [35].

С 2011 г. возобновилось сотрудничество с археологами КНДР. С. В. Алкин (2011, 2015 и 2016) и В. В. Ахметов (2016) приняли участие в

научных конференциях в Университете им. Ким Ир Сена. Корейские специалисты получили возможность публиковать свои научные работы в Новосибирске [27].

Необходимо подчеркнуть, что на Дальнем Востоке России весьма успешно и с выдающимися по важности результатами ведут совместные исследования с корейскими коллегами археологи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [22 и др.]. Общими усилиями российских и корейских археологов сформировано обширное поле комплексного изучения проблем первоначального заселения Востока Азии, формирования археологических и становления традиционных культур, становления цивилизации в этом регионе мира. Совместная работа археологов Новосибирского научного центра с коллегами из КНДР и Республики Корея имеет многолетнюю историю, немалые достижения и важные научные результаты. Это наш совместный, пусть небольшой, но ощутимый вклад в общее дело изучения истории и культуры Восточной Азии, в налаживание сотрудничества не только между учеными нашей страны и корейскими коллегами, но в перспективе между археологами Корейского полуострова.

Список литературы

1. Алкин С. В. Археология Чеджудо: взгляд из Сибири // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом. Казань : Бук, 2019. С. 124–129.
2. Алкин С. В. Материалы к лекции на тему «Дискуссионные проблемы изучения Когурё и Бохая в отечественной и мировой науке» // Корейский язык, культура история и общество : материалы конф. и курсов повышения квалификации для корееведов и преподавателей корейского языка сиб. региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 49–53.
3. Алкин С. В. НГУ и Российская ассоциация университетского корееведения – десятилетие совместной работы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, Филология. 2015. Т. 14. Вып. 10 : Востоковедение. С. 283–286.
4. Алкин С. В. Открытие первого петроглифа на острове Чеджудо (Корея) и его место в археологии Восточной Азии // Алтай в кругу евразийских древностей : тез. докл. междунар. науч. семинара. Новосибирск, 28–30 нояб. 2016 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 84–86.
5. Ахметов В. В. Подходы к изучению истории Пархэ в российской историографии // Кимильсонджонхапдэхакчханрип 70 доль кукчехаксультахоронхвэ нонмунджип : сб. материалов Междунар. научн. конф., посвящ. 70-летию Университета им. Ким Ир Сена. Пхеньян, 2016. С. 126–132.
6. Бутин Ю. М. Материальная культура Древнего Чосона // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 119–154.
7. Бутин Ю. М. Новые материалы по археологии Корейского полуострова (стоянка Помый-Кусок) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 126–134.
8. Бутин Ю. М. Корея: От Чосона к трем государствам (II в. до н. э. – IV в.). Новосибирск : Наука СО, 1984. 256 с.
9. Бутин Ю. М. Древний Чосон: Историко-археологический очерк Новосибирск : Наука СО, 1982. 329 с.
10. Вальченко В. Е. Роль работ Дальневосточной археологической экспедиции А. П. Окладникова в бассейне реки Шилка в 1954 году // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты : материалы LVIII Рос-

сийской (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и мол. ученых (РАЭСК-LVIII). Омск : Издатель-Полиграфист, 2018. С. 70–72.

11. *Варёнов А. В.* Командировка сибирских археологов в КНДР // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 16. Вып. 3. С. 63–64.

12. *Воробьёв М. В.* Древняя Корея: Историко-археологический очерк. М. : Наука, 1961. 147 с.

13. *Гилев А. А.* Погребальный обряд когурёской элиты IV–VII вв. н. э. (по материалам гробниц с фресками) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Новосибирск, 2010. 22 с.

14. *Деревянко А. П.* Древние культуры Кореи // Археология Зарубежной Азии : учеб. пособие для вузов по спец. «История». М. : Высшая школа, 1986. С. 320–334.

15. *Деревянко А. П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск : Наука, 1983. 216 с.

16. *Деревянко А. П.* Сектору истории и археологии стран зарубежного Востока – 30 лет // История и культура Востока Азии : материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 9–11 дек. 2002 г. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 1. С. 11–14.

17. *Джарылгасинова Р. Ш.* Монументальная живопись древнекогурёских гробниц // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 113–119.

18. *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсцы: к этнической истории корейцев. М. : ГРВЛ, 1972. 202 с.

19. *Джарылгасинова Р. Ш.* Ким Ён Чжун. Изучение настенной живописи древнекогурёских гробниц: рецензия. Пхеньян. 1958 // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 293–294.

20. *Кан Ин Ук.* Бронзовые кинжалы Китая в I тыс. до н. э. (проблемы типологии и хронологии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Новосибирск, 2000. 21 с.

21. *Ким Бусик.* Самкук саги. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарий М. Н. Пака. М. : ИВЛ, 1959. 384 с.

22. *Клюев Н. Н.* Итоги совместных российско-корейских археологических исследований в Приморье в 2006–2019 гг. // 2019 Asian Archaeology Кукчжэ хаксуль симпозиум: Россия кыкдонный сонса-чунсэсидэ когомунхва ёнгу, кы сонгвава чонман = Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы : материалы междунар. симп. 2019 Asian Archaeology). Тэджон : National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019. С. 46–56.

23. *Ларичев В. Е.* Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Эпоха палеолита. Новосибирск : Наука, 1976. С. 25–83.

24. *Ларичев В. Е.* Основные этапы эволюции неолита Кореи (по материалам новых исследований в КНДР) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1977. Вып. 1, № 1. С. 113–118.

25. *Ларичев В. Е.* Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука СО, 1978. С. 9–87.

26. *Ларичев В. Е.* Путешествие археолога в Страну утренней свежести Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 234 с.

27. *Ли Ен Сик, Ким Ген Нам.* Хронология гробниц в районе дворцового комплекса Анхак эпохи Когурё // Universum Humanitarium. 2018. № 2. С. 92–103.

28. *Ли Хонджон.* Позднепалеолитические комплексы юга Российского Дальнего Востока и сопредельных территорий (на основе материалов археологических памятников Селемджи) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06. Новосибирск, 1995. 45 с.

29. *Медведев В. Е., Медведева О. С.* Исследование поселений Сучу, Булочка и других памятников древности юга Дальнего Востока России // 2019 Asian Archaeology Кукчжэ хаксуль симпозиум: Россия кыкдонный сонса-чунсэсидэ когомунхва ёнгу, кы сонгвава чонман = Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы : материалы междунар. симп. 2019 Asian Archaeology. Тэджон : National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019. С. 11–20.

30. *Нестеров С. П.* Российско-корейские археологические исследования в Амурской области в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2019. Т. 18. № 5 : Археология и этнография. С. 21–35.
31. *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья: очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток : Примор. кн. изд-во, 1959. 292 с.
32. *Окладников А. П., Ким Ён Нам.* Новые работы по каменному веку Кореи // Советская археология. 1958. № 4. С. 232–236.
33. *Пак М. Н.* Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 115–138.
34. *Стоякин М. А.* Амумы-Ёнхэджу чийёкый чунсэсидэ сонгвак ёнгу (Изучение средневековых городищ в Амуро-Приморском регионе) : дис. ... PhD / Университет Корё. Сеул, 2015. 401 с. (на кор. яз.).
35. *Стоякин М. А.* Полевая археология в Республике Корея глазами магистранта из России // Вестник российского корееведения. 2011. № 3. С. 146–158.
36. *Субботина А. Л.* Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Новосибирск, 2008. 18 с.
37. *Хон Хён У.* Керамика польцевской культуры на востоке Азии : V в. до н. э. – IV в. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Новосибирск, 2008. 30 с.
38. *Шоков А. Ф.* Археология Кореи: краткий очерк. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 1962. 56 с.

Russian-Korean Cooperation in the Study of Archeology of Siberia and the Korean Peninsula

S. V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The history of archaeological studies of Siberia is counting more than 300 years of its existence, while active archaeological studies of Korean peninsula date back to the early 20th century. Russian and Korean archaeologists' mutual interest in ancient and medieval history of Siberia and Korean peninsula relates to the territorial proximity and historical interrelations. During the last few decades the cooperation between Russian and Korean archaeologists is developing in several directions: specialists training, carrying out archaeological excavations in both Korea and Russia (Siberian and Far Eastern territories), publishing joint researches, holding scientific seminars and conferences. Main fields of studying include Stone Age, Early Iron Age and medieval archaeology. Siberian center of cooperation are Novosibirsk (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS and Novosibirsk State University). The first archaeological excavations with participation of Novosibirsk and Korean archaeologists were held in Khabarovsk region in 1999. Nowadays joint researches cover territories of Primorye and Amur region, Russian Altai and southern part of Korean Peninsula. Several famous Korean specialists got their PhD degree in Moscow, Novosibirsk and Vladivostok. Joint studies of two territories, which are considered as important parts of world's history, have enriched historical science with large amount of new archaeological data. Moreover, scientific discussions between specialists make a great contribution to solving common problems of the initial ways of East Asia's settlement, formation of ancient cultures and civilization.

Keywords: archaeology, Siberia, Korean Peninsula, cultural heritage, antiquity, Middle ages.

For citation: Alkin S.V. Russian-Korean Cooperation in the Study of Archeology of Siberia and the Korean Peninsula. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 39-49. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.39> (in Russian)

References

1. Jeju-do Chedzhudo: vzglyad iz Sibiri [Archeology of Jeju-do: a view from Siberia]. *Tam, gde tsvetet mugunkhva i raspuskaetsya sakura. Slovo ob uchenom* [Where muhungghwa blooms and sakura blossoms. A word about the scientist]. Kazan, Buk Publishing House, 2019, pp. 124-129. (in Russian)
2. Alkin S.V. Materialy k leksii na temu “Diskussionnye problemy izucheniya Kogure i Bokhaya v otechestvennoi i mirovoi nauke” [Materials for the lecture on the topic “Discussion problems of the study of Goguryeo and Bohai in russian and world science”]. *Workshop 2019 on Korean language, culture, history and society for studies scholars and educators in Siberin Federal District of Russia*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2019, pp. 49-53. (in Russian)
3. Alkin S.V. NGU i Rossiiskaya assotsiatsiya universitetskogo koreevedeniya – desyatiletie sovместnoi raboty [Novosibirsk State University and the Russian Association of University Korean Studies: a decade of collaboration]. *Vestnik NGU, Series History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 5: *Oriental Studies*, pp. 283-286. (in Russian)
4. Alkin S.V. Otkrytie pervogo petroglifa na ostrove Chedzhudo (Koreya) i ego mesto v arkheologii Vostochnoi Azii [Discovery of the first petroglyph on Jeju Island (Korea) and its place in the archaeology of East Asia]. *Altai v krugu evraziiskikh drevnosti* [Altai in the circle of Eurasian antiquities]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016, pp. 84-86. (in Russian)
5. Akhmetov V.V. Podkhody k izucheniyu istorii Parkhe v rossiiskoi istoriografii [Approaches to the study for the history of Balhae in Russian historiography]. *Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the Kim Il sung University*. Pyongyang, 2016, pp. 126-132. (in Russian)
6. Butin Yu.M. Materialnaya kultura Drevnego Chosona [The material culture of Ancient Joseon]. *Sibir, Tsentralnaya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and East Asia in Antiquity: the Neolithic and the Age of Metal]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 119-154. (in Russian)
7. Butin Ju.M. Novye materialy po arkheologii Koreiskogo poluoostrova (stoyanka Pomyi-Kusok) [New materials on the archaeology of the Korean Peninsula (Bomy-Kusok site)]. *Novoe v arkheologii Sibiri i Dalnego Vostoka* [New in the archaeology of Siberia and the Far East.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, pp. 126-134. (in Russian)
8. Butin Yu.M. Koreya: *Ot Chosona k trem gosudarstvam (II v. do n.e. – IV v.)* [Korea: From Joseon to Three States (II century BC – IV century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 256 p. (in Russian)
9. Butin Yu.M. Drevnii Choson: Istoriko-arkheologicheskii ocherk [Ancient Joseon : Historical and Archaeological Essay]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 329 p. (in Russian)
10. Val'chenko V. E. Rol rabot Dalnevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii A.P. Okladnikova v basseine reki Shilka v 1954 godu [The role of the work of the Far Eastern archaeological expedition of A.P. Okladnikov in the Shilka river basin in 1954]. *Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts*. Omsk, Poligrafist Publishing House, 2018, pp.70-72. (in Russian)
11. Varenov A.V. Komandirovka sibirskikh arkheologov v KNDR [Scientific trip of Siberian archaeologists to the DPRK]. *Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series History, Philology and Philosophy*, 1988, no. 16, iss. 3, pp. 63-64. (in Russian)
12. Vorob'ev M.V. Drevnyaya Koreya: *Istoriko-arkheologicheskii ocherk* [Ancient Korea: Historical and Archaeological Essay]. Moscow, Nauka Publ., 1961, 147 p. (in Russian)
13. Gilev A.A. *Pogrebalnyi obryad kogureskoi elity IV–VII vv. n.e.* (po materialam grobnits s freskami) [Funeral rite of the Koguryo elite of the 4th–7th centuries AD (based on materials from tombs with frescoes)]. Cand. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 2010, 22 p. (in Russian)
14. Derevyanko A.P. Drevnie kultury Korei [Ancient cultures of Korea]. *Arkheologiya Zarubezhnoi Azii* [Archeology of Overseas Asia]. Moscow, High school Publ., 1986, pp. 320-334. (in Russian)
15. Derevyanko A.P. *Paleolit Dalnego Vostoka i Korei* [Paleolithic of the Far East and Korea]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983, 216 p. (in Russian)

16. Derevjanko A.P. Sektoru istorii i arkheologii stran zarubezhnogo Vostoka – 30 let [Thirty Years Anniversary for Sector of History and Archeology of the Countries of the Foreign East]. *Istoriya i kultura Vostoka Azii* [History and culture of East Asia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2002, vol 1.p. 11-14. (in Russian)
17. Dzharylgasinova R.Sh. Monumentalnaya zhivopis' drevnekogureskikh grobnits [Monumental painting of the ancient Koguryo tombs]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 1959, no. 1, pp. 113-119. (in Russian)
18. Dzharylgasinova R.Sh. *Drevnie koguretsy: k etnicheskoi istorii koreitsev* [Ancient Koguryans: Towards the Ethnic History of Koreans]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 202 p. (in Russian)
19. Dzharylgasinova R.Sh. Review: Kim Yeong-jun. Izuchenie nastennoi zhivopisi drevnekogureskikh grobnits. Pyongyang. 1958 [Kim Yeong-jun. Study of wall paintings of ancient Koguryo tombs. Pyongyang. 1958. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 1960, no. 3, pp. 293-294. (in Russian)
20. Kang In Uk. *Bronzovye kinzhaly Kitaya v I tys. do n.e.* (problemy tipologii i khronologii) [Bronze daggers of China in the 1st millennium BC (problems of typology and chronology)]. Cand. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 2000, 21 p. (in Russian)
21. Kim Busik. *Samguk sagi. Izdanie teksta, perevod, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii M. N. Paka* [Samguk sagi. Edition of the text, translation, introductory article and commentary by M. N. Pak]. Moscow, Oriental Literature Publishing House, 1959, 384 p. (in Russian)
22. Klyuev N.N. Itogi sovместnykh rossiisko-koreiskikh arkheologicheskikh issledovaniy v Primor'e v 2006–2019 gg. [Results of joint Russian-Korean archaeological research in Primorye in 2006–2019]. *Izuchenie drevnei i srednevekovoi arkheologii i kultury Dalnego Vostoka Rossii: rezultaty i perspektivy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "2019 Asian Archaeology"* [Study of ancient and medieval archeology and culture of the Russian Far East: results and prospects: materials of the international symposium "2019 Asian Archeology"]. Daejeon, National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019, pp. 46-56. (in Russian)
23. Larichev V.E. Paleolit Korei [Paleolithic Korea]. *Sibir, Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Epokha paleolita* [Siberia, Central and East Asia in Antiquity: The Paleolithic Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, pp. 25-83. (in Russian)
24. Larichev V.E. Osnovnye etapy evolyutsii neolita Korei (po materialam novykh issledovaniy v KNDR) [The main stages of the evolution of the Neolithic of Korea (based on the materials of new research in the DPRK)]. *Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Series Social Sciences*, 1977, iss. 1, no. 1, pp. 113-118. (in Russian)
25. Larichev V.E. Neolit i bronzovyi vek Korei [Neolithic and Bronze Age of Korea]. *Sibir, Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and East Asia in Antiquity: the Neolithic and the Age of Metal]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 9-87. (in Russian)
26. Larichev V.E. *Puteshestvie arheologa v Stranu utrennej svezhesti Novosibirsk* [An archaeologist's travel to the Nation of Morning Freshness]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 234 p. (in Russian)
27. Ri Yong Sik, Kim Gyong Nam. Khronologiya grobnits v raione dvortsovogo kompleksa Ankhak epokhi Kogure [On the Construction Date of the Koguryo Tombs Found in the Anak Palace Site]. *Universum Humanitarium*, 2018, no. 2, pp. 92-103. <http://doi.org/10.25205/2499-9997-2018-2-92-104>. (in Korean)
28. Lee Heonjeong. *Pozdnepaleoliticheskie komplekсы yuga Rossiiskogo Dalnego Vostoka i sopredelnykh territorii (na osnove materialov arkheologicheskikh pamyatnikov Selemdzhi)* [Late Paleolithic complexes of the south of the Russian Far East and adjacent territories (based on materials from the archaeological sites of Selemdzha river)]. Cand. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 1995, 45 p. (in Russian)
29. Medvedev V.E., Medvedeva O.S. Issledovanie poselenii Suchu, Bulochka i drugikh pamyatnikov drevnosti yuga Dalnego Vostoka Rossii [Exploration of the settlements of Suchu, Bulochka and other monuments of antiquity in the south of the Russian Far East]. *Izuchenie drevnei i srednevekovoi arkheologii i kultury Dalnego Vostoka Rossii: rezultaty i perspektivy:*

materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "2019 Asian Archaeology") [Study of ancient and medieval archeology and culture of the Russian Far East: results and prospects: materials of the international symposium "2019 Asian Archeology"). Daejon, National Research Institute of Cultural Heritage of Korea, 2019, pp. 11-20. (in Russian)

30. Nesterov S.P. Rossiisko-koreiskie arkhеologicheskie issledovaniya v Amurskoi oblasti v nachale XXI veka [Russian-Korean archaeological research in the Amur region at the beginning of the XXI century]. *Vestnik NGU Series History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 5, *Archaeology and Ethnography*, pp. 21-35. (in Russian)

31. Okladnikov A.P. *Dalekoe proshloe Primor'ya: ocherki po drevnei i srednevekovoi istorii Primorskogo kraja* [The foretime of Primorye: essays on the ancient and medieval history of Primorsky District]. Vladivostok, Primorsky Publishing House, 1959, 292 p. (in Russian)

32. Okladnikov A.P., Kim Yeong-nam. Novye raboty po kamennomu veku Korei [New Works for Stone Age of Korea]. *Soviet archeology*, 1958, no. 4, pp. 232-236. (in Russian)

33. Pak M.N. Opisanie koreiskikh plemen v nachale novoi ery (po "San'-go chzhi") [Description of the Korean Tribes at the Beginning of the New Era Epoch (according to "Sanguo zhi")]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 1961, no. 1, pp. 115-138. (in Russian)

34. Stoyakin Maksim. *A Study of the Medieval Castles in the Amur Region and Primorsky Krai. Dis. PhD.* Archaeology and Art History, Graduate School of Korea University, Seoul, 2015. 401 p. (in Korean)

35. Stoyakin M.A. Poleyaya arkhеologiya v Respublike Koreya glazami magistranta iz Rossii [Field archeology in the Republic of Korea through the eyes of a master student from Russia]. *Proceedings of the Russian Association of Korean Studies in Universities*, No 3, Moscow, Oriental literature Publ., 2011, pp.146-158. (in Russian)

36. Subbotina A.L. *Pamyatniki rannego zhelezного veka tipa tipa Jung-do na Korejskom poluostrove* [Jung-do type early Iron Age monuments on the Korean Peninsula]. Cand. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 2008, 18 p. (in Russian)

37. Hong Hyeong-u. *Keramika poltsevskoi kultury na vostoке Azii : V v. do n.e. – IV v. n.e.* [Ceramics of the Polish culture in the east of Asia: V century BC. – IV century AD]. Cand. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 2008. 30 p. (in Russian)

38. Shokov A.F. *Arkhеologiya Korei : kratkii ocherk* [Archaeology of Korea: A Brief Essay]. Voronezh : Voronezh University Publ., 1962, 56 p. (in Russian)

Алкин Сергей Владимирович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии
СО РАН
Россия, 630090, г. Новосибирск,
просп. Лаврентьева, 17
e-mail: sergei.alkin@gmail.com
ORCID 0000-0002-6319-6448

Alkin Sergei Vladimirovich
Candidate of Sciences (History),
Research Scientist
Institute of Archaeology and Ethnography
SB RAS
17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
e-mail: sergei.alkin@gmail.com

УДК 94(519)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.50>

К вопросу о публикации о Петре Великом в первом корейском журнале *Сонён* «Юношество» (1908)*

А. А. Гурьева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Освещаются особенности журнала *Сонён* «Юношество», в котором была размещена первая оригинальная корейская публикация о российском царе Петре I, ориентированная на широкого читателя, а также рассматриваются издательские проекты автора публикации – ведущего представителя просветительского движения Чхве Намсона (1890–1957). Анализируется влияние этого контекста на последующее восприятие фигуры Петра корейцами.

Ключевые слова: Петр I, Петр I в Корее, Корея и Россия, *Сонён* «Юношество», Чхве Намсон.

Для цитирования: Гурьева А. А. К вопросу о публикации о Петре Великом в первом корейском журнале *Сонён* «Юношество» (1908) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 50–57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.50>

Российский император Петр I (1672–1725) – репрезентативная фигура, во многом определяющая представление о России среди граждан Республики Корея. Первое знакомство корейцев с личностью Петра состоялось в конце первого десятилетия XX в. Сведения о нем были включены в первые корейские научные журналы, а в 1908 г. увидел свет перевод на корейский язык изданной в Японии биографии русского царя (*Сонпхидык тэчжечжон*) [13].

Позднее в том же году крупнейший представитель просветительского движения Чхве Намсон (1890–1957) опубликовал первую из серии заметок о российском царе в журнале *Сонён* («Юношество»). Эти заметки, получившие название *Пхетхо тэчжечжон* («Биография Петра Великого»), стали первой оригинальной корейской (непереводной) публикацией о Петре Первом, ориентированной на широкого читателя.

Для более полного понимания той роли, которую сыграла данная публикация, а также для последующего выявления особенностей самого текста необходимо получить представление о журнале, в котором она была размещена. Прежде чем перейти к рассмотрению журнала и его содержания, обратимся к историческим предпосылкам его возникновения и личности его основателя.

Начало XX в. в Корее – это время радикальных перемен. Знакомство с культурой Запада после открытия страны привело к постепенной переориентации в разных сферах жизни и переосмыслению многих традиционных воззрений. Ведущую роль в этом процессе играли представители так назы-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018.

ваемого просветительского движения. Основной целью движения полагалось, соответственно, просвещение общества, которое приведет к развитию страны и выходу на новый экономический и политический уровень. Для достижения цели просветители занимались распространением среди своих соотечественников информации, которая способствовала бы таким изменениям. Позитивное восприятие японского опыта модернизации, а также последующее сотрудничество просветителей с японскими колонизационными властями повлекло за собой преимущественно негативное восприятие их деятельности в корейской культуре. Однако многие из них полагали общение с японцами необходимым для доступа к достижениям, с которыми считали нужным ознакомить корейцев. Знакомясь с информацией о мировой культуре, просветители выбрали одним из основных средств ее распространения издательскую деятельность.

Просветителем, наиболее активно проявившим себя на этом поприще, стал Чхве Намсон – крупнейшая фигура просветительского движения, активно критикуемая за переход на прояпонскую позицию после нескольких лет участия в антияпонской деятельности. Организация издательских проектов, рассматриваемых в статье, приходится на период становления Чхве Намсона как деятеля и становления самого движения. В начале XX в. он последовательно проводил политику воспитания духа соотечественников перед лицом утраты независимости. Обратимся к этому аспекту деятельности движения, неотъемлемой частью которой стало издание журналов.

Выбор просветителей, считавших издательскую деятельность важнейшим направлением своей работы, неслучаен. В период XVIII–XIX вв. в корейской читательской среде происходят изменения, и все большее количество типов текстов становится доступным представителям широких слоев [1].

Журнал *Сонён*, в котором был опубликован текст о Петре Великом, стал одним из проектов издательства *Синмунгван*, работавшего под руководством Чхве Намсона в период 1907–1922 гг. Издательство *Синмунгван* не только публиковало журналы, но и активно издавало произведения корейской литературы, а также переводы литературы Запада и учебники. Многие проекты были ориентированы именно на широкую читательскую публику, тем самым издания имели низкую стоимость, чтобы быть доступными любому читателю [12].

Само слово *Синмунгван* переводится как «Новая литература». Ли Сынвон трактует его как «Место, где создаются новые тексты» [11, с. 15], Аллен Чизуко предлагает вариант перевода House of New Culture [6, p. 200]. Так или иначе, в этом слове сосредоточена мысль об ориентации публикуемых текстов на новые цели – просвещение читателей в области мировой культуры, т. е. имелось в виду приобщение к значительно более широкому спектру знаний, чем подразумевало традиционное образование. Однако новое не может быть воспринято без опоры на соответствующий базис, для формирования которого требуется некий образец.

Журнал «Юношество» стал тем печатным органом, где предлагалось ознакомиться с лучшими образцами, на которые можно ориентироваться на пути стремления к новому. Одним из первых образцов, введенных в первый

из 23 номеров журнала, стал Петр I. Рассмотрим, какую роль сыграл этот журнал и первые публикации в нем в истории Кореи.

Издание журналов – важнейшее явление, ознаменовавшее перемены в культурной жизни корейского общества на рубеже веков и отвечавшее запросам времени. Журнал «Юношество», основанный в 1908 г., считается первым журналом в Корее. Неслучайно дата выхода его первого номера (1 ноября) стала отмечаемым в Республике Корея официальным Днем журнала [15]. Те виды издания аналогичного периода, по отношению к которым также используется слово «журнал» (*чанчи*), имели иной формат: некоторые представляли собой издания справочного характера, организованные по типу энциклопедий [8, с. 83], в некоторых размещались переводы западной литературы и заметки. Однако именно *Сонён* исследователи называют «первым журналом общего формата», т. е. неспециализированным журналом [14, с. 43], «первым современным журналом» [11, с. 15].

Отметим, что к 1908 г. в Корее активно развивалась деятельность по изданию периодики: это несколько газет, первые из них увидели свет еще в последние десятилетия XIX столетия (первая корейская газета *Хансон сунбо* издавалась с 1883 г. [3, с. 330]); научные журналы, в которых публикуются исследовательские заметки. С марта 1908 г. в Сеуле начинает издаваться первый японский журнал *Тёсэн* (яп. «Корея»), который рассказывал японцам о Корее [16].

Журнал «Юношество» стал воплощением идей Чхве Намсона и отражением его просветительских чаяний. Исследователь Ли Сынвон пишет, что журнал «Юношество» «символизирует самого Чхве Намсона и будущее Кореи» [11, с. 14]. Глубоко символично и название журнала. Рассмотрим его подробнее. Аллен Чизуко пишет, что в современном корейском языке слово «сонён» значит «ребенок» или часто ассоциируется с младшими школьниками-мальчиками (буквально – «малые годы»), однако в начале XX в. оно означало скорее период становления (*preteens and teens*) [6, p. 200]. Таким образом, речь идет скорее о юности¹. На обложке журнала размещено утверждение о силе знаний «юношества нашей страны» и необходимости поддерживать ее, чтобы страна обрела величие и внесла вклад в мировую культуру [9, с. 1]. Юношество – это целевая аудитория журнала, те, кто сможет использовать размещаемую в нем информацию на благо своей страны. Отмечается, что журнал издается «для воспитания деятельного, прогрессивного и просвещенного великого корейского народа, способного к преодолению» и рассказывает о роли юношества в создании «новой Великой Кореи» (*Син Тэхан*) [9, с. 1]. После закрытия журнала, который издавался до мая 1911 г. и был запрещен к изданию японскими властями, следующим аналогичным проектом стал журнал *Чхончхун* «Молодость», также выпускавшийся усилиями Чхве Намсона и его единомышленников и имевший сходные цели [11; 14, с. 43].

В газете *Хвансон синмун* от 11.11.1908 вышла статья, сообщающая о публикации первого номера журнала *Сонён*, в которой говорилось, что основной целью основания издательства *Синмунгван* является образование

---

¹ Примечательно, что это же понятие фигурирует в названиях журналов, издававшихся в Японии в 1880-х гг., кроме того, оно использовалось в названии журнала *Сонён Ханбандо* «Корейский полуостров юношества», который выходил в 1906–1907 гг. [6, p. 200].

народа и развитие цивилизации [10, с. 95]. Таким образом, юношество в названии журнала – это та возрастная категория, на которую просветители, в данном случае Чхве Намсон, возлагали особые надежды в связи с развитием страны и ее значения в мире. Посыл редактора поддерживается фигурами известных личностей в мировой истории – Петра I, Наполеона Бонапарта (1769–1821) и др., относящихся к типу преобразователей, они были выбраны составителем журнала в качестве образцовых для воплощения этих стремлений. Характерно, что именно с первого выпуска открывается цикл заметок о Петре, и этот факт является принципиально значимым с точки зрения укоренения определенного образа царя в восприятии корейцев.

После выхода в свет первый выпуск журнала «Юношество» не был востребован. Сначала было с трудом продано около десяти экземпляров. Однако постепенно журнал приобрел своего читателя и за три с половиной года существования стал образцом журнального формата, получившего широкое распространение в дальнейшем [11, с. 17]. В течение последующего десятилетия среди читателей возросла популярность авторов, которые публиковались именно в этом журнале (Чу Сигён (1876–1914), Ким Дубон (1889–1958), Чан Добин (1888–1963) и др.) [10, с. 108]. Новая информация, впервые обнародованная в журнале, стала восприниматься как авторитетная и заняла свое место в истории Кореи как элемент, способствовавший формированию кругозора нового типа, новых поведенческих моделей и новых ориентиров. В связи с этим целесообразно обратить внимание на то, в каком информационном «соседстве» корейцы познакомились с фигурой русского царя и какие сведения размещались в издании.

Разделы журнала соответствовали одному из ключевых принципов просветителей, который подразумевал сочетание нового знания с сохранением родной культуры [5, с. 208]: сведения о других странах размещались вместе с информацией о Корее, помогающей пониманию потенциала страны и стоящих перед ней задач. Например, лейтмотивом журнала становится тема моря² [7, с. 17]. Чхве Намсон считал море важнейшим геополитическим фактором [11], и в первом номере журнала морю отводится особое внимание (заметка «Морская история Кореи» *Хэсан Тэхан са*). Возможно, этот фактор сыграл свою роль и в том, что именно Петр I, благодаря которому Россия обрела выход к морю, стал одним из героев этого выпуска.

Надежды Чхве Намсона относительно будущего Кореи нашли воплощение в его знаменитом стихотворении «От моря юношеству», в котором образ моря стал центральным. Это стихотворение, впервые опубликованное в первом номере того же журнала, считается образцом «новой поэзии» [4, с. 18].

Наряду с новой корейской литературой журнал публиковал и переводы иностранной литературы. Благодаря ему корейцы познакомились с такими героями, как Робинзон Крузо, Гулливер, три мушкетера и др.

По тому же принципу в журнале публиковалась информация о выдающихся личностях. За годы существования он рассказал корейцам о знаменитых соотечественниках – как героях прошлого (полководец Ыльчи Мундок

---

² В журнале *Чхончхун* таким лейтмотивом станет городское пространство [7, с. 17].

(VI–VII вв.), адмирал Ли Сунсин (1545–1598), философ Ли И (1536–1584)), так и современниках (дипломатический деятель Мин Ёнхван (1861–1905), писатель Ли Гвансу (1892–1950)). Наряду с ними журнал представил читателям японского просветителя Фукудзава Юкити (1805–1901), американцев Д. Вашингтона (1732–1799), А. Линкольна (1809–1865), итальянца Д. Гарибальди (1807–1882). О необходимости знать как своих героев, так и зарубежных сказано в выпуске № 2 1909 г. [10, с. 213].

Представляя ту иную фигуру, составители журнала рассказывали о стране и культуре, частью которой она является. Например, рассказ о Наполеоне сопровождался представлением романа Виктора Гюго (1802–1885) «Отверженные», цитатами из трудов философов Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), Вольтера (1694–1778) и др. [10, с. 125]. Подобным образом в первом номере, сообщающем о Петре Первом и его деятельности по выведению России на современный уровень развития, анонсировалась будущая публикация произведений Л. Н. Толстого (1828–1910) [10, с. 158], впоследствии в журнале публикаций будет несколько [2, с. 133].

«Биографией» Петра открывается рубрика, в которой в последующих номерах будут представлены читательской аудитории Т. Эдисон (1847–1931), Наполеон Бонапарт, Л. Н. Толстой и другие знаменитые исторические личности – «великие люди или герои, на которых надо равняться» [8, с. 87]. Петр выступает как деятель, который следовал достижениям передовой западной цивилизации и тем самым привел свою страну к процветанию [10, с. 219]. Отмечая те деяния царя, которые способствовали этому, Чхве Намсон пользуется визуальными средствами для привлечения внимания читателей, выделяя их в тексте более крупным шрифтом [Там же]. Кроме того, изображение Петра Великого стало одной из трех основных иллюстраций журнала.

Важно обратить внимание на причины выбора фигуры Петра Великого для освещения в первом номере журнала. Южнокорейские исследователи комментируют их следующим образом. Петр Великий воплощает надежды Чхве Намсона, который мечтает о появлении человека, способного решить насущные проблемы страны [8, с. 87]. Нетипичность выбранной фигуры – смелость и воля сочетаются в Петре с жестокостью и иррациональностью – объясняется лидерскими качествами, стремлением преодолеть «дикие нравы»: на пути к развитию и цивилизованности и жестокость в подавлении противления оправданна [8, с. 93]. Это не мифический герой-сверхчеловек, но личность, на примере которой можно показать, как «отсталая страна может стать цивилизованной и современной» [Там же, с. 96].

На этих особенностях сосредоточились идеалы Чхве Намсона как просветителя, желавшего видеть свою страну просвещенной и сильной. Среди всех представленных в рубрике биографий выдающихся людей именно Петр воплощает ориентир на «новое», вектор «от слабого государства к сильному», решимость и последовательность в насаждении прогрессивных идей. Возможно, в этом Чхве Намсон видел путь для своей страны, и это видение стало критерием выбора фигуры русского царя для публикации биографии в первом номере.

Указанные акценты в репрезентации фигуры Петра Великого оказали влияние на последующее восприятие его личности в Корее. Реформатор,

который вывел страну на новый уровень прогресса, своей мощной властью ориентировавший ее на европейский путь развития, – такая трактовка фигуры Петра распространена среди современных южных корейцев и представлена, например, в южнокорейских путеводителях по Санкт-Петербургу.

Отметим, что в этой трактовке можно проследить мысль о том, что в развитии необходимо ориентироваться на внешний образец об определенном предпочтении общего самобытному. Выбор Петром европейского пути для своей страны представлен как очевидный. Можно предположить, что это еще один момент, который Чхе Намсон полагал важным, готовя к публикации первый номер журнала, целью которого было воспитать юное поколение на принципиально новых и при этом заимствованных из иной культуры образцах.

Журнал «Юношество» – один из многих публикационных проектов Чхе Намсона, ориентированных на формирование системы определенных представлений и ценностей. Включение информации о царе-реформаторе, способствовавшем подъему новой России, в первый выпуск нового журнала, направленного на продвижение новых идей, – это результат тщательного отбора материала. Кроме того, контекст оказывает влияние на определенный ракурс подачи этого материала, в свою очередь способствуя активному восприятию его читательской аудиторией в задуманном автором-составителем плане. В таком ключе личность Петра приобретает некоторую архетипичность, определяющую значимые черты его образа в восприятии южных корейцев вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. *Гурьева А. А.* Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института Восточных рукописей РАН : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. СПб., 2012. 320 с.
2. *Иванова В. И.* Новая проза Кореи. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987. 180 с.
3. *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. 3-е изд., испр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 744 с.
4. *Солдатова М. В., Пак К. А.* Современная литература Кореи : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 284 с.
5. *Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб. : Издательство СПбГУ, 2004. 323 с.
6. *Allen Chizuko T.* Ch'oe Nam-sŏn's Youth Magazines and Message of a Global Korea in the Early Twentieth Century // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2014. Vol. 14, N 2. P. 195–217.
7. 권보드래 외. «소년»과 «청춘»의 창. 잡지를 통해 본 근대 초기의 일상성 = Окно в «Сонён» и «Чхончхун». Повседневность раннего периода современности на примере журналов / Квон Подырэ [и др.]. Сеул : Изд-во Женского ун-та Ихва, 2007. 186 с.
8. 권용선. 국토 지리의 발전과 철도 여행의 일상성 // 권보드래 외. «소년»과 «청춘»의 창. 잡지를 통해 본 근대 초기의 일상성 = *Квон Ёнсон*. Развитие географии корейских земель и повседневность поездок по железной дороге // «Сонён»гва «Чхончхун»е чхан. Чапчирьыл тхонхэ пон кындэ чхогие ильсансон = Окно в «Сонён» и «Чхончхун» / Квон Подырэ [и др.]. Сеул : Изд-во Женского ун-та Ихва, 2007. С. 83–108.
9. 소년. 1호. *Сонён* («Юношество» Вып. 1). Сеул : Синмунгван, 1908.
10. 이경현. 1910년대 新文館의 문학 기획과 한국 근대문학의 형성 = *Ли Кёнхён*. Литературные проекты издательства «Синмунгван» 1910-х и формирование современной литературы) : дис. / Сеульский университет, Сеул, 2013. 273 с.

11. 이승원. 소년. 문명의 재미를 선전한다 // 고전의 숲 속으로, 국립중앙박물관 연속간행물, 2013 = *Ли Сынвон*. Сонён. Пропагандировать привлекательность цивилизации // Библиотека сегодня. Сеул, 2013. № 209. 1–2. С. 14–17.
12. 이주영. 신문판 간행 «육전소설» 연구 // 고전문학 = *Ли Чжуён*. О серии «Юкчон сосоль» Издательства «Синмунгван» // Классическая литература / Общество исследователей корейской традиционной литературы. Сеул, 1996. Вып. 11. С. 423–442.
13. 차지원. 『聖彼得大帝傳』(성피득대제전) 한국 최초의 표트르 대제 전기에 관하여 // 한국노어노문학회 학술대회 발표집 = *Ча Чживон*. «Сонпхидык таэчжечжон»: о первой корейской биографии Петра Великого // Сборник докладов научной конференции Корейской ассоциации русского языка и литературы. Сеул : Корейская ассоциация русского языка и культуры, 2017. С. 17–33.
14. 최형식. 소년 // 최형식 외. 한국 근대문학 해제집 2. 문학잡지 (1896–1929) (*Чхве Хёнсик*. Сонён // Описание новой корейской литературы. Литературные журналы (1896–1929) / Чхве Хёнсик [и др.]. Сеул : Информ. центр Нац. б-ки, 2016. С. 43–46.
15. 함태영. 한국 최초의 종합잡지 – 소년 (창강호) = *Хам Тхэён*. Первый корейский журнал – «Сонён» (первый выпуск). URL: news.ifac.or.kr/archives/2545?print=print (дата доступа: 20.03.2020).
16. 開化期 在韓日本人 雜誌資料集. 朝鮮 1. 東洋學 叢書 第十五輯. 東洋學研究所 = Полный сборник журнала «Тёсэн», издававшегося японцами, которые проживали в Корее в период Открытия страны. Полное собрание трудов по востоковедению. Сеул : Востоковедение, 2004.

On the Issue of Publishing about Peter the Great in the First Korean Magazine *Sonen* “Youth” (1908)

A. A. Gurieva

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper introduces the specifics of the *Sonyeon* (“Youth”) journal, where the first text on Peter the Great in Korea was published, and considers publication activities of Choe Nam-seon (1890–1957), a leading representative of the Enlightenment movement. It also analyzes the influence of this context on the later perception of the figure of the Russian Tzar.

Keywords: Peter the Great; Peter the Great in Korea; Korea and Russia; *Sonyeon* (“Youth”) journal; Choe Nam-seon.

For citation: Guriev A.A. On the Issue of Publishing about Peter the Great in the First Korean Magazine *Sonen* “Youth” (1908). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 50–57. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.50> (in Russian)

References

1. Gurieva A.A. *Antologiya traditsionnoi koreiskoi poezii “Namhun taepyeong-ga (Pesni Velikogo spokoistviya pri yuzhnom vetre)” (po ksilografu iz kollektzii Instituta Vostochnykh rukopisei RAN)* [Anthology of Traditional Korean Poetry “Namhun taepyeong-ga (Songs of the Great Peace at South Wind)” (basing on the block-print from the Institute of Oriental Manuscripts, RAS)]. Cand. sci. diss. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2012, 320 p. (in Russian)
2. Ivanova V.I. *Novaya proza Korei* [New Prose of Korea]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 180 p. (in Russian)
3. Kurbanov S.O. *Istoria Korei: s drevnosti do nachala 21go veka* [History of Korea: from the Ancient times to the beginning of the 21th century]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2018, 744 p. (in Russian)

4. Soldatova M.V., Pak K.A. *Sovremennaya literatura Korei* [Contemporary Literature of Korea]. Manual. Vladivostok, FFU Publ., 2003, 284 p. (in Russian)
5. Trotsevich A.F. *Istoriya koreiskoi traditsionnoi literatury (do 20 veka)* [History of Korean Traditional Literature (before 20th century)]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2004, 323 p. (in Russian)
6. Allen Chizuko T. Ch'oe Nam-sŏn's Youth Magazines and Message of a Global Korea in the Early Twentieth Century. *Sungkyun Journal of East Asian Studies*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 195-217.
7. Gweon Bodeurae et al. "Sonyeon" gwa "Cheongchun" eui chang. *Jabjireul tonghae bon geundae chogi-eui ilsangseong*. [The Window to "Sonyeon" and «Cheongchun». Ordinariness in early modern times – basing on the magazines]. Seoul, Ihwa Woman's University, 2007, 186 p. (in Korean)
8. Gweon Yong-seon. Gugto jiri-eui baljeon-gwa cheoldo yeohaeng-euo ilsangseon. *Gweon Bodeurae etc. "Sonyeon" gwa "Cheongchun" eui chang. Jabjireul tonghae bon geundae chogi-eui ilsangseong*. (The Window to "Sonyeon" and «Cheongchun» [Development of Korean Land Geography and Ordinariness of Railway Trips // Ordinariness in early modern times – basing on the magazines]). Seoul, Ihwa Woman's University, 2007, pp. 83-108. (in Korean)
9. *Sonyeon* [Youth]. N 1. Seoul, Sinmungwan, 1908. (in Korean)
10. Lee Gyeong-Hyeon. *1910 nyeondae sinmungwan-eui munhak gihwek-kwa hanguk geundaemunhak-eui hyeongseong* [Literary projects of Sinmungwan in 1910s and formation of contemporary literature]. Ph.D. diss. Seoul National University, Seoul, 2013, 273 p. (in Korean)
11. Lee Seung-won. Sonyeon. Munmyeong-eui jaemireul seonjeonhanda. *Oneul-eui doseogwan* ["Youth". Propagating curiosities of civilization // Library Today]. Seoul, 2013, no. 1-2, vol. 209, pp. 16-17 (in Korean)
12. Lee Ju-yeoung. Sinmungwan ganhaeng yukjeonseol yeongu. Gojeonmunhak [Research on the "Prose for six jeon" Series in Sinmungwan. *Classical literature*, Seoul, Association of Korean Classical literature research, 1996, iss. 11, pp. 423-442. (in Korean)
13. Cha Ji-won. "Seongpideuk daejeon". *Hanguk chwechoe Pyoteureu daeje jeongie gwanhayeo* ["Seongpideuk daejeon". On the first biography of Peter the Great in Korea]. *Collection of papers of the Academic Conference of the Korean Association of Russian Language and Literature*, 2017, pp. 17-33. (in Korean)
14. Choe Hyeong-sik. Sonyeon. Choe Hyeong-sik et al. *Hanguk geundaemunhak haeje-jip 2. Munhak jabji (1896-1929)* [Sonyeon. Choe Hyeong-sik etc. Description of Modern Korean Literature. Literature magazines (1896-1929)] Seoul, Information Center of National Library, 2016, pp. 43-46 (in Korean).
15. Ham Dae-yeoung. *Hanguk cheocho-eui jonghapji – "sonyeon" (changgangho)* [The First Korean Journal – *Sonyeon* (the first issue)]. Available at: news.ifac.or.kr/archives/2545?print=print (date of access: March 20, 2020). (in Korean)
16. *Gaehwagi jaehan ilbonin japji jagwa jip. Tyosen* [Full collection of the journals published by the Japanese residing in Korea during gaehwa period. Tyosen]. Dongyanghai chongseo (Full collection on East Asian studies). 15 jip, Seoul, Dongyanghai yeonguso, 2004. (in Korean)

Гурьева Анастасия Александровна
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра корееведения
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, 630090, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11
e-mail: nastyagur@hotmail.com

Gurieva Anastasia Aleksandrovna
Candidate of Sciences (Philology), Associate
Professor, Department of Korean Studies
Saint Petersburg State University
11, University emb., Saint Petersburg, 630090,
Russian Federation
e-mail: nastyagur@hotmail.com

УДК 94:327(470:519)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.58>

Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок)

В. С. Акуленко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Изучается образ России и русских, представленный в летописи «Реальные записи правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок), хранящейся в Институте корееведения Кючжангак Сеульского национального университета.

Ключевые слова: Чосон, российско-корейские отношения, образ России, образ русских, Чосон ванчжо силлок.

Для цитирования: Акуленко В. С. Образ России и русских в «Реальных записях правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 58–64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.58>

Летопись «Реальные записи правящего дома Чосон» (Чосон ванчжо силлок) является выдающимся письменным памятником и важным источником информации по истории Кореи и окружающих ее государств, охватывающим период более чем 500 лет (конец XIV – начало XX в.). Памятник проливает свет не только на деяния правителей династии, но и на важнейшие события, касающиеся государства Чосон или происходившие у его границ. В этой связи появление первых русских путешественников в Восточной Азии, а также продвижение России на Дальний Восток не могли не отразиться на ее страницах. Исследованию запечатленного в летописи образа России и русских и посвящена данная работа.

Целью работы является анализ сведений о России и русских, содержащихся в летописи «Реальные записи правящего дома Чосон». В соответствии с заявленной целью были выделены следующие задачи: провести поиск записей о России и русских в летописи; систематизировать полученные данные; проанализировать сообщения о России и русских, изложенные в летописи.

В ходе работы были использованы материалы, собранные в Институте корееведения Кючжангак Сеульского государственного университета и опубликованные на сайте Комитета по составлению национальной истории. Поиск осуществлялся при помощи электронного каталога, размещенного на сайте комитета¹.

Переходя к основной части работы, следует дать краткую характеристику исследуемому памятнику. Летопись «Реальные записи правящего до-

---

¹ Чосон ванчжо силлок. URL: <http://sillok.history.go.kr> (дата обращения: 22.08.2020). (на кор. яз.)

ма Чосон» состоит из 25 частей, каждая из которых посвящена одному из правителей династии Ли, начиная с Тхэчжо (太祖) и заканчивая Чхольчжон (哲宗). Хроники правления еще двух представителей династии – Кочжона (高宗) и Сунчжона (純宗) – корейские историки обычно не относят к летописи, так как они были составлены уже после потери Кореей независимости и под контролем японцев в Управлении [делами] династии Ли (Иванчжик) с 1927 по 1932 г.² Однако именно на время правления государя Кочжона (1863–1907) приходится период установления официальных отношений между Российской империей и государством Чосон, поэтому «Реальные записи [правления государя] Кочжона» являются важным источником сведений о восприятии России при дворе корейского монарха, тем более что содержащиеся в них важнейшие сведения были почерпнуты из совершенно реальных источников, которые обычно использовались при составлении и других «реальных записей» (далее в тексте – силлок) правителей государства Чосон. В этой связи в данной работе силлок Кочжона и Сунчжона будут рассматриваться как часть «Реальных записей правящего дома Чосон».

Большая часть летописи отпечатана на бумаге при помощи деревянного наборного шрифта. Впрочем, летописи ранних правителей династии, а также Кванхэгун были написаны от руки. В данный момент в Южной Корее есть несколько копий летописи, содержащихся в различных библиотеках и архивах. В Институте корееведения Кючжангак Сеульского государственного университета находятся 1707 томов (квон; 卷), связанных в 1 187 книг (чхэк; 冊) из архива на горе Чончжоксан, 27 книг из архива на горе Одэсан, а также ряд разрозненных страниц. В то же время в Хранилище исторических документов Государственного архива РК в г. Пусан хранится 1707 томов (848 книг) из архива на горе Тхэбэксан. Оба этих собрания сочинений охраняются как национальное сокровище № 151, а в 1997 г. они были включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО [3].

Впервые Россия упоминается в летописи под именем «Расон» (羅禪) в связи с военными кампаниями маньчжуров против русских казаков, которые известны в России как албазинские войны (1649–1689). Россия под этим названием упоминается четыре раза в период правления государя Хёчжона (孝宗) (1649–1659): три раза в 5-й год его правления (1654) и один раз в 9-й год (1658). Данное название перекликается с расхожим именованим казаков, принятым в это время среди тунгусских племен и маньчжуров, – «лочча» (羅刹) [2], о котором корейские воины должны были знать, так как непосредственно принимали участие во втором и пятом походах маньчжуров против русских казаков в 1654 и 1658 гг. [1].

Все сообщения, в которых Россия встречается под этим именем, так или иначе связаны с военными походами маньчжуров, поэтому и русские фигурируют исключительно как противники. К примеру, в 1654 г. говорится о разгроме русских и возвращении китайско-корейских войск в Нигуту

---

² Кочжон силлок. URL: <http://sillok.history.go.kr/intro/haejae.do> (дата обращения: 22.08.2020). (на кор. яз.)

(寧古塔)³. А в 1658 г. в записи, посвященной встрече государя Хёчжона и вернувшегося из Китая посланника с требованием от китайского императора о предоставлении войск и провианта для похода на Россию, последняя прямо называется врагом⁴.

Содержатся в записях и сведения о примерном географическом положении России. Она помещается неподалеку от одного из важнейших центров Маньчжурии в Цинскую эпоху – Нингуты (寧古塔)⁵. Стоит отметить, что эти сведения были наверняка почерпнуты из китайских источников, так как и в самом Китае в то время считали русских племенем, проживающим в нескольких днях сухопутного пути за верховьями Амура [1].

После 1658 г. «Расон» исчезает со страниц летописи и ему на смену приходит наименование «большеносые татары» (тэбитальчжа; 大鼻獐子). Под таким именем русские упоминаются семь раз. Все упоминания, кроме одного, приходятся на время правления государя Сукчона (肅宗) (1674–1720): один раз в 8-й год его правления (1682), один раз в 9-й год (1683), три раза в 11-й год (1685) и по одному разу в 12-й (1686) и 13-й (1687) годы правления.

Русские характеризуются как умелые воины, обладающие крутым нравом. Появляются в силлок и краткие сведения о стране «большеносых татар», в которой много гор и болот⁶. Повествует летопись и о причинах конфликта между русскими и маньчжурами. Из нее становится понятно, что и те и другие претендовали на пушнину, поставляемую в виде дани местными тунгусскими племенами⁷. Единственная запись, сделанная в XVIII в., появляется во время правления государя Чончжо (正祖) (1752–1800) и датирована 1780 г.⁸ Важно подчеркнуть, что в летописях наименование «большеносые татары» не связывается напрямую с Россией. К такому выводу приводит сообщение 1686 г., согласно которому «большеносые» являются вассалами России (鵝羅斯) и «подчиняются из страха»⁹.

Снова указания на Россию и русских отмечаются лишь в записях, относящихся к правлению государя Кочжона. В «Реальных записях [правления государя] Кочжона» Россия фигурирует главным образом под названием «Араса» (俄羅斯) или «Агук» (俄國) – именно так именовали нашу страну в Китае. Араса появляется в силлок 32 раза – с 1864 по 1902 г., а Агук – 54 раза с 1870 по 1904 г. Записи, посвященные «Араса» и «Агук», имеют

³ Хёчжон силлок 13 квон, Хёчжон 5 нён 7 воль 2 иль 5 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=kqa_10507002_005 (дата обращения: 22.08.2020). (на класс. кит. яз.)

⁴ Хёчжон силлок 20 квон, Хёчжон 9 нён 3 воль 3 иль 2 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=kqa_10903003_002 (дата обращения: 22.08.2020). (на класс. кит. яз.)

⁵ Хёчжон силлок 12 квон, Хёчжон 5 нён 2 воль 2 иль 1 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=kqa_10502002_001 (дата обращения: 22.08.2020). (на класс. кит. яз.)

⁶ Сукчон силлок 14 квон, Сукчон 9 нён 3 воль 7 иль 1 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=ksa_10903007_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

⁷ Сукчон силлок 16 квон, Сукчон 11 нён 4 воль 2 иль 2 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=ksa_11104002_002 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

⁸ Чончжо силлок 10 квон, Чончжо 9 нён 11 воль 27 иль 1 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=kva_10411027_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

⁹ Сукчон силлок 17 квон, Сукчон 12 нён 10 воль 13 иль 1 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/rorip/viewer.do?id=ksa_11210013_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

либо негативный, либо нейтральный характер. Большая часть статей, где к России относятся настороженно или с опаской, встречается в период с 1864 по 1884 г. – вплоть до прибытия в Корею К. И. Вебера (1841–1910).

Уже в первый год после восшествия Кочжона на престол (1864) появляется первое сообщение об обнаружении на границе странных людей, в которых можно легко узнать русских военных: «Глаза глубоко посаженные, переносица высокая, радужка цвета яшмы, волосы красноватые и коротко-стриженные, на головах у них шапки из черного материала, надвинутые до бровей, похожие по форме на железные чашки для риса»¹⁰. Пришедшие русские попытались передать корейцам письмо с просьбой начать совместную торговлю. После этого тревожные упоминания о контактах с русскими начинают встречаться в силлок каждый год, а в 1870-е можно найти все больше заметок о бегстве корейских крестьян в Россию¹¹. Видимо, настоячивые попытки русских завязать торговые отношения, с одной стороны, и бегство крестьян на российскую территорию, с другой, не способствовали становлению положительного образа Российской империи при дворе Кочжона, потому что в конце 1870-х и начале 1880-х гг. появляется целый ряд записей, повествующих об опасностях, которые несет Россия для северных границ страны (1879)¹², для Китая (1880)¹³ и Японии (1881)¹⁴. Именно в этот период русские трижды – в 1877, 1881 и 1882 гг. – называются «русскими варварами» (аи; 俄夷). Возможно, в становлении такого имиджа России сыграли свою роль и соседи Кореи – Китай и Япония, активно вмешивающиеся в ситуацию в Корею ради достижения своих внешнеполитических целей.

Однако тон сообщений начинает меняться вслед за прибытием в 1884 г. в Корею К. И. Вебера, а также, возможно, благодаря содействию графа П. Г. фон Мёллендорфа (1847–1901), который в 1885 г. даже упоминается в одном сообщении, связанном с Россией¹⁵. Начиная с 1885 и по 1896 г. в силлок говорится о 12 встречах Кочжона с К. И. Вебером. Как известно, активность японцев в Корею и дипломатический талант К. И. Вебера в результате привели корейского монарха в здание дипломатической миссии Российской империи в Сеуле, о чем также есть сообщение в силлок¹⁶.

После К. И. Вебера ни один российский дипломат не удостоивался такого внимания со стороны Кочжона. Более того, можно наблюдать постепенное падение влияния России в Корею, что выражается, к примеру, в отзыве рус-

¹⁰ Кочжон силлок 1 квон, Кочжон 1 нён 2 воль 28 иль 5 понче киса. URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=kza_10102028_005 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹¹ Кочжон силлок 13 квон, Кочжон 13 нён 8 воль 9 иль 1 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_11308009_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹² Кочжон силлок 16 квон, Кочжон 16 нён 5 воль 15 иль 3 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_11605015_003 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹³ Кочжон силлок 17 квон, Кочжон 17 нён 8 воль 28 иль 1 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_11708028_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹⁴ Кочжон силлок 18 квон, Кочжон 18 нён 3 воль 23 иль 4 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_11803023_004 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹⁵ Кочжон силлок 22 квон, Кочжон 22 нён 4 воль 3 иль 2 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_12204003_002 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹⁶ Кочжон силлок 34 квон, Кочжон 33 нён 2 воль 11 иль 1 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_13302011_001 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

ского главного советника Министерства финансов Кореи К. А. Алексева и отправке русских военных советников обратно в Россию в 1898 г.¹⁷

После возвращения корейского государя из российской дипломатической миссии и вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. тон сообщений остается довольно спокойным. Однако именно с этого периода Россия начинает упоминаться не только как Араса или Агук, но еще и под именем Ногук (露國) – именно так Россию называли в то время в Японии. Всего в тексте силлок о Ногук говорится 12 раз с 1896 по 1906 г. Кроме этого, есть одно упоминание «Носоа» (露西亜) (1905) – это иероглифическая транскрипция слова «Россия», которую также использовали в Японии.

Постепенное вытеснение со страниц силлок традиционного китайского имени России на японское ярко иллюстрирует тот водораздел в отношениях между Россией и Кореей, который возник во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ну и наконец, в финале, уже в 1906 г., мы видим единственное упоминание о России в статье, словно сошедшей со страниц криминальной хроники: трое русских с переводчиком гуляли по Сеулу и без разрешения проникли на территорию дворца Кёнбоккун¹⁸. Это сообщение как будто показывает нам, что после 1905 г. русские уже не являются желанными гостями в Корее.

Таким образом, образ России и русских, представленный в летописи «Реальные записи правящего дома Чосон», нельзя назвать положительным или привлекательным. В силлок, относящихся к XVII и XVIII вв., русские описываются как неистовые и храбрые воины, при этом неблагоразумные и внешне весьма отталкивающие. Они ведут варварский, с точки зрения корейцев, образ жизни – не возделывают землю, время от времени грабят и убивают. Одновременно с этим русские, действующие в бассейне р. Амур, представляются корейцам вассалами крупной державы, расположенной с ними по соседству, – России. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что при дворе корейского правителя, по крайней мере до начала XIX в., не догадывались о постепенной экспансии России на Дальний Восток и приближении к границам Кореи. Сама Россия предстает в летописях как крупное и сильное государство, расположенное где-то на севере. Следует особенно отметить вклад Китая в формирование такого образа России и русских в Корее в XVII–XVIII вв., так как большая часть сведений, за исключением, возможно, относящихся ко времени совместных китайско-корейских походов против русских казаков в 1654 и 1658 гг., была получена корейцами в пересказах от китайцев во время дипломатических миссий ко двору китайского императора.

Сложно утверждать, каким образом сформировавшийся на основе летописи образ России и русских повлиял на становление отношений между Россией и Кореей в XIX в., однако вполне можно предположить негативное

¹⁷ Кочжон силлок 37 квон, Кочжон 35 нён 3 воль 24 иль 2 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_13503024_002 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

¹⁸ Кочжон силлок 47 квон, Кочжон 43 нён 12 воль 10 иль 2 понче киса. URL: sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=wza_14312010_002 (дата обращения: 22.08.2020) (на класс. кит. яз.)

его воздействие на отношение корейского двора, по крайней мере к тем русским казакам и переселенцам, которые прибывали в наиболее близкие к Корее российские владения в бассейне р. Амур.

Наибольшая частота упоминания о России и русских встречается в «Реальных записях [правления государя] Кочжона», являющихся прекрасным источником для иллюстрации становления и развития отношений между Россией и Кореей во второй половине XIX и самом начале XX в. По ним хорошо прослеживается рост и падение влияния России в Корее в этот период. В первых сообщениях о контактах с русскими в силлок Кочжона обнаруживается тревога из-за появления сильного и, возможно, опасного соседа, и такое отношение к России и русским в целом преобладает вплоть до прибытия в Корею К. И. Вебера в 1884 г. Оно, скорее всего, было вызвано настойчивыми попытками русских завязать торговые отношения и бегством корейских крестьян на российскую территорию. Возможно, поэтому русских в летописи несколько раз называют «варварами». В формировании такого имиджа России, вероятно, приняли участие Китай и Япония, активно вмешивающиеся в ситуацию на Корейском полуострове ради достижения своих внешнеполитических целей. Однако с 1884 г. тон записей, посвященных России, постепенно меняется, в них мы видим активное развитие двусторонних отношений, которое достигло пика в 1896 г. Тем не менее нельзя сказать, что и в этот период в силлок складывается положительный образ России и русских, он больше нейтральный, что также может быть вкладом японцев, активно участвовавших в составлении силлок государя Кочжона.

После 1896 г. наблюдается постепенное снижение влияния России в Корее, о чем свидетельствует, к примеру, упоминание об отзыве русского финансового советника В. А. Алексеева или отправке русских военных советников обратно в Россию в 1898 г. Постепенно российско-японское соперничество приводит к открытому конфликту, следы которого хорошо видны и в силлок: если после начала военных действий Россия все еще именуется «Араса» (традиционное, пришедшее из Китая название), то после победы Японии исключительно как «Носоа» (принятое в Японии название). После поражения в войне русские упоминаются в силлок лишь однажды, но уже не как грозные воины XVII в. или опасные «варвары» середины XIX в., а как рядовые нарушители общественного порядка, без разрешения проникшие на территорию одного из дворцов.

Список литературы

1. Пак Б. Д. Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.
2. Kang Hyeok Hweon. Big Heads and Buddhist Demons: The Korean Musketry Revolution and the Northern Expeditions of 1654 and 1658 // Journal of Chinese Military History. 2013. N 2 (2013). P. 127–189.
3. Republic of Korea – Annals of the Choson Dynasty (Choson Wangjo Shillok). URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/republic_of_korea_annals_choson_dynasty.pdf (дата обращения: 22.08.2020).

Image of Russia and Russians in the Veritable Records of the Joseon Dynasty (Joseon Wangjo Sillok)

V. S. Akulenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. This paper is devoted to the problem of the image of Russia and Russians, presented in the chronicle “The Annals of the Joseon Dynasty” (Joseon Wangjo Sillok). More than 200 references to Russia and Russians dated by the reign of the kings Hyojong, Sukjong, Cheoljong and the emperor Gojong were found and analyzed.

Keywords: Joseon, Russian-Korean relations, image of Russian, image of Russians, Joseon Wangjo Sillok.

For citation: Akulenko V.S. Image of Russia and Russians in the Veritable Records of the Joseon Dynasty (Joseon Wangjo Sillok). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 58-64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.58> (in Russian)

References

1. Pak B.D. *Rossiya i Koreya. Izdanie vtoroe, dopolnennoe* [Russia and Korea. Second updated edition]. Moscow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 2004, 519 p. (in Russian)
2. Kang Hyeok Hweon. Big Heads and Buddhist Demons: The Korean Musketry Revolution and the Northern Expeditions of 1654 and 1658. *Journal of Chinese Military History*, 2013, no. 2 (2013), pp. 127-189.
3. Republic of Korea – Annals of the Choson Dynasty (Chosŏn Wangjo Sillok). Available at: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/republic_of_korea_annals_choson_dynasty.pdf (date of acces: 22.08.2020)

Акуленко Вадим Сергеевич
кандидат исторических наук, старший
преподаватель, кафедра корееведения
Дальневосточный федеральный
университет
Россия, 690922, Владивосток,
о. Русский, пос. Аякс, 10
e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

Akulenko Vadim Sergeevich
Candidate of Sciences (History), Senior
Lecturer, Department of Korean Studies
Far Eastern Federal University
10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok,
690922, Russian Federation
e-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

УДК 929+94

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.65>

Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, востоковед, экономист и историк^{*}

Ю. В. Кузьмин

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Представлена творческая биография профессора Ю. М. Бутина – известного востоковеда, специалиста по древней истории Кореи и корейского языка, создавшего три кафедры востоковедения и мировой экономики в вузах Иркутска, организовавшего преподавание корейского языка, автора учебника и учебных пособий, монографий «Древний Чосон, «Корея: от Чосон к Трем государствам», которые вошли в золотой фонд российского корееведения. Позднее эти книги были переведены и изданы в Южной Корее в 1986 и 1990 гг. в Сеуле.

Ключевые слова: Ю. М. Бутин, корейский язык, востоковедение в Иркутске, древняя история Кореи, военный переводчик.

Для цитирования: Кузьмин Ю. В. Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, востоковед, экономист и историк // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 65–72. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.65>

Иркутское востоковедение имеет давние традиции изучения восточных языков, истории и культуры восточных стран. Именно в Иркутске была создана первая школа монгольского языка при Вознесенском монастыре в 1725 г. по указу Петра I. Выпускник этой школы И. К. Рассохин (1707–1761) длительное время служил в Пекинской духовной миссии, изучил китайский и маньчжурский языки, затем образовал школу китайского и маньчжурского языков в Академии наук России и десять лет преподавал в ней. Была в Иркутске и школа японского языка. С учреждением Иркутского госуниверситета востоковедные исследования заняли достойное место, в разные годы успешно работали китаеведы, монголоеды, японисты, активно велись и продолжают восточковедные изыскания на историческом факультете ИГУ.

В 1980–1990-е гг. в Иркутске успешно работал известный специалист по корейскому языку и древней истории Кореи профессор Ю. М. Бутин, который организовал три кафедры изучения стран Востока и регионоведения и успешно преподавал корейский язык, издал учебник корейского языка.

Кандидат экономических наук и доктор исторических наук Ю. М. Бутин был специалистом широкого профиля: преподавал историю стран Восточной Азии и корейский язык, владел корейским, японским, китайским и англий-

---

^{*} Грант РФФИ № 18-514-94002 МОНХ_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

ским языками, подготовил значительное число специалистов по мировой экономике и регионоведению в БГУЭП, ИрГТУ, САПЭУ, создал в этих вузах кафедры мировой экономики, восточных языков и регионоведения.

Историк-востоковед и экономист Юрий Михайлович Бутин является создателем и первым заведующим кафедрой мировой экономики БГУЭП. Первое название кафедры в 1989 г. было совсем другое – «кафедра международных экономических отношений и истории народного хозяйства», затем стала называться кафедрой экономики Юго-Восточной Азии.

Иркутску и Байкальскому университету очень повезло, что учреждение кафедры мировой экономики и международного бизнеса БГУЭП было поручено кандидату экономических наук и доктору исторических наук Юрию Михайловичу Бутину. К сожалению, полностью реализовать свои замыслы по развитию кафедры не удалось. Ю. М. Бутин делился со мной планами создания на базе нашей кафедры в Иркутске Восточного института, и кафедра предполагалась как начало этого дела. Он пытался объединить немногих востоковедов города в одном вузе, которые в 90-е гг. в каждом университете создали восточное направление и распыляли свои усилия. В Иркутске существовал, например, негосударственный Русско-Азиатский университет, который готовил специалистов широкого профиля и культурологов со знанием восточных языков. Тогда наблюдался настоящий бум изучения стран Востока и восточных языков. Раньше, в советское время, востоковеды готовились только в Москве, Ленинграде, Казани и Владивостоке.

Известный исследователь истории и археологии древней Кореи, знаток восточных языков, Ю. М. Бутин был не только крупным ученым-востоковедом, но и успешным организатором ряда востоковедных кафедр в г. Иркутске.

Юрий Михайлович родился 17 ноября 1931 г. в совхозе «Красный великан» Забайкальского района Читинской области [8, с. 207]. В 1952 г. успешно окончил училище военных переводчиков восточных языков в Канске и в течение четырех лет служил военным переводчиком, в том числе в Корее. Сегодня мы называем это оказанием интернациональной помощи корейскому народу.

В настоящее время мы многое знаем об этих трагических и героических событиях 1950–1953 гг. по книгам, статьям, публикациям зарубежных и корейских авторов. К сожалению, Ю. М. Бутин почти никогда не касался этой темы и очень мало рассказывал о своей военной службе. Данная в свое время подписка о неразглашении сведений свято им соблюдалась и когда ее срок закончился и пришли другие времена. Ю. М. Бутин любил в неформальной обстановке общаться с бывшими военными, с теми, кто служил в Советской армии, как-то особо выделяя их из общей мужской и преподавательской массы. Такие люди даже молча понимают друг друга, не любят громких фраз о патриотизме и своих героических подвигах. Мне кажется, что служба в Корее наложила серьезный отпечаток на характер и судьбу этого талантливого человека. Внешне это был суровый и закрытый человек, но открытый и доброжелательный, ироничный в среде своих близких коллег и товарищей. Иногда в неформальной обстановке мог быть резким и критичным.

После демобилизации в 1960 г. окончил экономический факультет Таджикского университета в Душанбе (1956–1960). Работал экономистом, преподавателем политэкономии, экономической истории в организациях и предприятиях Таджикистана, Читинской, Иркутской областей. Он часто менял места своей работы и место проживания. Возможно, продолжалась его служба военного переводчика. Затем окончил аспирантуру Института географии Сибири и Дальнего Востока и в 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике Сибири в Иркутском институте народного хозяйства «Развитие и размещение промышленности строительных материалов Восточной Сибири». Длительное время работал научным сотрудником в Сибирском отделении Академии наук и в Институте истории, уйгуроведения Академии наук Казахстана. Он хорошо овладел местными языками народов Центральной Азии.

Также Ю. М. Бутин ряд лет успешно трудился в реальном промышленном секторе советской экономики: был старшим экономистом Усть-Карской геолого-разведочной партии (1961–1962), начальником планового отдела кожевенно-обувного комбината в Чите (1962–1963), старшим экономистом управления промстройматериалов Восточно-Сибирской СНХ (1963–1964), главным экономистом цементного завода в Ангарске (1964–1965) [8, с. 207].

Длительное время он трудился в Новосибирске, в Институте истории – крупном центре сибирской и российской гуманитарной науки, где работали и работают видные российские ученые: археологи, этнографы, востоковеды, историки. Подготовка докторской диссертации в таком научном центре, где служат высококвалифицированные специалисты, требовательные принципиальные ученые, – довольно непростое дело. Сложность заключалась и в том, что Ю. М. Бутин полностью сменил сферу своего исследования: перешел из экономики в историческую науку и избрал для изучения очень трудную и неразработанную проблему – древняя история Кореи, археологические памятники, их анализ и классификация. Ученые периодически меняют направления исследования, но не так кардинально.

В 1986 г. Ю. М. Бутин успешно защитил докторскую диссертацию по древней истории Кореи («Корея в эпоху ранних государств») в Ленинградском отделении Института востоковедения и стал доктором исторических наук [2]. Он глубоко проанализировал письменные восточные источники и сопоставил их с новейшими археологическими данными корейских ученых.

Были изданы крупные монографии: «Древний Чосон» [1], «Корея: от Чосон к Трем государствам» [3], которые вошли в золотой фонд российского корееведения. В 1990 г. эти книги были переведены и изданы в Южной Корее и прочно вошли в российское и мировое корееведение [9].

Редкий случай в науке: кандидат экономических наук защищает докторскую диссертацию по всеобщей истории, ее узкой специализации – древней истории Кореи. Это свидетельствует о высокой научной эрудиции автора, его редких способностях и высокой работоспособности. Незаурядный аналитический и исследовательский талант Ю. М. Бутина позволил ему осваивать новые сферы научной деятельности и достигать серьезных успехов.

В 1989 г. Ю. М. Бутин приезжает в Иркутск и начинает работать в Иркутском институте народного хозяйства. Он возглавляет кафедру истории народного хозяйства и международных отношений и предлагает создать специальную кафедру по изучению восточных языков и экономики стран Восточной Азии. Вводится новая для института специализация «Экономика Юго-Восточной Азии», начинается изучение студентами восточных языков – китайского, японского, корейского – и экономики стран Востока. Студенты кафедры изучают язык не только с российскими преподавателями, но и с носителями восточных языков, приглашенными из стран Востока. Студенты направлялись на многомесячные стажировки в страны изучаемых языков – не случайно первые выпускники кафедры длительное время здесь успешно работают.

В 1990 г. состоялось мое личное знакомство с Юрием Михайловичем Бутиным. После защиты кандидатской диссертации на восточном факультете Ленинградского университета я работал на международном факультете Иркутского государственного университета. В конце 1989 г. вернулся из длительной 9-месячной научной стажировки из Монгольского госуниверситета, где собирал архивный и документальный материал для докторской диссертации, читал лекции студентам исторического факультета Монгольского университета и сотрудникам посольства и торгпредства.

Мой научный руководитель и Учитель В. В. Свинин сообщил мне, что в Иркутске появился известный востоковед-кореевед Ю. М. Бутин, который хотел бы со мной встретиться. Научные работы Ю. М. Бутина мне были хорошо известны со времени учебы в аспирантуре на кафедре истории стран Дальнего Востока Ленинградского госуниверситета, где готовились китайсты, японисты и корееведы. Поэтому с большим интересом ждал встречи с исследователем.

Юрий Михайлович оказался сдержанным и не особенно разговорчивым человеком, который больше спрашивал, чем отвечал на вопросы. Только много позднее я понял причину его такого поведения. Он подробно расспрашивал о моей биографии, особенно о военной службе в Баку, востоковедной специализации и о том, какие курсы и спецкурсы по экономике, истории экономики стран Востока мог бы читать на его кафедре. Предложил написать их названия и представить короткие программы курсов.

В это время в ИГУ мы с В. В. Свининым готовили открытие кафедры монголоведения, и программы уже были готовы. Были представлены программы курсов: «Экономическая история Монголии XX века», «Экономика Монголии», «Экономическая история стран Восточной Азии», «Культура стран Востока» и др.

Ю. М. Бутин проявил большой интерес к литературе по истории экономики и по современной экономике Монголии, задавал много конкретных вопросов по данной тематике. В это время он читал курс «Экономическая история стран Восточной Азии» и готовил к публикации учебное пособие «Экономическая история Восточной Азии», увидевшее свет в 1994 г. [6]. Это учебное пособие было длительное время востребовано студентами ряда

иркутских вузов, изучающими восточные языки, мировую экономику и зарубежное страноведение. Ю. М. Бутин гармонично использовал свои глубокие знания древней и современной истории стран Востока и истории экономики, а также особенностей экономического развития Китая, Японии, Кореи и Монголии [4].

Позднее мне пришлось разрабатывать и читать именно этот курс для первокурсников. По совместительству несколько лет вел эту дисциплину. Затем ее успешно преподавал кандидат экономических наук, доцент Жаргал Зандараевич Тагаров, эрудит, специалист по истории и экономике Востока и Китая, русско-китайских экономических отношений. Позднее этот учебный курс стал называться «История мировой экономики», но в настоящее время (2019 г.) сокращен в связи с переходом со специалитета на бакалавриат.

Состав кафедры был замечательным. Успешно преподавали доценты, кандидаты экономических наук А. В. Петров, В. Ю. Рогов, И. Е. Козырская, В. М. Ягодкина, Е. Г. Яковлева, А. С. Селищев, преподаватель японского языка В. Г. Щукин. Мне были близки наши востоковеды: Александр Сергеевич Селищев, кандидат экономических наук, доцент ИВАТУ, специалист по экономической теории и знаток восьми иностранных языков (ныне профессор в Санкт-Петербурге), преподаватель японского языка Владимир Георгиевич Щукин.

У Ю. М. Бутина было большое желание создать сильную и профессиональную команду востоковедов – историков, экономистов, филологов и готовить экономистов со знанием восточных и европейских языков, он планировал создать в Иркутске Институт восточных языков. В 1990-е гг. регионы России получили возможность заниматься внешнеэкономической деятельностью со странами Востока – Китаем, Японией, Кореей, Монголией – и, конечно, нуждались в квалифицированных кадрах. К сожалению, плодотворная идея оказалась не реализованной, и в настоящее время ограниченные силы востоковедов рассредоточены в вузах Иркутска: ИГУ, БГУ, ИРНИТУ. Иркутск, занимающий выгодное географическое и экономическое положение в России – вблизи с Монголией и Китаем, имеет глубокие традиции изучения восточных языков и перспективы использования специалистов по Востоку в практических структурах страны. Давно назрела потребность подготовки специалистов со знанием не только китайского, но и монгольского языка.

В 1994 г. было принято решение создать самостоятельное структурное подразделение – факультет мировой экономики. К большому сожалению, по субъективным обстоятельствам Ю. М. Бутин не смог продолжить свою работу на факультете и перешел на работу в Иркутский государственный технический университет, где создал кафедру восточных языков и восточный факультет. Он успешно преподавал корейский язык и опубликовал учебник корейского языка, по которому студенты до сих пор изучают корейский язык в ряде вузов Иркутска. У Ю. М. Бутина назрел конфликт с профессором Т. К. Петровой на почве разного понимания пути дальнейшего развития кафедры и факультета, тогда началось становление европейского направления. Мои предложения Ю. М. Бутину продолжить работу на кафедре не были приняты.

В 1997 г. я подготовил к защите докторскую диссертацию, решался вопрос о трех официальных оппонентах. Остановились на заведующем сектора Монголии Института востоковедения РАН, докторе исторических наук В. В. Грайворонском, главном научном сотруднике, докторе исторических наук, профессоре Т. Д. Скрынниковой (Улан-Удэ), профессоре Ю. М. Бутине.

Юрий Михайлович согласился не сразу, пояснив, что не является монголоведом. Пришлось его долго убеждать. Решающим аргументом стало то обстоятельство, что ведущей организацией выступал сектор Монголии и Кореи Института востоковедения РАН, уровень компетенции которого в данной проблеме был бесспорен. На защите разгорелась настоящая научная дискуссия по замечаниям Ю. М. Бутина между профессорами Ш. Б. Чимитдоржиевым и Ю. М. Бутиным.

Юрий Михайлович Бутин остался в памяти как эрудированный преподаватель и ученый, свободно владеющий шестью иностранными языками. Особенно блестяще он владел восточными языками: корейским, японским, китайским. Неоднократно я был свидетелем свободного общения профессора Ю. М. Бутина с носителями восточных языков.

Он выпустил относительно немного работ – более 50 публикаций, из них три научные монографии, учебник корейского языка [5], учебное пособие «Экономическая история Восточной Азии» [6]. Но все они востребованы учеными и студентами, идеи Ю. М. Бутина продолжают свою отдельную жизнь. На меня сильное впечатление произвела одна из последних статей Ю. М. Бутина, посвященная французско-корейским языковым параллелям.

В 2001 г. Ю. М. Бутин издал сборник трудов «Восточные этюды», в который в том числе вошли две его статьи: «Древнекорейская керамика» и «Ариран», посвященная одной из древнейших корейских народных песен [7].

Коллеги Юрия Михайловича по Сибирскому институту права, экономики и управления выпустили в 2003 г. учебник корейского языка, значительную роль в реализации публикации сыграли старший преподаватель восточных языков А. В. Хегай и выпускники факультета региональной экономики А. Краснопеева и А. Неказаченко [5].

Не каждому ученому удастся в жизни создать три работающие кафедры востоковедения и восточных языков в Иркутске. Многие ученики Ю. М. Бутина сегодня являются ведущими преподавателями восточных языков и экономических дисциплин на кафедрах вузов нашего города.

Кафедра мировой экономики БГУЭП, созданная Юрием Михайловичем Бутиным, продолжает свою работу по подготовке специалистов по международной экономике, в том числе и по Южной Корее. Творческую деятельность кафедры продолжили Тамара Константиновна Петрова, Ирина Всеволодовна Цвигун, Вера Михайловна Ягодкина, Оксана Александровна Чепинога. В настоящее время кафедра пополнилась преподавателями по туризму и экономической безопасности. Специалисты по экономике Кореи, Китая и Монголии, таможенному делу и международной экономике и экономической безопасности успешно готовятся на кафедре, которую основал профессор Ю. М. Бутин. Основной костяк кафедры мировой экономики и между-

народного бизнеса составляют или преподаватели, которых пригласил для работы Ю. М. Бутин, или ее выпускники (кандидаты экономических наук, доценты Н. Р. Эпова, О. А. Чепинога, М. В. Чаликова-Уханова).

В России и Байкальском университете не умели ценить настоящих профессионалов, ученых-исследователей Востока, поэтому были потеряны ценные кадры уникальных ученых и преподавателей: ушли из университета профессор Александр Сергеевич Селищев, успешно работающий в Петербурге; кандидат экономических наук, доцент Жаргал Зандараевич Тагаров; кандидат экономических наук, доцент Надежда Георгиевна Данилович; профессор Вера Михайловна Ягодкина. К счастью, выпускники кафедры мировой экономики продолжают начатое тридцать лет назад дело Юрия Михайловича Бутина и профессионально готовят новых специалистов по мировой экономике и экономической безопасности.

Творческая биография профессора Ю. М. Бутина и его научное наследие нуждается в дальнейшем специальном изучении. Древняя история Кореи – важное направление востоковедных исследований, не имеющее своих последователей в Иркутске в настоящее время. Иркутскому востоковедению и корееведению чрезвычайно повезло, что здесь успешно работали два известных специалиста по истории Кореи – профессор Пак Борис Дмитриевич, крупный специалист по новейшей истории Кореи и русско-корейских и советско-корейских отношений, и профессор Юрий Михайлович Бутин, специалист по корейскому языку и древней истории Кореи, которые заложили основы для изучения стран Востока и создали иркутскую школу корееведения. К сожалению, не были подготовлены ученики крупных иркутских историков, прямого продолжения востоковедных традиций не получилось.

Список литературы

1. Бутин Ю. М. Древний Чосон: (Ист.-археол. очерк). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 330 с.
2. Бутин Ю. М. Корея в эпоху ранних государств : автореф. ... д-ра ист. наук. Л., 1986. 35 с.
3. Бутин Ю. М. Корея: от Чосона к Трем Государствам (II в. до н. э. – IV в.). М. : Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 255 с.
4. Бутин Ю. М. Маньчжурия и Корея // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 105–117.
5. Бутин Ю. М. Учебник корейского языка. Иркутск : Изд-во СИПЭУ, 2003. 152 с.
6. Бутин Ю. М. Экономическая история Восточной Азии. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 269 с.
7. Восточные этюды : сб. науч. тр. СИПЭУ. Иркутск : Изд-во СИПЭУ, 2000–2001. 159 с.
8. Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1. А – Л. М. : Наука, 1995. С. 207.
9. Бутин Ю. М. Кочосон [Древний Чосон]. Сеул, 1990 (на кор. яз.).

Professor Yuri Mikhailovich Butin – Military Translator, Orientalist, Economist and Historian

Y. V. Kuzmin

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The author presents the creative biography of Professor Yu. m. Butin, a well-known orientalist, specialist in the ancient history of Korea and the Korean language. Yu. m. Butin created three departments of Oriental studies and world economy in Irkutsk universities, organized the teaching of the Korean language, published a textbook and manuals. Historian-orientalist Yu. m. Butin (1931–2002) – a major specialist in the ancient history of Korea, author of monographs: “Ancient Joseon” (Novosibirsk, 1982), “Korea: from Joseon to Three States” (Novosibirsk, 1984), which were included in the Golden Fund of Russian Korean studies. Later, these books were translated and published in South Korea in 1986 and 1990 in Seoul, and became firmly established in Russian and world Korean studies. The creative biography of Professor Yu. M. Butin, an orientalist, Korean scholar, historian and economist, deserves special research.

Keywords: Yu. M. Butin, Korean language, Oriental studies in Irkutsk, ancient history of Korea, military translator.

For citation: Kuzmin Y.V. Professor Yuri Mikhailovich Butin – Military Translator, Orientalist, Economist and Historian. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 65-72. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.65> (in Russian)

References

1. Butin Yu.M. *Drevnii Choson: (Ist.-arkheol. ocherk)*. [Ancient Choson. An historical and archaeological sketch] Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 330 p. (in Russian)
2. Butin Yu.M. *Koreya v epokhu rannikh gosudarstv* [Korea in the era of the early states]: doctoral dissertation abstract. Leningrad, 1986, 35 p. (in Russian)
3. Butin Yu.M. *Koreya: ot Chosona k Trem Gosudarstvam (II v. do n. e. – IV v.)* [Korea: from Joseon to the Three States (2nd century BC – 4th century)]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 255 p. (in Russian)
4. Butin Yu.M. Manchzhuriya i Koreya [Manchuria and Korea]. *Istoriya narodov Vostochnoi i Tsentral'noi Azii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the peoples of East and Central Asia from ancient times to the present day]. Moscow, 1986, pp. 105-117. (in Russian)
5. Butin Yu. M. *Uchebnik koreiskogo yazyka* [Korean language textbook]. Irkutsk, SIPEU Publ., 2003, 152 p. (in Russian)
6. Butin Yu. M. *Ekonomicheskaya istoriya Vostochnoi Azii* [Economic history of East Asia]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1994, 269 p. (in Russian)
7. *Vostochnye etudy. Sbornik nauchnykh trudov SIPEU* [Oriental studies. Collection of scientific works of SIPEU]. Irkutsk, SIPEU Publ., 2000-2001, 159 p. (in Russian)
8. Miliband S.D. *Biobibliograficheskii slovar otechestvennykh vostokovedov* [Biobibliographic Dictionary of Russian Orientalists]. Book 1 A-L. Moscow, Nauka, 1995, 207 p. (in Russian)
9. Butin Yu.M. *Gojoseon* [Ancient Joseon]. Seoul, 1990. (in Korean)

Кузьмин Юрий Васильевич

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра мировой экономики и
экономической безопасности
Байкальский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
e-mail: Kuzminuv@yandex.ru*

Kuzmin Yuri Vasilevich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of World Economy
and Economic Security
Baikal State University
11, Lenin st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: Kuzminuv@yandex.ru*

УДК 94(571)+910.4:39+912.4(09)
DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.73>

Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.: рисунки художников Второй Камчатской экспедиции

И. А. Шипилов

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. На основе комплексного анализа географических, естественно-научных (ботанических, зоологических, минералогических), археологических и этнографических рисунков художников академического отряда Второй Камчатской экспедиции И. Х. Беркана, И. В. Люрсениуса и И. К. Деккера показано значение этих работ как предметных и дисциплинарных научных иллюстраций, отражающих развитие российской науки. Выявлено, что изображения названных художников являются реалистичными визуальными репрезентациями прошлого Сибири и должны использоваться вместе с научными трудами участников Второй Камчатской экспедиции для изучения истории региона. Качественные характеристики естественно-научных и археологических рисунков позволяют осуществлять по ним реконструкции музейных коллекций, не сохранившихся до наших дней. Сделан вывод, что рисунки И. Х. Беркана, И. В. Люрсениуса и И. К. Деккера представляют собой живописные памятники российского изобразительного искусства, ценные источники по истории изучения Сибири и российской визуальной истории Нового времени.

Ключевые слова: история изучения Сибири, визуальная история России, Вторая Камчатская экспедиция, академический отряд, вспомогательный персонал, художники И. Х. Беркан, И. В. Люрсениус и И. К. Деккер.

Для цитирования: Шипилов И. А. Источники по истории Сибири первой половины XVIII в.: рисунки художников Второй Камчатской экспедиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 73–82. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.73>

В продолжающейся истории изучения богатейшего научного наследия академического отряда Второй Камчатской экспедиции (АО ВКЭ) 1733–1743 гг. основное внимание исследователей различного профиля, как правило, сосредоточено на работах его руководителей – профессоров (академиков) Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, Л. Делиль де ла Кройера, адъютантов Г. В. Стеллера и И. Э. Фишера. Анализ трудов и материалов студентов, геодезистов, переводчиков, копиистов и других представителей вспомогательного персонала АО ВКЭ в соответствующей научной литературе отве-

дено значительно меньше места, а многие из них до сих пор остаются вне исследовательской практики.

Подобное положение занимают изобразительные материалы художников И. Х. Беркана, И. В. Люрсениуса и И. К. Деккера, составлявших специализированное структурное подразделение вспомогательного персонала академической группы. Общие сведения о художниках и их рисунках имеются в обзорных трудах, посвященных академическим экспедициям XVIII в. в Сибирь [2; 11] и ВКЭ в частности [6; 22], истории учреждений Академии наук (АН) [12; 13] и российскому изобразительному искусству в исследуемый период [19]. Кроме того, отдельным аспектам экспедиционной работы живописцев АО ВКЭ посвящены статьи [3; 16; 17; 20]. Однако комплексный анализ иллюстративного материала названных художников, который принят в предлагаемой статье, в историографии отсутствует. Восполнение данного пробела, введение в научный оборот работ И. Х. Беркана, И. В. Люрсениуса и И. К. Деккера не только послужит приращению историографии экспедиции и истории изучения Сибири в целом, но и развитию нового направления российской исторической науки – визуальной истории, в рамках которой мало изучены изобразительные источники имперского периода [4; 9].

Должностные обязанности художников в ходе ВКЭ были регламентированы генеральной инструкцией АН 1733 г. [21, s. 295–312] и специальным руководством от живописца и преподавателя Академической гимназии Г. Гзеля¹. Согласно этим документам, художники должны были, путешествуя по Сибири, по распоряжениям профессоров изображать проспекты городов и географические ландшафты, виды местной флоры и фауны и ценные образцы минерального комплекса, представителей коренных народов региона в традиционной одежде с предметами материальной и духовной культуры, археологические останки древних сооружений и артефакты.

Исполняя положения указанных выше инструкций и задания Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и Г. В. Стеллера, И. Х. Беркан, И. В. Люрсениус и И. К. Деккер выполнили географические рисунки («проспекты») крупных сибирских городов и острогов с прилегающей местностью. Всего в течение экспедиции было создано 27 оригинальных «проспектов», из которых к Сибири и смежным регионам относятся 23. Наибольшее их количество принадлежит Люрсениусу, изобразившему Верхотурье, Невьянск, Туринск, Пельым, Тюмень, Мангазею, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Удинск, Селенгинск, Кяхту, Нерчинск, Илимск и Якутск. Берканом были нарисованы «проспекты» Екатеринбург, Тобольск, Тары, Кузнецка и Томска. Деккером, зачисленным в состав АО ВКЭ в 1737 г. и приехавшим в Сибирь вместе со Стеллером в 1738 г., были запечатлены Сургут, Нарым и Березов. В ходе поездок по Дальнему Востоку и Камчатке Беркан также выполнил изображения видов «Охотского порта» и «Петропавловской гавани» [8, с. 31–32]. Еще во время путешествия с оригинальных рисунков были сдела-

---

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 568. Д. 32. Л. 14–15.

ны копии либо воплощены новые виды городов с иного ракурса. В результате этой работы в 1748 г. в АН имелось 48 рисунков художников АО ВКЭ названных выше населенных пунктов². В 1769–1771 гг. с этих «проспектов» были сделаны гравюры, благодаря которым мы знаем о большинстве оригинальных изображений [1], поскольку в подлиннике до наших дней сохранились лишь «проспекты» Мангазеи, Иркутска и Томска за авторством Люрсениуса; Тары, Тобольска и Томска – Беркана³.

Для рисунков сибирских населенных пунктов художников АО ВКЭ характерно детальное и близкое к действительности отображение городской панорамы, дающее представление об особенностях архитектуры зданий и строений, их хозяйственном и культурном назначении, чему в некоторых случаях также способствовали картуши с номерами и пояснениями к ним. Виды населенных пунктов дополнялись изображениями элементов прилегающего пейзажа: рек со стрелками, указывающими направление течения, форм рельефа земной поверхности и растительности. Для получения геометрически верного изображения художники использовали камеру-обскуру – устройство для выполнения оптической съемки местности [1; 20].

Проведя сравнение «проспектов» художников АО ВКЭ с обстоятельными городоведческими описаниями Г. Ф. Миллера, Д. Я. Резун и А. Х. Элерт выявили многочисленные несоответствия между изображением и нарративом и сделали вывод, что в рисунках реалистическое отображение архитектурного облика сибирских городов и городских пейзажей, свойственное ведутной живописи, часто соседствует с «идеальными» элементами художественного декора. Как показали историки, Беркан, Люрсениус и Деккер на своих рисунках часто воссоздавали городские строения и иные объекты, которых, согласно описаниям Миллера, на момент посещения ВКЭ в населенных пунктах уже не существовало, либо они находились в разрушенном состоянии, а на «проспектах» приобретали первоначальный вид. В дополнение к этому художники в своих работах могли пренебречь отдельными элементами «регулярности» в планировке сибирских городов, если того требовали живописный образ и композиционное решение [16]. Такой прием в европейском изобразительном искусстве был характерен для жанра пейзажной живописи каприччо [15, с. 27–28].

Как писал искусствовед А. А. Федоров-Давыдов, в рисунках городов художников АО ВКЭ нашел проявление переход в российском изобразительном искусстве от ведутной живописи с элементами топографического изображения к видовой графике и городскому пейзажу с декоративными компонентами [19, с. 95]. Таким образом, «проспекты» художников АО ВКЭ являются памятниками истории и культуры и визуальными источниками по историческому городоведению Сибири в изучаемый период, которые необходимо использовать в сочетании с соответствующими описаниями участников экспедиции для наиболее полной реконструкции архитектурного и социокультурного облика населенных пунктов региона.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 5. Д. 39.

³ Там же. № 40–45.

Более точно и обстоятельно живописцы АО ВКЭ изобразили объекты сибирской природы. Как и в случае с географическими изображениями, Деккер выполнил лишь единичные естественно-научные рисунки: травянистого лекарственного растения примулы сибирской⁴ и раkitника – кустарника из семейства бобовых [18]. Авторами большинства таких работ являются Беркан и Люрсениус. Об их количестве можно судить по отчетам художников, а также рапортам и доношениям Миллера, Гмелина и Стеллера о выполненных и отправленных или привезенных в АН из Сибири, а Берканом еще и с Камчатки, рисунках [10, с. 431–432]. В одном только «Реэстре» научным трудам и материалам АО ВКЭ, составленном Миллером и Гмелиным по итогам путешествия, зафиксировано более 300 рисунков по естественной истории Сибири [Там же, с. 194–212].

В основном ботанические рисунки были сделаны с гербарных образцов, но имеются изображения, выполненные с натуры. К таковым, в частности, относится «Княженика обыкновенная, или малина арктическая» Беркана⁵. Иллюстрации животных произведены с недавно пойманных особей или с чучел, в изготовлении которых особо преуспел студент В. Третьяков. Следуя положениям инструкции Г. Гзеля и специального руководства анатома и зоолога, академика АН И. Г. Дювернуа [21, с. 314–321], художники, помимо изображений внешнего вида животных, дающих представление об их эйдонии, выполняли также анатомические рисунки, отображавшие внутреннее строение организмов. К примеру, ими были осуществлены спланхнологические изображения кабарги и выхухоли [10, с. 197, 199, 202].

В естественно-научных рисунках художников, как и в такого рода описаниях сотрудников АО ВКЭ, прослеживается утилитарная направленность. В первую очередь изображались съедобные (лилия даурская и рябчик камчатский, моховик, болетин), лекарственные (травы из семейств горечавковых и розовых, хвойник сибирский) или ядовитые (воронец красный, миндаль степной) растения и грибы, виды ценных промысловых зверей (соболь, калан, кабарга, архар), рыб (стерлядь, муксун, судак) и птиц (семейства утиных и гагаровых)⁶. Таким образом, рисунки художников АО ВКЭ по натуральной истории Сибири имели прикладное значение для развития российской биологии и медицины.

Наряду с флоро-фаунистическими рисунками художники АО ВКЭ запечатлели в своих работах минералы, полезные ископаемые и их месторождения, а также формы рельефа, отражающие особенности геоморфологии Сибири. Например, изображения Енисейских пещер, выполненные Берканом, Люрсениусом и Деккером⁷, дают информацию о расположении и размерах естественных полостей, о породах, в которых они образовались, наличии в них льда и карстовых отложений [10, с. 202]. Эти труды вместе с соответствующими описаниями И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова обозначили становление научной спелеологии в России.

⁴ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 17.

⁵ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 20. Д. 25. Л. 10.

⁶ Там же. Оп. 105. Д. 22. Л. 1–77.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39; Р. I. Оп. 13. Д. 12. Л. 133–140.

Высокая точность биологических рисунков художников АО ВКЭ, которую неоднократно отмечали Миллер, Гмелин и Стеллер, а многие исследователи оценивали как «фотографическую» или «копиистскую», обусловила тот факт, что они фиксировались в каталогах Кунсткамеры как отдельный экспонат и использовались в таком качестве натуралистами. Работы Беркана, Люрсениуса и Деккера послужили источниками для флористических описаний И. Аммана, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, а также первоосновой для создания гравюр, проиллюстрировавших научные труды названных ученых. Так, четырехтомная *Flora Sibirica* И. Г. Гмелина, по подсчетам Д. И. Литвинова, включает в себя 294 гравюры, сделанные с рисунков живописцев АО ВКЭ. Хотя эстампы значительно уступают оригиналам, это издание является одним из основных источников для восстановления ботанических рисунков, утраченных в результате пожара в Кунсткамере 5 декабря 1747 г., существенно сократившего иллюстративное и вещественное наследие АО ВКЭ [7, с. 3, 57–58].

Высокое качество естественно-научных изображений художников АО ВКЭ позволило натуралистам, работавшим в России начиная со второй половины XVIII в., в рамках общепринятой систематики К. Линнея идентифицировать виды растений, грибов, животных и минералов, описанных участниками ВКЭ в долиннеевских номенклатурах А. ван Ройена и Дж. Рея [18]. Кроме того, исследуемые рисунки привлекались в качестве наглядных образцов для ботанической типификации – наименования растений в бинарной (родо-видовой) номенклатуре и их первого описания (протолога) с определением свойств, характерных для таксона [12, с. 76–78]. Например, П. С. Паллас в 1784 г. при обнаружении законного бинарного наименования вида «береза даурская», осуществленном спустя почти сорок лет после его первого описания И. Г. Гмелиным, в качестве образца таксона использовал соответствующий рисунок И. Х. Беркана 1735 г.

Наряду с современными для путешественников видами животных художники отображали обнаруженные в ходе ВКЭ останки палеофауны, в частности нарисовали по окаменелостям вымерших головоногих моллюсков из подкласса аммонитов и отряда белемнитов [10, с. 196, 197].

В ходе ВКЭ способным художником-археологом зарекомендовал себя Люрсениус, приняв непосредственное участие в археологических раскопках и исследованиях под руководством Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина в Прииртыше и Приобье, на Алтае, в степях Минусинской котловины и в верховьях р. Лены. По заданиям профессоров Люрсениус выполнил зарисовки древних монументов и строений, а также многочисленных артефактов⁸, как обнаруженных участниками АО ВКЭ при раскопках, так и купленных ими у бугровщиков [11]. Исследователи, проводившие сравнение рисунков Люрсениуса с дошедшими до современности памятниками и находками, неоднократно подчеркивали, насколько искусно и достоверно их передал художник ВКЭ [3]. Так, академик А. П. Окладников, обследовав Шишкинские писани-

---

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39. № 46–60.

цы на побережье р. Лены в районе с. Качуг Иркутской области, отмечал реалистичность их отображения и детальность проработки Люрсениусом всех петроглифов на рисунке [14, с. 12–14].

Многие археологические находки сотрудников АО ВКЭ не сохранились до наших дней. Однако, как отмечают исследователи истории археологического изучения Сибири А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяков, благодаря обстоятельным иллюстративным материалам Люрсениуса утраченные артефакты вновь доступны специалистам, могут быть атрибутированы, отнесены к определенным периодам и культурам. Таким образом, резюмируют историки, археологические иллюстрации Люрсениуса являются ценными источниками по археологии Южной Сибири – от культур позднего неолита до культур раннего Нового времени [3].

И. Х. Берканом выполнено большинство рисунков из наследия АО ВКЭ, иллюстрирующих различные аспекты этнографии бурят, якутов, эвенков, ительменов, коряков и других народов Сибири. Эти изображения представляют собой реалистичные визуальные репрезентации, позволяющие судить об антропологических особенностях внешности, традиционном костюме, интерьере, экстерьере и архитектуре жилищ и бытовых строений, хозяйственных основах, аспектах материальной и духовной культуры названных этносов. Новизна этнографических рисунков Беркана в сравнении с такого рода работами предшественников состоит в том, что он детально отобразил бытовые сцены из жизни аборигенов: разведение огня в очаге, приготовление пищи, использование традиционных средств передвижения, мужские и женские занятия, шаманские камлания, различные обряды и т. д. [5, с. 146, 154; 6, с. 207–208; 8, с. 33]. Реалистичность и информативность работ Беркана позволяет интерпретировать их как научные этнографические иллюстрации, таковыми они послужили для знаменитых «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова [8, с. 31–34] и «Описания всех в Российском государстве обитающих народов...» И. Г. Георги [13, с. 16], и как самостоятельные источники по визуальному народоведению Сибири первой половины XVIII в., дополняющие сведения соответствующих описаний. Данные изображения наряду с научными трудами Г. Ф. Миллера, Г. В. Стеллера, С. П. Крашенинникова и других участников АО ВКЭ отражают становление этнографии как науки в России в изучаемый период. М. О. Косвен имел все основания назвать Беркана «первым русским художником-этнографом» [6, с. 210].

Комплексный анализ иллюстративного наследия АО ВКЭ показывает, что художниками академической группы по заданиям профессоров Миллера и Гмелина, адъюнкта Стеллера в течение экспедиции были осуществлены изображения по всем направлениям генеральных инструкций. Основная их часть выполнена Берканом и Люрсениусом, но и отдельные работы Деккера достойны внимания исследователей.

Научная достоверность, точность, наиболее высокая в изображениях природных объектов и памятников древности, информативность и детальная проработка большинства рисунков художников АО ВКЭ дают основание считать их одними из первых в российской истории предметных и дисципли-

нарных географических, ботанических, зоологических, геологических, этнографических, археологических научных иллюстраций, которые свидетельствуют о становлении названных дисциплин и развитии российской науки.

Рисунки Беркана, Люрсениуса и Деккера представляют собой реалистичные визуальные репрезентации географии, природы и населения Сибири в первой половине XVIII в., и их нужно привлекать вместе с научными трудами участников АО ВКЭ для изучения истории региона. Кроме того, эти рисунки являются памятниками живописи, поэтому их следует учитывать при исследовании исторической динамики российского изобразительного искусства. Отдельные работы художников выступают как иллюстративные «аналоги» или «живописные кунштюки» [15, с. 18] уникальных археологических артефактов, представителей флоры и фауны и являются ценными источниками для визуальных реконструкций музейных собраний, ныне утраченных [12–13].

Список литературы

1. *Алексеева М. А.* Собрание российских и сибирских городов. Серия гравюр XVIII в. // Сообщения Государственного русского музея. Л. : Искусство, 1964. Вып. 8. С. 65–75.
2. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М. ; Л. : Наука, 1965. 364 с.
3. *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Вклад Иоганна Вильгельма Люрсениуса в изучение древностей Южной Сибири // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект. СПб. : МАЭ РАН, 2002. Вып. 2. С. 12–18.
4. *Вишленкова Е. А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : НЛЮ, 2011. 384 с.
5. *Иванов В. Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск : Наука, 1991. 209 с.
6. *Косвен М. О.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 3. С. 167–212.
7. *Литвинов Д. И.* Библиография флоры Сибири. СПб. : Тип. Императорской АН, 1909. 458 с.
8. М. В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М. : РТСофт, 2011. 272 с.
9. *Мазур Л.* Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 160–178.
10. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской АН, 1895. Т. 8 : (1746–1747). 794 с.
11. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М. : Вост. лит., 2005. Т. 1. 630 с.
12. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб. : Европ. дом, 2003. Т. 1. 320 с.
13. «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб. : Европ. дом, 2004. Т. 2. 188 с.
14. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 145 с.
15. *Осминская Н. А.* Городские образы в европейском изобразительном искусстве XVII–XVIII вв. и их функция в коммуникативной среде // *Артикульт*. 2017. 28(4). С. 16–35. URL: <http://articult.rsuh.ru/articult-28-4-2017/articult-28-4-2017-osminskaya.php> (дата обращения: 05.08.2020).

16. Резун Д. Я., Элерт А. Х. Сибирские города как памятники истории и культуры XVIII в. (По материалам Второй Камчатской экспедиции) // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск : Наука, 1991. С. 5–25.

17. Стецкевич Е. С. Художники Академии наук и Кунсткамера в XVIII в. // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб. : МАЭ и Петерб. востоковедение, 1997. Вып. 11. С. 248–267.

18. Сытин А. К. Особенности русской ботанической иллюстрации первой половины XVIII века // Московский электронный ботанический журнал. URL: <http://herba.msu.ru/journalsplus/Herba/icones/syтин2.html> (дата обращения: 05.08.2020).

19. Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII – начала XIX в. М. : Центрполиграф, 2005. 492 с.

20. Черкашина А. С. Забытые рисовальщики Второй Камчатской экспедиции // Неизвестная Камчатка. 1998. № 1. С. 4–10.

21. Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733. Akademiegruppe. Halle : Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2004. 960 s.

22. Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha : Perthes, 1996. 347 s.

Sources on the History of Siberia in the First Half of 18th Century: Drawings of Artists of the Second Kamchatka Expedition

I. A. Shipilov

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article based on complex analysis of geographical, naturalistic (botanic, zoological, mineralogical), archaeological and ethnographic drawings performed by artists of the academic detachment of the Second Kamchatka expedition J. Ch. Berckhan, J. W. Lürsenius, J. C. Decker is shown importance of these works as subject-matter and disciplinary scientific illustrations representative of development the Russian science. It is revealed that the images of the named artists are realistic visual representations of the past of Siberia and should be used together with the scientific works of the participants of the Second Kamchatka Expedition to study the history of the region. The qualitative characteristics of naturalistic and archaeological drawings allow for the reconstruction of museum collections that have not preserved to this day. It is concluded that drawings of J. Ch. Berckhan, J. W. Lürsenius, J. C. Decker are picturesque memorial monuments of the Russian pictorial art, valuable sources on the history of exploration of Siberia and visual history of Russia in the modern period.

Keywords: history of exploration of Siberia, visual history of Russia, the Second Kamchatka expedition, academic detachment, support personnel, artists J. Ch. Berckhan, J. W. Lürsenius, J. C. Decker.

For citation: Shipilov I.A. Sources on the History of Siberia in the First Half of 18th Century: Drawings of Artists of the Second Kamchatka Expedition. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 73–82. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.73> (in Russian)

References

1. Alekseyeva M.A. Sobraniye rossiyskikh i sibirskikh gorodov. Seriya gravyr XVIII v. [“An Album of Russian and Siberian Cities”. Series of engravings of the XVIII century]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Transactions of the State Russian Museum], Leningrad, Iskusstvo Publ., 1964, vol. 8, pp. 65–75. (in Russian)

2. Andreev A.I. *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. Vyp. 2: XVIII vek (pervaya polovina)* [Outline of Source Studies of Siberia, vol. 2, XVIII century (the first half)]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 364 p. (in Russian)
3. Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Vklad Ioganna Vilgelma Lyurseniusa v izucheniye drevnostey Yuzhnoy Sibiri [The contribution of Johann Wilhelm Lürsenius to the study of the antiquities of Southern Siberia]. *Nemtsy v Sankt-Peterburge (XVIII–XX veka): biograficheskii aspekt* [Germans in St. Petersburg: The biographical aspect, the 18th–20th centuries]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., vol. 2, pp. 12–18. (in Russian)
4. Vishlenkova Ye.A. *Vizualnoye narodovedeniye imperii, ili “Uvidet russkogo dano ne kazhdomu”* [Visual ethnic studies of the Empire, or “Not everyone is able to see the Russian”]. Moscow, NLO Publ., 2011, 384 p. (in Russian)
5. Ivanov V.F. *Russkiye pismennyye istochniki po istorii Yakutii XVIII – nachala XIX v.* [Russian written sources by history of Yakutia in 18th – at the beginning of 19th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 209 p. (in Russian)
6. Kosven M.O. Etnograficheskie rezultaty Velikoy Severnoy ekspeditsii 1733–1743 gg. [Ethnographic results of the Great Northern Expedition 1733–1743]. *Sibirskiy etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, Acad. Science of USSR Publ., 1961, vol. 3, pp. 166–212. (in Russian)
7. Litvinov D. I. Bibliografiya flory Sibiri [Bibliography of the flora of Siberia]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Printing house, 1909, 458 p. (in Russian)
8. *M.V. Lomonosov i akademicheskiye ekspeditsii XVIII veka* [M.V. Lomonosov and the Academic expeditions of 18th century]. Moscow, “RTSoft” Publ., 2011, 272 p. (in Russian)
9. Mazur L. Vizualizatsiya istorii: novyy povorot v razvitii istoricheskogo poznaniya [The Visualization of History: A New Turn in the Development of Historical Cognition]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 3, pp. 160–178. (in Russian)
10. *Materialy dlya istorii Imperatorskoy Akademii Nauk* [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Printing house, 1895, vol. 8, 635 p. (in Russian)
11. Müller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2005, vol. 1, 630 p. (in Russian)
12. “Narisovannyi muzey” Peterburgskoy Akademii nauk, 1725–1760 [“Painted Museum” of the St. Petersburg Academy of Sciences, 1725–1760]. St. Petersburg, Yevropeyskiy dom Publ., 2003, vol. 1, 320 p. (in Russian)
13. «Narisovannyi muzey» Peterburgskoy Akademii nauk, 1725–1760 [“Painted Museum” of the St. Petersburg Academy of Sciences, 1725–1760]. St. Petersburg, Yevropeyskiy dom Publ., 2004, vol. 2, 188 p. (in Russian)
14. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. *Lenskiye pisanitsy: Naskalnyye risunki u derevni Shishkino*. [Lena writings: Rock paintings near the village of Shishkino]. Moscow, Leningrad, Acad. Science of USSR, 1959, 145 p. (in Russian)
15. Osminskaya N.A. Gorodskiye obrazy v yevropeyskom izobrazitelnom iskusstve XVII–XVIII vv. i ikh funktsiya v kommunikativnoy srede [City Images in the European Art of XVII–XVIII centuries and their Function in the Medium of Communication]. *Articult*, 2017, no. 28 (4), pp. 16–35. Available at: <http://articult.rsuh.ru/articult-28-4-2017/articult-28-4-2017-osminskaya.php> (date of access: 05.08.2020). (in Russian)
16. Rezun D.Ya., Elert A.Kh. Sibirskiy goroda kak pamyatniki istorii i kultury XVIII veka. (Po materialam Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii) [Siberian cities as monuments of history and culture of the 18th century. (Based on materials of the Second Kamchatka expedition)]. *Pamyatniki istorii, kultury i gradostroitelstva Sibiri* [Monuments of history, culture and urbanism of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, pp. 5–25. (in Russian)
17. Stetskevich Ye.S. Khudozhniki Akademii nauk i Kunstkamera v XVIII veke [Artists of Academy of Sciences and Cabinet of curiosities in XVIII century]. *Kunstkamera. Etnograficheskiye tetradi* [The Kunstkamera. Ethnographic notebooks], St. Petersburg, MAE and St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 1997, vol. 11, pp. 248–267. (in Russian)

18. Sytin A. K. Osobennosti russkoy botanicheskoy illyustratsii pervoy poloviny XVIII veka [Special aspects of Russian Botanical Illustration of the first half of 18th century]. *Moskovskiy elektronnyy botanicheskiy zhurnal* [The Moscow Electronic Botanical Journal]. Available at: <http://herba.msu.ru/journalsplus/Herba/icones/sytin2.html> (date of access: 05.08.2020) (in Russian)

19. Fedorov-Davydov A.A. *Russkiy peyzazh XVIII – nachala XX veka* [Russian landscape of the 18th – early 20th century]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005, 492 p. (in Russian)

20. Cherkashina A. S. Zabytye risovalshchiki Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii [Forgotten draftsmen of the Second Kamchatka expedition]. *Neizvestnaya Kamchatka* [Unknown Kamchatka], 1998, no. 1, pp. 4-10. (in Russian)

21. *Documents on the Second Kamchatka Expedition. 1730-1733. Study group of the Academy*. Halle, Franckeschen Stiftungen Publ., 2004, 960 p. (in German)

22. Hintzsche W., Nickol T. *The Great Northern Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709-1746) – a Lutheran Explores Siberia and Alaska*. Gotha, Perthes Publ., 1996, 347 p. (in German)

Шипилов Илья Александрович
младший научный сотрудник, сектор
археографии и источниковедения
Институт истории СО РАН
Россия, 630090, г. Новосибирск,
ул. Николаева, 8
e-mail: shipilof@yandex.ru

Shipilov Ilya Aleksandrovich
Junior Researcher, Sector
of Archeography and Source Studies
Institute of History SB RAS
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090,
Russian Federation
e-mail: shipilof@yandex.ru

УДК 94: 351.74 (571.54)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83>

Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области)

Р. А. Евтехов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Анализируются основные сведения о городничих г. Верхнеудинска, извлеченные из не опубликованных ранее формулярных списков. Предпринимается попытка составить собирательный портрет городничих Верхнеудинска на основе данных формулярных списков. С применением микроисторического и антропологического методов исследования детально проанализированы собственно формулярные списки городничих Верхнеудинска и приведенные в них сведения. Делается вывод о наличии определенной специфики в политике комплектования руководства городской полиции на восточных окраинах Российской империи.

Ключевые слова: формулярный список, послужной список, городничий, городская полиция, Верхнеудинск, чиновничество, бюрократический аппарат, кадровая политика Российской империи.

Для цитирования: Евтехов Р. А. Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 83–90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83>

Введение. Забайкальский регион XIX в. являлся своеобразным плацдармом движения Российской империи на восточные территории, в частности во Внутреннюю Азию. Подтверждает это наблюдение факт существования особого административного управления – военного губернаторства и Кяхтинского градоначальства, что предполагало ведение специфической кадровой политики.

Многие советские историки (Н. П. Ерошкин, В. Г. Чернуха, П. А. Зайончковский, Р. С. Мулукаев и др.) относили управленческие кадры к высшему сословию империи, называя его «эксплуататорским», хотя далеко не все управленцы были выходцами из дворян. В то же время нельзя не отметить положительную роль местных управленческих кадров в становлении и развитии особой городской среды Российской империи. На сегодняшний день личности забайкальских градоначальников еще не становились предметом исследований.

Поэтому предпринимается попытка составить наиболее общий, типовой портрет городничего Верхнеудинска на основе данных формулярных списков. Необходимо оговориться, что большинство сведений публикуются впервые и не являются исчерпывающими. Хронологические рамки работы ограничены 1800–1864 гг., географические – г. Верхнеудинском, который до 1851 г. относился к Иркутской губернии, а после – к Забайкальской области.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности, предполагающие изучение каждого явления в конкретных исторических реалиях. Использован микроисторический метод, с помощью которого осуществляется многостороннее рассмотрение объекта изучения; уменьшение масштаба исследования, на наш взгляд, приближает к изучаемому объекту и дает возможность увидеть отдельные сюжеты, которые раскрывают все многообразие исторического прошлого, определить причины общих и отличных прецедентов на территории всего государства. Использован антропологический метод, позволяющий выявлять личностную роль человека в событиях, значение устойчивых черт интеллекта, психики, национального характера, т. е. качеств человека как биосоциального существа.

Результаты исследования. Верхнеудинск выделяется из других забайкальских городов XIX в. как один из самых крупных и развитых [9, с. 86]. Появление в нем института градоначальников можно отнести ко времени создания комендантской канцелярии и назначения первого коменданта И. С. Мертвцова в 1765 г. Городничье правление в полной мере начало осуществлять свою деятельность только с 1784 г., после упразднения Удинской провинциальной канцелярии. Должность военного коменданта, существовавшая в городе до введения городничего правления, была официально дополнена гражданскими функциями, хотя и прежде коменданту приходилось исполнять гражданские функции, но в качестве чрезвычайных. С 1800 г. для управления городом назначались городничие, вплоть до 1867 г., когда реформой полиции в Сибири эта должность была упразднена повсеместно.

Городничий – должность административно-полицейского начальника уездного города, распространившаяся повсеместно Учреждением для управления губерний 1775 г. Должность городничего была эквивалентна должности коменданта, но первый подчинялся гражданскому, а второй военному ведомству. Функции городничего заключались в охране общественного порядка и контроле за соблюдением мер пожарной безопасности, за исполнением законов, обязательных постановлений и приведением в действие решений суда. Городничие и подчиненный им полицейский аппарат (состоящий из частного пристава, квартальных надзирателей, канцелярии, десятников и пр.) выполняли, кроме полицейских, многочисленные административно-распорядительные и контролирующие функции во вверенных им городах.

Основным, наиболее достоверным источником сведений о личностях городничих становятся формулярные списки (послужные списки). Начиная с середины XVIII в. эти документы являлись формой учета всех служащих империи [3, с. 36]. Иногда это единственные исторические источники, кото-

рые позволяют получить информацию и биографию управленческих кадров. Формулярные списки как исторический источник отличаются высоким уровнем достоверности, что подтверждено специальным анализом [6, с. 37–38]. Систематическое ведение и отсылка формулярных списков вышестоящему начальству приняты в 1764 г., именно с этого времени начинается отчет пенсионного обеспечения государственных служащих [2, с. 37]. Правительство считало достаточно важным упорядоченное составление формуляров, о чем говорят многочисленные предписания, которые имели скорее напоминательный характер. Формулярные списки городничих, полицмейстеров, уездных начальников, окружных исправников составлялись с наибольшим числом подробностей, аналогичные документы на канцелярских служащих и квартальных надзирателей были гораздо лаконичнее.

Нами были изучены формулярные списки городничих г. Верхнеудинска, состоящие на хранении в ГАРБ (г. Улан-Удэ)¹ и ГАЗК (г. Чита)². В сравнительном анализе мы опираемся на сведения Е. А. Детининой [3, с. 36]. Следует отметить, что материалы, ею приведенные, хронологически однородны, представленный нами список относится ко всей первой половине XIX в.

Обсуждение результатов. Формулярный список представляет собой многостраничную таблицу, состоящую из 15 пунктов: 1) чин, Ф. И. О., лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание; 2) происхождение, социальный слой; 3–6) наличие недвижимой собственности – приобретенной, родительской или принадлежащей супруге; 7–9) основные сведения об образовании, указание о том, где, когда (в какой год, числа и месяца) и в каком звании вступил в службу, как далее развивался карьерный рост; 10) являлся ли участником походов, сражений, когда и где; 11) был ли в штрафах, под судом и следствием и каковы итоги; 12) способен ли и достоин ли повышения чина – в этой графе аттестацию (способен, не способен или малоспособен) проводил непосредственный начальник чиновника; 13) был ли в отпусках и просрочках; 14) был ли в отставках, какое время и по какой причине; 15) семейное положение, сведения о супруге и детях. Число пунктов и необходимые подробности несколько видоизменялись с течением времени, приведенные нами пункты соответствуют формулярам середины XIX в. Формулярный список содержал основные сведения о чиновнике с перечислением деловых, личностных и моральных качеств [1, с. 261], позволявших делать вывод о целесообразности его повышения.

Согласно этим материалам назначение на должность городничего производилось по достижении кандидатом уже значительного возраста, когда был накоплен управленческий опыт. Чаще всего городничим к моменту назначения было от 47 до 54 лет. Данные об уездных городничих европейской части империи [5, с. 38] свидетельствуют о более ранних назначениях – 37–47 лет. Самым пожилым на должность верхнеудинского городничего

¹ Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 11. Оп. 4. Д. 345; Оп. 6. Д. 326; Оп. 7. Д. 85; Оп. 9. Д. 1, 27, 31, 32а, 157, 160, 321.

² Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1общ. Оп. 1. Д. 239, 5957.

стал И. А. Сеннов, назначенный в возрасте 60 лет, а самым молодым – Ф. В. Куркин (36 лет). С другой стороны, городничему Г. С. Юдину, занимавшему должность верхнеудинского городничего в течение двадцати лет, ко времени отставки было уже около 70 лет.

Городничие не только крупных, но и уездных городов традиционно имели потомственное дворянское происхождение [3, с. 38; 4; 5, с. 602]. Формулярные списки городничих Верхнеудинска указывают на специфику комплектования полицейских чинов Забайкальского региона. Из известных нам девяти верхнеудинских городничих потомственное дворянское происхождение имел только один. Происхождение остальных было преимущественно военно-служилым (обер-офицерские (3), старшинский (1), солдатский (1), казачий (1) сыновья). Обер-офицерское звание получали не только военные, но и гражданские служащие. Вообще, обер-офицерские дети – это рожденные до получения их отцами (недворянами) потомственного дворянского достоинства. Закрытость дворянского сословия была нарушена еще Петром I, который ввел возможность рожденным в иных сословиях дослужиться до обер-офицерского звания, что по законам Российской империи позволяло им получить личное дворянство. В некоторых случаях они могли передавать дворянское достоинство сыновьям. Старшинский сын происходил из потомственного казачьего сословия, однако само звание старшины в XVIII в. не давало прав дворянства [8, с. 70]. Старшины – это представители выделившейся из казачьего общества верхушки. Указание в графе «Происхождение» у одного из городничих, К. Д. Ильина, – «сын городского секретаря» весьма примечательно. Отсутствие единообразия в указании на происхождение говорит о желании составителей наиболее точно передать социальный статус родителя [6, с. 32–34], его строго требовало законодательство. Происхождение большинства городничих из военно-служилого сословия объясняется спецификой градообразования Забайкальского региона, где города вырастали из военно-оборонительных пунктов. Круг управленцев (военных и дворян) был достаточно закрытым, в него почти не попадали выходцы из других сословий, лишь один был представителем городского общества – купеческим сыном. Таким образом, многие городничие не только не являлись потомственными дворянами, но даже не все происходили из обер-офицерских семей. Это подтверждает известный тезис о возможности быстрого продвижения по службе на задворках империи.

Довольно пестрым был также состав чинов и званий городничих на момент назначения. К назначению на должность большинство (6 из 9) уже имели опыт службы в должности городничих, комендантов или земских исправников. Городничие И. Д. Татаринов и А. Г. Элин определялись «к правке дел при городничем правлении», т. е. временно, поэтому известно, что первый был в звании капитана, второй – майора. Г. С. Юдин состоял в звании подполковника, чин надворного советника он получил позднее, оставаясь в должности. Двое других городничих были надворными советниками, четверо – титулярными советниками и один – коллежским ассессором. К окончанию срока своих полномочий большинство имели чин надворных

советников. Примечательно, что получившие этот чин сразу же обретали потомственное дворянство, а после 1856 г. – только личное.

Интересен вопрос об имущественном положении городничих. Из имеющихся сведений о материальном положении семи городничих было выявлено, что только один – Г. С. Юдин, занимавший должность в течение двадцати лет, владел в городе собственным домом. У К. Д. Ильина был деревянный дом в Иркутске, принадлежавший его умершей жене. Городничий Юдин также оказался самым крупным «душевладельцем»: у него было четверо дворовых и один у жены. Еще у двоих городничих были свои дворовые, но их число было незначительным. Эта картина не слишком изменилась с XVIII в.: у коменданта Верхнеудинска секунд-майора И. А. Аппелгрейна ко времени его смерти было как минимум двое дворовых, которые получили вольную по его завещанию. Таким образом, городничие Верхнеудинска не располагали каким-либо существенным имуществом, несмотря на их явно привилегированное положение. Эти данные вполне соотносятся со сведениями о городничих западных областей.

Большинство городничих были женаты (6 из 9), один не был женат вообще (нет указаний на то, что он был вдовцом, поэтому можно предположить, что он оставался холост), еще двое были вдовцами. В их семьях было мало детей (в основном один-два ребенка), что не соотносится с семейственностью западнорусских «коллег», в семьях которых было по пять – семь детей. Двое из шести женатых городничих не имели детей совсем. Не исключено, что нестабильное экономическое положение было причиной малочисленности семей, хотя могли быть и другие причины: более низкий уровень медицины и суровые климатические условия. Женами городничих чаще всего были дочери военных или чиновников, и, как правило, значительно младше своих мужей.

Незначительное число городничих (2 из 9) были участниками русско-шведской 1808–1809 г. и Отечественной 1812 г. войн, в то время как действующие городничие европейской части России в большинстве были офицерами и имели серьезные боевые ранения. Городничий И. А. Сеннов не был участником заграничных походов, но участвовал в подавлении Пугачевского бунта.

Любопытен также вопрос о наградах, которые были пожалованы городничим. Большая любовь к наградам, в особенности к орденам, в Российской империи была обусловлена многими факторами, в том числе надбавкой, прилагающейся к пенсии. Пятеро городничих Верхнеудинска из девяти на момент назначения уже имели ордена. В основном эти ордена занимали достаточно низкие позиции в наградной иерархии Российской империи и были рассчитаны на чиновников, отличившихся в «беспорочной службе», но некоторые из них полагались и за боевые заслуги.

Губернское управление, несмотря на «кадровый голод», стандартный для окраинных территорий, все же старалось не определять к высшим управленческим должностям людей, ранее судимых. Только один из городничих, П. Е. Решетников, на момент назначения был судим, притом неодно-

кратно. Отчасти в этом был повинен сложный характер городничего, о чем свидетельствует большинство дел, касавшихся его взаимоотношений с различными чиновниками. Прочие недостатки по его службе состояли, например, в оставлении дела без производства и принятии безосновательного доноса. В конце концов Решетников, переведенный в должность городничего Троицкосавска, отставлен от должности из-за недосмотра за порядком добычи глины, что привело к гибели крестьянки.

Как и на всех прочих чиновников, на городничих могли и поступали жалобы и анонимные письма. Так, на городничего П. А. Измайлова и частного пристава при нем Икингина во время деятельности комиссии Сперанского по выяснению злоупотреблений чиновников поступали жалобы, но при их рассмотрении ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано [7, с. 139]. Правда, комиссией рассматривались жалобы, поступившие в 1819 г., и к моменту подачи на рассмотрение императору положения и получения его резолюции в 1822 г. Измайлов уже был отставлен от должности городничего, после чего уже не выдвигался к службе.

Заключение. Таким образом, формулярные списки представляют собой важный исторический источник с большим информационным потенциалом, содержащий существенные социальные сведения о чиновниках. Кроме того, информация, извлеченная из формуляров, позволяет приблизиться к пониманию повседневной жизнедеятельности общества Российской империи. Этот тип источников является одним из самых достоверных, что подтверждается специальными исследованиями как советских, так и современных исследователей.

Исходя из полученных сведений, нами составлен портрет типичного чиновника, назначенного на должность верхнеудинского городничего: это мужчина в зрелом возрасте (обычно от 47 до 54 лет), прошедший многочисленные переназначения по службе и скопивший значительный опыт. Как правило, он делал военную карьеру, иногда непосредственно принимал участие в боевых действиях. Происходивший по большей части из военно-служилого сословия, такой чиновник успевал дослужиться до чина надворного советника, позволявшего получить дворянские привилегии. Несмотря на это, он не владел большим числом дворовых и, как правило, не имел недвижимой собственности, а поэтому жил лишь на положенное им от государства жалованье. Как правило, он был женат, но имел мало детей. Городничие были редко замечены в каких-либо нарушениях закона, однако отмечались и такие случаи. Очевидно, что управленческие таланты этих чиновников и какие-либо другие качества в этом смысле были превалирующими для сохранения их на службе. Таким образом, собирательный портрет полицейского чиновника – городничего окраины Российской империи имеет определенные отличия от образа западноевропейского коллеги, что свидетельствует об ином характере комплектования кадрами Сибирского управленческого аппарата.

Список литературы

1. Вакилев Т. Р. Формулярные списки в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 258–261.
2. Гусаков Д. Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. СПб., 2015. 161 с.
3. Детинина Е. А. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 62. № 2 (357). С. 36–41.
4. Дятлов В. А. Особенности социального положения чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 601–604.
5. Дятлов В. А. Происхождение и образование как факторы социальной мобильности провинциального чиновничества Российской империи в первой половине XIX века (на примере Пензенской и Саратовской губерний) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 605–608.
6. Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 30–39.
7. Материалы по ревизии Сперанского // Сибирский архив. 1915. № 3. С. 123–152.
8. Мельников А. С. Институт дворянства в области войска Донского: становление, основные этапы развития // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 6. С. 70–73.
9. Паликова Т. В. Юго-Западное Забайкалье XIX – начала XX в. в условиях трансграничья // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 86–90

Formular Lists as a Source for the Study of the Social Portrait of Mayor First Half of the 19th Century (on the Example of the City of Verkhneudinsk, Transbaikal Region)

R. A. Evtekhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the basic information about the governors of the city of Verkhneudinsk, extracted from previously unpublished formular lists. The purpose of the article is to clarify the most general, characteristic portrait of individuals appointed to the position of mayor of Verkhneudinsk based on the use of formular lists. The work used micro-historical and anthropological research methods. The formal lists of the governors of Verkhneudinsk and the data given in them are analyzed in detail. The information revealed by the author was compared with the data of the western regions of the Russian Empire, on the basis of which conclusions were drawn about the presence of a certain specificity in the policy of recruiting the leadership of the city police on the eastern outskirts of the Russian Empire.

Keywords: Formularly list; achievement list; mayor; city police; Verkhneudinsk; bureaucracy; bureaucratic apparatus; personnel policy of the Russian Empire.

For citation: Evtekhov R.A. Formular Lists as a Source for the Study of the Social Portrait of Mayor First Half of the 19th Century (on the Example of the City of Verkhneudinsk, Transbaikal Region). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 83-90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.83> (in Russian)

References

1. Vakilev T.R. Formulyarnye spiski v epokhu Nikolaya I i ikh znachenie v mekhanizme gosudarstvennogo upravleniya [Formular lists in the era of Nicholas I and their significance in the mechanism of public administration] *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 2, pp. 258-261. (in Russian)
2. Gusakov D.B. *Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespecheniya i sotsial'nogo strakhovaniya v Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoi aspekt* [Genesis of state pension provision and social insurance in the Russian Empire: historical and legal aspect]. St. Petersburg, St. Petersburg Publ., 2015, 161 p. (in Russian)
3. Detinina E.A. Portret uездnogo gorodnicheskogo Orenburgskoi gubernii (po formulyarnym spiskam 1845 goda) [Portrait of the county governor of the Orenburg province (according to the formular lists of 1845)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, vol. 62, no. 2 (357), pp. 36-41. (in Russian)
4. Dyatlov V.A. Osobennosti sotsial'nogo polozheniya chinovnichestva rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka (na primere Penzenskoi i Saratovskoi gubernii) [Features of the social position of the bureaucracy of the Russian empire in the first half of the XIX century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. *Izvestiya penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of the Penza State University im. V.G. Belinsky], 2012, no. 27, pp. 601-604. (in Russian)
5. Dyatlov V.A. Proiskhozhdenie i obrazovanie kak faktory sotsial'noi mobil'nosti provintsial'nogo chinovnichestva Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka (na primere Penzenskoi i Saratovskoi gubernii) [Origin and education as factors of social mobility of the provincial bureaucracy of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century (on the example of the Penza and Saratov provinces)]. *Izvestiya penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of the Penza State University im. V.G. Belinsky], 2012, no. 27, pp. 605-608. (in Russian)
6. Ivanov V.A. O dostovernosti svedenii formulyarnykh spiskov sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XVIII — nachalo XX v. [On the reliability of information in the formulary lists of employees of local state institutions of the Russian Empire. Second half of the 18th – early 20th century]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist], 2012, no. 4 (120), pp. 30-39. (in Russian)
7. Materialy po revizii Speranskogo [Materials on the revision of Speransky]. *Sibirskii arkhiv* [Siberian Archive], 1915, no. 3, pp. 123-152. (in Russian)
8. Melnikov A. S. Institut dvoryanstva v oblasti voiska Donskogo: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya [Institute of nobility in the field of the Don army: formation, the main stages of development]. *Yurist-Pravoved* [Lawyer – Pravoved], 2010, no. 6, pp. 70-73. (in Russian)
9. Palikova T. V. Yugo-Zapadnoe Zabaikal'e XIX – nachala XX v. v usloviyakh transgranich'ya [Southwestern Transbaikalia of the 19th – early 20th centuries. in transboundary conditions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015, vol. 7, pp. 86-90. (in Russian)

Евтехов Роман Артурович

кандидат исторических наук,
научный сотрудник, кафедра истории и
теории политики, факультет политологии
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский
просп., 27
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Evtekhov Roman Arturovich

Candidate of Sciences (History), Researcher,
Department of History and Theory
of Politics, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University
27, Lomonosovsky av., Moscow, 119991,
Russian Federation
e-mail: lib-lab-scan@mail.ru

УДК 930(571.54)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.91>

Материалы Идинской степной думы в фондах Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Т. Е. Санжиева

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Представлено содержание фонда Идинской степной думы, хранящегося в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Также дано описание личного архива главного тайши Идинской степной думы И. И. Пирожкова, обнаруженного Г. Н. Румянцевым в фондах указанного музея и опубликованное. Впоследствии фонд был передан на постоянное хранение в Государственный архив Республики Бурятия.

Ключевые слова: Идинская степная дума, материалы делопроизводства, Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова.

Для цитирования: Дамешек Л. М., Санжиева Т. Е. Материалы Идинской степной думы в фондах Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 91–99. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.91>

Богатый материал по хозяйственной и общественной жизни бурят XIX в. дают фонды степных дум, созданные в соответствии с Уставом об управлении инородцев Сибири 1822 г. Государственно-правовое регулирование хозяйственной жизни нерусского населения было направлено на сохранение их родовых угодий, а организация родового управления несколько ослабила контроль и опеку со стороны государства.

Среди 18 степных дум в Сибири 12 были бурятскими. Степные думы, подобно городским думам, выполняли преимущественно хозяйственные функции: 1) «народоисчисление» (составление статистических сведений о количестве населения и его хозяйстве); 2) раскладка сборов внутри ведомства; 3) учет всех сумм и общественного имущества; 4) «распространение земледелия и народной промышленности»; 5) «ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей»; 6) исполнение его предписаний. В дальнейшем в круг обязанностей степных дум вошли суд и управление [6, с. 197]. Создание степных дум в Предбайкалье происходило в 1824 г. с изданием Указа Иркутского губернского управления [4, с. 28]. Материалы 11 степных дум хранятся в Государственном архиве Республики Бурятия, двенадцатой (Идинской степной думы), как считал Е. М. Залкинд, сгорели в пожаре [1, с. 37]. Однако часть документов хранится в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и Государственном архиве Иркутской области.

Целью публикации является приведение в известность документов Идинской степной конторы/думы. Материалы Идинской степной думы полностью не сохранились, так как погибли во время Гражданской войны при пожаре резиденции думы в улусе Бильчир Идинского ведомства Иркутской губернии в 1921 г. (сожжена бандой Донского). В 1922 г. сгорело здание Боханского волостного исполкома – и с ним весь архив позднего периода. Документы Идинской степной думы считались утраченными. Материалы, хранящиеся в музее, были переданы в 1941 г. директору Бурят-Монгольского республиканского краеведческого музея Д. Г. Бажееву учителем Орлоксской школы Боханского района Иркутской области А. И. Балдунниковым, который взял необходимые для него документы (земельная тяжба между улусами Орлок и Матаган). Таким образом, они благодаря случаю дошли до нас [5, с. 57, 58]. Данная статья подготовлена по фонду, хранящемуся в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, и источнику личного происхождения – архиву кандидата исторических наук Д. Г. Бажеева, т. е. описанию им материалов Идинской степной думы, принятых музеем¹.

Д. Г. Бажеев сделал описание 12 дел: 5, 24, 25, 26, 27, 38, 46, 47, 49, 50, 55 и 82 на 2257 листах. Такую нумерацию произвели сотрудники музея при приеме материалов делопроизводства Идинской степной думы на хранение, ими же были пронумерованы страницы. Сохранившиеся документы делопроизводства Идинской степной думы включают ведомости о численности населения, половом составе, площади засеянной земли, приказы вышестоящих административных органов, отчеты, рапорты и т. д. Хозяйственная организация в ведомстве была основана на родовом принципе. «Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири», – пишет Л. М. Дамешек, что подтверждается материалами Идинской степной думы [2, с. 202].

Идинская степная дума находилась в Балаганском округе Иркутской губернии, открытая в 1824 г., она стала правопреемницей Идинской степной конторы, созданной по Уложению 1767 г. Екатерины II. В ее юрисдикцию входила территория, населенная бурятами 29 родов в Идинской и Осинской долинах, и по правому берегу Ангары – молькинскими бурятами (совр. Боханский, Осинский районы и частично Усть-Удинский район). По Уставу 1822 г. появились новые термины, на административном языке предбайкальских бурят род стал называться «холбоон» («соединение, связь, связка»). Об Идинском ведомстве говорили: «Идинсхейн хорин юэн холбоон» («Идинские двадцать девять родов») [5, с. 57]. Управление в Идинском ве-

---

¹ Бажеев Даниил Гаврилович (1907–1981), уроженец пос. Бохан, работал учителем Хохорской школы Боханского аймака, оттуда был направлен в аспирантуру Института национальностей СССР в г. Москву, работал экскурсоводом в Музее революции СССР, по приглашению Бурят-Монгольского ОК ВКП(б) работал в Историко-революционном музее БМАССР, затем стал его директором. Участник Великой Отечественной войны, гвардии лейтенант, после войны вновь становится директором Республиканского краеведческого музея, доцент Бурятского сельскохозяйственного института, старший научный сотрудник Института общественных наук БФ СО АН СССР. Архив Д. Г. Бажеева хранится у его внучки – автора статьи.

домстве было двухступенчатым – «Степная дума – родовое управление», что являлось нарушением ст. 114 Устава об управлении инородцев [3, с. 279]. Не известно, почему инородная управа не была упреждена здесь. В 1887 г. Идинская степная дума была закрыта из-за тяжбы за тайшинское место. Вместо нее были созданы пять инородных управ.

В степных конторах родоначальники назывались шуленгами, с 1787 г. шуленги были переименованы в тайшей. В фонде Идинской степной думы хранятся документы от 1787 г., в них Иркутский нижний земский суд дает предписание *тайше* Идинского рода Хабаю Улзееву, тогда как в документах от 1791 г. Хабай Улзеев указан как *главный тайша*². Во главе Степной думы стоял главный тайша, власть которого была безраздельной. «Решение главного тайши считалось окончательным, и если кто осмеливался обжаловать это решение перед русским начальством, то это считалось величайшим преступлением и небывалым случаем», – писал М. Н. Хангалов [4, с. 91]. Хабай Улзеев – главный тайша Идинской степной конторы – стал первым главным тайшой Идинской степной думы. В записях Д. Г. Бажеева указаны родоначальники бурят Идинского ведомства.

Идинская степная контора:

Малан Сосой (Усть-Оса) – шуленга;

Хутарман Муумаев (середина XVIII в.);

Шушур Хутарманов (сын Хутармана);

Халбай Улзеев.

В 1800–1823 гг. главный тайша Идинской степной конторы – Портас Чечюрин (сын Шушура).

Идинская степная дума:

1823 г. – Хабай Улзеев (Карминский улус 1-го Готолова рода);

Улзэй Хабаев (сын Хабая Улзеева);

Алексей Хабаев (сын Хабая Улзеева);

Убэй Хабаев (сын Алексея);

1827 – 26.11.1830 г. Модой Болотов (41 год, сын Убэя);

17 декабря 1830 г. – Шолон Протасов (30 лет);

1835–1838 г. – Олзой Халбаев;

1838–1850 г. – Халбай Бахеев – И. М. Пирожков (1775 г. р.);

1850–1857 г. – Мантак Амагаев;

1857–1872 гг. – Илья Иннокентьевич Пирожков (сын И. М. Пирожкова);

1872 г. – Иннокентий Амагаев (сын Мантака Амагаева)

1872–1884 гг. – Илья Иннокентьевич Пирожков;

1884–1885 г. – Иннокентий Пирожков;

1885–1887 г. – временный управляющий Идинской степной думы Иннокентий Ильич Тресков;

1887 г. – приказом губернатора Игнатьева Идинская степная дума закрыта [4, с. 65–66].

---

² Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. ОФ 17940(4). Л. 139.

В фонде Идинской степной думы содержатся материалы, относящиеся к концу XVIII и началу XIX в., т. е. в нее вошли также материалы делопроизводства Идинской степной конторы. Ниже приводится перечень дел.

Дело № 5 на 14 листах относится к 1860 г.³ Дело начинается с предписания заседателя Карчуганова от 10 декабря 1859 г. подобрать двух мальчиков для обучения в Казанской учебной ферме.

Дело № 24 состоит из 399 листов, относится к 1855 г. Титульный лист отсутствует, дело начинается с 1-й страницы и завершается 644-й. Сохранность дела удовлетворительная, не хватает многих листов, последние четыре страницы не поддаются прочтению. В дело вошли общественные приговоры, переписка Идинской степной думы, ведомости о количестве хлебных запасов в экономических магазинах по годам, количестве десятин, засеянных хлебом, по годам и т. д.

В дело № 25 входит 389 листов⁴. Титульного листа нет, дело начинается с 93-й страницы, завершается 365-й. Материалы относятся к 1814 г., когда тайшой Идинского ведомства был Портас Чечюрин. В дело вошло прошение об освобождении от караульной повинности идинских бурят: «...по известному оному правительству порядку существующему с 1728 г. все караулы, учрежденные между крепостями по китайской границе, содержатся русскими казаками с тунгузскими и братскими казаками или ясашными для благонадежности бывшей в наблюдении. За спокойствием учреждена впоследствии времени особая команда и полки из тунгусов и братских которых обязаны нести пограничную службу с русскими казаками из караулов по всей границе, а именно: Харацайской, Дистанции 6, Цешенской, Хамсиской, Сакирской, Шаразаргинской, Ключевской, Имондокульской и Тункинской дистанции 4, Тункинской, Хангинской, Норинхорайской и Онинской была всегда и остается по ныне причиною без пристанных просьб со стороны ясашных братских о облегчении тягостнейшей для них повинности. Содержать сии караулы первоначально до 1785 г. обязаны были одни тункинские ясашные братские, с 1775 г. приписано губернским начальством в пособие к тункинским направлять аларских, китойских, балаганских и идинских братских. Чрезвычайная отдаленность от сих родов первых шести караулов Харацайской дистанции и непомерные издержки на содержание оных была причиною, что в 1800 г. содержание сих 6 караулов возложено на живущих поблизости братских казаков Сартолова рода с их добровольного согласия». 21 октября 1813 г. прошение было удовлетворено. На листе 74 сохранилась относительно четкая печать главного тайши, на которой выгравировано «Портас Чечюрин». Печать подтверждает рапорт тайши «... действительному статскому советнику Иркутскому гражданскому губернатору и кавалеру Николаю Ивановичу»⁵. П. Чечюрин благодарит за освобождение от несения

³ Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. ОФ 17940(6).

⁴ Там же. ОФ 17940(7).

⁵ Там же. Л. 3.

караульной службы бурят Идинского ведомства и сообщает о единовременном пожертвовании на несение караульной службы 3500 руб.⁶

Дело № 26 начинается с 94-го листа, завешается 574-м, всего в деле 408 листов. В дело вошли указы Иркутского земского суда идинскому главному тайше Портасу Чечюрину, отписки о выполнении указаний вышестоящих чиновников, а также переписка внутри ведомства между главным тайшой и шуленгами за 1814 г. Сохранность хорошая.

В дело № 27 на 14 листах вошло «Дело о братских Идинского ведомства Аксане Мунхтамееве и Бадане Хабиташкине содержавшихся в Баданской тюрьме», начинается с 2 декабря 1830 г. Сохранность хорошая, за исключением 1-го листа. В деле также содержится ведомость Идинской степной думы, которая приводится в следующей таблице [5, с. 63–64].

Таблица

Ведомость Идинской степной думы о числе душ и десятин земли, засеянных яровым хлебом, в 1831 г.

Род	Муж.	Жен.	Десятин земли в 1830 г.	Под ярицей	Под пшеницей	Под овсом	Итого
Готольский	1638	1650	1513	1059	238	224	1521
Шаралдаевский	637	578	579	374	86	97	557
Янгутский	470	440	456	272	102	87	462
1-й Онгоев	382	407	441	226	15	63	305
2-й Онгоев	725	690	747	399	114	148	662
Ирхидеев	552	512	454	282	104	87	473
Онхотовский	376	347	430	187	53	86	327
1-й Бараев	311	267	314	202	44	570	316
2-й Бараев	325	278	320	199	43	70	300
1-й Ноетский	282	220	252	234	41	26	304
2-й Ноетский	167	169	190	108	27	40	176
Халтубаевский	544	469	680	245	59	34	338
Всего	6409	6027	6376	3794	930	1022	5762

Данные таблицы, показывающие численность населения ведомства на 1831 г., сокращение яровых посевов за год, преобладание ярицы и овса в структуре посева, позволяют исследовать хозяйство бурят на микроуровне.

Дело № 46 на 54 листах⁷. Материалы дела начаты 1 февраля 1869 г. и завершаются 20 декабря 1869 г., на 44 листах. Сохранность документов плохая: многих листов не хватает, на оставшихся – утхающий текст.

Дело № 49 состоит из 257 листов, относится к 1823–1833 гг.

В дело № 50 вошли материалы, относящиеся к 1826–1831 гг., состоит из 97 листов⁸. В нем содержатся общественные приговоры, рассмотрение судебных дел, например: за кражу скота, возвращение калыма из-за побега жены и т. д.

⁶ Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. ОФ 17940(7). Л. 3.

⁷ Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. ОФ 17940(2).

⁸ Там же. ОФ 17940(5).

Дело № 55 на 146 листах, документы относятся к 1869 и 1870 гг., многих листов не хватает: дело начинается с 20-го листа и завершается 227-м.

Дело № 82 состоит из документов от 1795 по 1848 г., на 142 листах⁹. Сохранились следующие документы: приказ главным тайшам Балаганскому и Идинскому Назару Хубаеву и Хабаю Улзееву от 1795 г., указ Иркутского нижнего земского суда о строительстве дорог и мостов от 11 октября 1801 г., список приказов за 1801 г., приказ, адресованный Портасу Чечюри-ну, от 1812 г. и два документа от 1814 г. – одно исходило из Иркутского земского суда об освобождении идинских бурят от несения службы на четырех караулах Тункинской дистанции, второе – рапорт, подписанный идинским главным тайшой 10-го класса Портасом Чечюриным, в котором выражается благодарность и желание единовременного пожертвования в сумме 3500 руб. [5, с. 59–60]. Кроме того, в Дело № 82 вошли сведения о Готольском роде «О разделе Готольского рода на четыре отдельных рода», начатое 24 декабря 1848 г. и завершённое 30 ноября 1850 г.,¹⁰ и именной список бурят Готольского рода, принявших крещение, включающий девять имен. В списке указано имя, данное при рождении, и имя, полученное при крещении. Например: «Шовон Шоноев, по крещению Иван Каниболоцкий со второй половины 1846 г.»¹¹.

Перечислены все материалы, хранящиеся в фонде Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, однако обработаны и доступны для читателей четыре дела, поэтому материалы Идинской степной думы мало использовались в исследованиях.

Некоторые документы фонда Идинской степной думы были опубликованы в книге «Идинские буряты. Документы и родословные», подготовленной Д. Г. Бажеевым. Здесь приведены 14 полных текстов документов, таблицы, именной список населения Готольского рода за 1831 г. А. И. Балдунников и Д. Г. Бажеев являлись представителями Готольского рода, в приведенных документах даны сведения о бурятах этого рода, расселенных в Идинской долине.

В рапортах главного тайши содержится статистический материал, который дает характеристику развития сельского хозяйства: количество пахотной земли у родов, площадь засеянных пашен (зерном, картофелем и др.), количество сданного зерна Александровскому винокуренному заводу. В формулярном списке И. И. Пирожкова указаны награды и заслуги главного тайши Идинской степной думы. На этот список ссылается Г. Н. Румянцев [7].

В Государственном архиве Иркутской области хранится фонд 237 Идинской степной думы, в котором только одно дело – «Ревизские сказки/ведомости по переписи населения по Идинскому бурятскому ведомству Балаганского округа Иркутской губернии за 1857 г.» на 847 листах.

В Республиканском историко-краеведческом музее до 1955 г. хранился личный архив главного тайши Идинской степной думы И. И. Пирожкова, о

⁹ Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. ОФ 17940(4).

¹⁰ Там же. ОФ 17940(4).

¹¹ Там же. 17940(4). Л. 13.

котором в 1941 г. Г. Н. Румянцев опубликовал статью «Архив Пирожкова». В ней дано описание 20 документов, «характеризующих капиталистический тип хозяйства И. И. Пирожкова» [7, с. 245]. Г. Н. Румянцев пишет, что обработка недавно завершена работниками музея, историк дал нумерацию и описание 20 использованных им дел с указанием количества листов. Например, первый документ описан следующим образом: «**1874 г. мая 19 дня – 1884 г. января 30 дня** (выделено Г. Н. Румянцевым. – *Авт.*). Формулярный список о службе губернского секретаря и потомственного дворянина Ильи Иннокентьевича Пирожкова. Составлен мая 19 дня 1874 г. **На 16 л., на официальном бланке, копия с большим числом поправок и вычеркнутых слов, сильно потрепан, рукопись**» [7, с. 250]. Шестнадцатый документ датируется **1905 г. ноябрь 26 дня**. Письмо подполковника Влад. фон Гаупт И. И. Пирожкову о Международной выставке мукомольного дела в Париже. Фон Гаупт пишет, что, не дожидаясь высылки Пирожковым образцов, он представил на конкурс коллекцию образцов произведений паровой мельницы Пирожкова, доставленную полковником Семеновым. Международное жюри за высокое качество присудило Пирожкову золотую медаль. Далее в письме фон Гаупт предлагает Пирожкову послать образцы на Международную выставку в Вене, которая должна была открыться в мае 1906 г., и просит выслать 10 фунтов образцов. «**На 2 л. почтовой бум., рукопись**» [7, с. 253]. После инвентаризации фондов Республиканского краеведческого музея личный архив И. И. Пирожкова был передан в Центральный государственный архив БурАССР, ныне Государственный архив Республики Бурятия: фонд 353 – Пирожков Илья Иннокентьевич, потомственный дворянин, главный родоначальник Идинского инородческого ведомства Иркутской губернии.

Таким образом, фонд Идинской степной думы, хранящийся в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, является основным источником информации о деятельности думы.

Материалы Идинской степной думы дают представление об уровне социально-экономического развития Идинского ведомства, численности населения, в них перечисляются имена родоначальников, процессе крещения бурят ведомства, представлены некоторые факты истории. Материалы фонда Идинской степной думы позволяют раскрыть историю бурят, населявших Идинское ведомство, и дополнить этническую историю народа. По ним можно определить политику государства по отношению к нерусским народам Сибири как последовательное вовлечение в данном случае бурят в складывающуюся в XIX в. новую модель российской цивилизации.

Список литературы

1. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. : монография / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
2. Дамешек Л. М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) : монография. Иркутск : Оттиск, 2018. 456 с.

3. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск : Отгиск, 2020. 740 с.

4. Даржаев С. Ю. Степные думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. 139 с.

5. Идинские буряты. Документы и родословные. 3-е изд., доп. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 244 с.

6. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.) : очерки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.

7. Румянцев Г. Н. Архив И. И. Пирожкова // Записки ГИЯЛИ. III–IV. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1941. С. 243–254.

Materials of the Idinsky Steppe Duma in the Funds of the Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

T. E. Sanzhieva

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the description of the fund of the Ida Steppe Duma, stored in the Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov. The fund was considered completely lost, therefore it was not used by researchers. The Ida Steppe Duma Foundation is represented by 12 cases, the rest of the materials have been irretrievably lost. The fund stores office documents in decrees, reports, statements, orders, personal and formulary lists, correspondence, etc. from 1787 to the end of the 19th century, from the opening of the Steppe Office to the closing of the Duma. In materials of a thought orders of higher are given organizations, reports of the founders, which contain information about the development of the economy, primarily agriculture, crop structure, number of yards, name lists, population for all 29 clans of the Ida department, statements, explanations of the founders on the waste of money from the Duma and other materials related to economic activities of the Ida Steppe Duma. The Foundation has information on the guard duty at the Tunkinsky distance by the Ida Buryats, the correspondence of the ancestors about the abolition of this duty. According to the materials of the fund, one can trace the appointment, then the election of the main secret. Part materials of the Duma published in the collection of documents «Ida Buryats». The article also describes the personal archive of the main Taisha of the Ida Steppe Duma I. I. Pirozhkov published by G. N. Rummyantsev discovered by him in the funds of the specified museum. Subsequently, the fund was transferred for permanent storage to the State Archive of the Republic of Buryatia.

Keywords: Idinskaya Steppe Duma, office work materials. Museum of the History of Buryatia named after M. N. Khangalov.

For citation: Dameshek L.M., Sanzhieva T.E. Materials of the Idinsky Steppe Duma in the Funds of the Museum of the History of Buryatia named after M.N. Khangalov. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 91-99. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.91> (in Russian)

References

1. Dameshek L.M., B. Ts. Zhalsanova L.V. Kuras. *Istoriya organov samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v.* [The history of local government is drilled in the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2013, 503 p. (in Russian)

2. Dameshek L.M. «Sibirskie inorodcy» v imerskoj strategii vlasti (XIX – nachalo XX v.) [“Siberian foreigners” in the imperial strategy of power (XVIII – beginning of XX century)]. Irkutsk, Impression Publ., 2018, 456 p. (in Russian)
3. Dameshek L.M., Ts. Zhalsanova L.V. Kuras. Buryatskij jetnos v imperskoj sisteme vlasti (XIX- nachalo XX v.) [Buryat ethnic group in the imperial system of power (XIX – early XX centuries)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 740 p. (in Russian)
4. Darzhaev S.Yu. Stepnye dumy – organy samoupravleniya buryat v Rossijskom gosudarstve (1822-1904) [Steppe Duma – self-government bodies are drilled in the Russian state (1822-1904)]. Ulan-Ude, IPK ESSACI Publ., 2001, 139 p. (in Russian)
5. Idinskie buryaty. Dokumenty i rodoslovnye [Ida Buryats. Documents and family trees]. 3rd ed. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2013, 244 p. (in Russian)
6. Kudryavcev F.A. Istoriya buryat-mongoljskogo naroda (ot XVII v. do 60-h godov XIX v.) [The history of the Buryat-Mongol people (from the 17th century to the 60s of the 19th century): essays]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences USSR Publ., 1940, 242 p. (in Russian)
7. Rumyancev G.N. Arhiv I.I. Pirozhkova [Archive of I.I. Pirozhkov]. Zapiski GIYaLI [Notes of GIALI]. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian State Publishing House, 1941, vol. 3-4, pp. 243-254. (in Russian)

Дамешек Лев Михайлович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Lev Mikhailovich

Doctor of Sciences (History), Head,
Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: levdameshek@gmail.com

Санжиева Татьяна Ефремовна

доктор исторических наук, профессор
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
e-mail: sanj_te@mail.ru

Sanzhieva Tatiana Efremovna

Doctor of Sciences (History), Professor
Buryat State University named after
Dorzhi Banzarov
24a Smolin st., Ulan-Ude, 670000,
Russian Federation
e-mail: sanj_te@mail.ru

УДК 903.53, 930.85
DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.100>

Проблема возникновения культуры Кофун в работах Кобаяси Юкио

М. С. Мищенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются результаты многолетних исследований японского археолога и историка Кобаяси Юкио (1911–1989) в области происхождения и развития древнеяпонской культуры Кофун. Представлена общая характеристика периода Кофун (III–VII вв. н. э.) как важного этапа в японской истории. Описана связь культуры Кофун с культурой предшествовавшего этапа в истории Японии – Яёй. Анализ взглядов Кобаяси Юкио на проблемы возникновения культуры Кофун позволил выделить основные аспекты, которым японский археолог уделил особое внимание: временные рамки периода Кофун, социально-политические и экономические причины появления данной культуры, культурное воздействие с материка и Северного Кюсю.

Ключевые слова: японская археология, период Кофун, история Японии, японская культура, кофун, курган, курганная культура Японии, захоронения японских императоров.

Для цитирования: Мищенко М. С. Проблема возникновения культуры Кофун в работах Кобаяси Юкио // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 100–106. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.100>

III–VII вв. н. э. – время серьезных социокультурных трансформаций на Японском архипелаге. В японской историографии данный период истории именуют эпохой курганов – *Кофун дзидай*. Период Кофун назван так неслучайно: в это время на Японских островах возводились тысячи погребальных курганов кофун (рис.), которые и стали лицом целой эпохи. Крупнейшие кофун достигают ошеломляющих размеров; например, курган императора Нинтоку (середина V в. н. э.) в длину составляет 486 м, в ширину – 400 м, что делает его одной из крупнейших гробниц на планете [6, с. 132]. Кофун – это не просто место захоронения, жители Японских островов верили, что в кофун могут жить местные почитаемые божества, это были самые настоящие священные места (они остаются такими до сих пор).

Около кофун было запрещено охотиться и ловить рыбу, потому что убийство живых существ, как считали жившие в то время люди, может лишить их покровительства божеств [4, с. 5].

В Японии находится несколько тысяч кофун, поэтому уже с XIX в. японцы и приезжавшие в страну после открытия Японии иностранцы начали заниматься активными исследованиями курганов, чтобы выяснить причины возникновения и дальнейшего затухания этой необычной культуры [1, с. 142]. Большой проблемой для российских исследователей древней истории Японии является полное отсутствие переводов работ японских ученых в

данной области. Между тем без знакомства с фундаментальными трудами японских археологов и историков изучение периода Кофун представляется невозможным. Как известно, японское мироощущение сильно отличается от нашего, европейского, и наши интерпретации японской культуры не могут претендовать на объективность без опоры на японские исследования.

Рис. Кофун в виде «замочной скважины». Город Осака. Фото автора. 2019 г.

Кобаяси Юкио (1911–1989) – один из наиболее известных японских археологов, занимавшихся рассматриваемой проблематикой. Еще со студенчества Кобаяси активно увлекался археологией. Всю жизнь Кобаяси Юкио посвятил исследованию периодов Яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) и Кофун, обрабатывая и систематизируя огромное количество археологических данных. В Университете Киото Кобаяси вел как научную, так и преподавательскую деятельность [5]. Он занимался не только практическими, но и теоретическими вопросами, в том числе проблемой происхождения культуры Кофун на Японских островах. Рассматривая данную проблему, Кобаяси Юкио останавливается на нескольких аспектах: времени возникновения, причинах появления культуры Кофун, внешнем воздействии и влиянии.

В период Яёй на большей части территории Японии стала быстро распространяться земледельческая культура: постоянно расширялись обрабатываемые земли, возрастал объем производства. В период Кофун развитие экономики способствовало формированию системы управления и государства. В III–VII вв. наблюдается также увеличение разрыва в материальном положении могущественных кланов и рядовых земледельцев. Как отмечает Кобаяси Юкио, данный разрыв нашел свое отражение в том числе в строительстве курганов, так как позволить себе такое величественное захоронение могли только представители элиты. Это создает масштабную проблему для исследователя культуры рассматриваемого периода: если о жизни могущественных семей мы можем иметь представление на основе исследования самих кофун, то о жизни простого народа археологам известно гораздо меньше [3, с. 35].

В то же время, по мнению Кобаяси, нельзя однозначно говорить, что социальная стратификация появилась на Японских островах только в период Кофун. Несомненно, что верхушку общества периода Кофун составлял

слой, который мы можем назвать аристократией или знатью (со своей, европейской, точки зрения). Но когда именно эта знать стала обладать большим влиянием и благосостоянием, остается неясным, поэтому считать ее существование отличительным признаком исследуемого периода нельзя.

Разумеется, говорить о возникновении отдельных социальных слоев в период Дзёмон (10 тыс. лет до н. э. – III в. до н. э.) не приходится, однако, когда на Японских островах распространяется культура Яёй, можно увидеть намечающиеся основы социального разделения. Кобаяси Юкио приводит в пример захоронения периода Яёй на севере острова Кюсю. Несмотря на то что захоронения всех членов общества находятся в одном месте, сами гробницы и их наполнение говорят о наличии существенной социальной разницы. Для этой местности были характерны так называемые кувшинные захоронения; гробницы наиболее состоятельных членов общества были защищены сверху и снизу большими каменными плитами, под которыми располагался богатый погребальный инвентарь. Впрочем, описанный пример для периода Яёй был скорее исключением из правил, так как в других местностях, в том числе в Центральной Японии, такого различия в захоронениях до начала строительства кофун не наблюдалось [3, с. 62–63].

Основные вопросы истории периода Кофун Кобаяси Юкио рассматривает в своих фундаментальных трудах «Кофун дзидай-но кенкю:» («Исследования периода Кофун») и «Кофун-но ханаси» («Беседа о кофун»). Вопрос происхождения курганной культуры на Японских островах всегда вызывал и до сих пор вызывает у ученых оживленную полемику [1, с. 153]. Первые серьезные исследования материальных остатков культуры Кофун проводились еще в начале эпохи Тайсё (1912–1926). И хотя изучение кофун в первой четверти XX в. не могло отвечать современным представлениям о точности и комплексности, уже в тот период был сформирован общепризнанный взгляд на происхождение культуры Кофун. Кобаяси Юкио в главе «О причинах возникновения культуры Кофун» отмечает: как правило, исследователи японской курганной культуры видели ее появление как процесс длительного перехода от культуры Яёй. В таком случае у обеих культур – Яёй и Кофун – должно было быть одинаковое происхождение, которое объясняло бы этот переход [3, с. 49].

Кобаяси Юкио подходил к проблеме происхождения культуры Кофун не только с археологической точки зрения; ответы на многие вопросы крылись в древних японских хрониках «Кодзики» и «Нихон-сёки». Изучая данные древнеяпонские письменные памятники, можно отметить сходство описываемых регалий первых потомков богини Аматаэрасу, спустившихся на землю, и погребального инвентаря, найденного при раскопках кофун.

Для того чтобы ясно представлять себе процесс формирования и становления культуры Кофун, по мнению Кобаяси Юкио, необходимо понять, когда именно начинается период Кофун, где проходит та грань между культурами Яёй и Кофун, что разделяет их навсегда, оставляя одну в прошлом. Одним из способов определения возраста отдельных кофун был следующий: примерно зная, в какое время похороненный в кургане человек жил (о великих деятелях японской старины в средневековых хрониках осталось немало

записей), постройку кофун относили к тому или иному веку. Наиболее точно определить личность захороненного человека помогали надгробные надписи [3, с. 56].

Изучение хроник требует особого подхода, так как необходимо учитывать, что составлены они были много позже того периода времени, о событиях которого в них повествуется. Еще одна существенная проблема соотношения кофун с конкретным политическим деятелем заключается в том, что, согласно «Кодзики» и «Нихон-сёки», японские правители периода Кофун жили беспрецедентно долго, а время правления первых императоров (в особенности легендарных) уходит далеко в прошлое, за обозначенные хронологические рамки. Поэтому проводить датировку курганов, основываясь только на данных хроник, невозможно. Гораздо более надежным источником представляются китайские династийные хроники.

Возникновение и столь масштабное развитие курганной культуры на Японских островах интересовало Кобаяси Юкио не только с точки зрения появления курганов как таковых. Уникальной особенностью кофун является многообразие их форм и размеров. Как правило, курганы имеют круглую либо квадратную форму, однако для Японии характерны не только данные формы, но и множество вариаций между ними: квадратно-квадратные, квадратно-круглые и т. д. Называемые в англоязычной историографии кофун в виде «замочной скважины» (keyhole-shaped mounds) не имеют аналогов во всем мире [3, с. 35].

В 1955 г. Кобаяси Юкио впервые стал изучать политическую историю Японии на основе материалов раскопок кофун. В 1961 г. он занялся изучением типологии кофун и причин появления различных форм кофун. Выделив три основные формы кофун (энфун (круглый кофун), хо:фун (квадратный кофун), дзэнпо:ко:энфун (квадратно-круглый кофун)), Кобаяси пришел к выводу, что форма японских курганов зависит в основном не от местных традиций: она отражает происхождение и политическое положение похороненного в нем человека [2, с. 6]. И если квадратно-круглые кофун (в виде «замочной скважины») за счет этой теории окончательно были признаны как исключительно императорские, то квадратные и круглые кофун не нашли такого четкого деления по социальному и политическому положению захороненных в них людей.

К признакам культуры Кофун, общепринятым японскими специалистами, Кобаяси Юкио относит следующие: строительство курганов для крупных землевладельцев и представителей знати, наличие особых форм кофун (уже упомянутая выше форма замочной скважины, по-японски – дзэнпо:ко:энфун), уникальные формы деревянных гробниц, появление вертикальных погребальных камер, широкое распространение железного оружия и элементов доспехов, отливка бронзовых зеркал и т. д. [3, с. 62].

Применение железа для изготовления орудий труда отслеживается еще в период Яёй: в поздних погребениях этого периода можно обнаружить аналоги железных орудий, найденных в ранних курганах. В период Кофун же железо становится универсальным материалом для сельскохозяйственных орудий и оружия, его применяют для изготовления всевозможной полезной

утвари. На смену деревянным мотыгам и лопатам приходят железные образцы с усовершенствованной формой, что значительно облегчает расчистку земель под пашню, а также дает возможность возводить ирригационные сооружения [3, с. 72–73]. Возникает прибавочный продукт, усложняется социальная структура общества, система управления. Это, как отмечалось выше, создает условия для возведения кофун – при строительстве столь внушительных сооружений, как кофун Нинтоку, требовался труд огромного количества людей и определенный уровень развития технологий. Кобаяси писал, что строительство кофун рассматривалось как совместное действие людей и божеств *ками*, которые оказывали людям поддержку в титаническом труде строительства курганов [4, с. 3].

Возводить над землей гигантские насыпи, окружать кофун несколькими рядами рвов – все это стало возможным только в III–VII вв. Если мысленно выстроить эволюцию кофун, можно заметить, что методика и технология создания усыпальниц для высочайших членов общества находились в постоянном развитии наравне с социально-политическими и экономическими процессами в Центральной Японии в период Кофун.

Нельзя не упомянуть об отмеченной Кобаяси Юкио роли внешнего воздействия как причины возникновения и катализатора развития новой культуры в Центральной Японии. Как уже было сказано ранее, в период Яёй признаки выраженной социальной дифференциации можно наблюдать только на севере острова Кюсю. Именно на Кюсю, согласно японским преданиям, сошли на землю предки японской императорской семьи. С именем легендарного первого правителя Японии Дзимму связывают поход племен Северного Кюсю на остров Хонсю, где впоследствии образовалось государство Ямато. Кобаяси Юкио пишет, что появление нового культурного центра, центра японской государственности на острове Хонсю, где ныне расположен регион Кансай, стало возможным в том числе под влиянием завоевателей с Северного Кюсю.

Культура народов Северного Кюсю могла стать тем стержнем, на основе которого развивалась культура Кофун, однако Кобаяси подчеркивает, что делает этот вывод с большой осторожностью, так как могут найтись подтверждения обратного [3, с. 73]. В этом плане достаточно вспомнить количество теорий происхождения культуры Кофун: от сибирской, китайской и корейской до северокюсюской. Возможно, имело место комплексное влияние как с материка, так и с Кюсю.

Кобаяси, как и большинство исследователей, не может спорить с несомненно существовавшим взаимодействием государства Ямато с соседними государствами Корейского полуострова и Китаем. Рассмотрение проблемы возникновения культуры Кофун как только японской Кобаяси считал невозможным. Государства Восточной Азии в III–VII вв. Кобаяси характеризовал как политически родственные, хотя, разумеется, Китай был гораздо более древней и развитой к тому времени цивилизацией. Тесные связи между материком и Японскими островами способствовали активному культурному обмену [4, с. 23]. В Китае курганная культура прослеживалась на протяжении многих веков, а на Корейском полуострове в период Кофун также возводились курганы.

Отношения с Китаем легко отследить по вышеупомянутым династийным хроникам; еще во время правления династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), в I в. н. э., были зафиксированы первые контакты между Китаем и жителями Японских островов, т. е. в период позднего Яёй культура Японии не могла не оказаться под воздействием материковой культуры. Учитывая, что первые курганы начинают появляться спустя небольшой для истории срок – около полутора веков, можно предположить, что в процессе формирования культуры Кофун Китай оказал непосредственное влияние. Кобаяси особенно акцентировал внимание на многочисленных находках китайских бронзовых зеркал в кофун на всей территории Японии как несомненном доказательстве этого воздействия [4, с. 23–24]. С III в. (т. е. с условным началом эпохи Кофун) отношения с Китаем становятся официальными; Кобаяси даже описывает взаимодействие Китая и Ямато посредством дипломатии. На протяжении всего периода Кофун Ямато поддерживает отношения со своими соседями с материка – возможными культурными донорами рассматриваемой культуры Кофун [4, с. 33].

Исследования Кобаяси Юкио во многом являются базовыми и основополагающими для проведения дальнейших работ по изучению истории древней Японии. Свои научные труды Кобаяси писал достаточно понятным для иностранца академическим языком, что, несомненно, помогает российскому исследователю в адаптации его взглядов на русский язык. Поднятая в статье проблема возникновения культуры Кофун является краеугольным камнем в изучении данного периода – как с точки зрения развития культуры, так и с позиций исследования социально-политических процессов.

Рассмотрение различных факторов позволяет сформировать целостный взгляд на причины возникновения культуры Кофун и на обстановку, в которой проходило формирование этой культуры. В работах Кобаяси все обозначенные выше аспекты – экономическое, социальное, политическое развитие, внешние и внутренние воздействия – взаимосвязаны и образуют достаточно подробную картину жизни японского общества в период Кофун.

Распространение буддизма на территории Японских островов и усиление его влияния среди могущественных кланов в VII в. изменило ставший привычным за несколько веков взгляд на смерть и традиции захоронения [3, с. 35], что привело к затуханию культуры Кофун. Жители Японских островов больше никогда не возвращались к такому способу захоронения, тем более – к той гигантомании, характерной для среднего периода Кофун, когда размеры курганов могли превышать 400 м в длину. Кофун остались в истории, однако и по сей день они привлекают внимание ученых и простых людей – как напоминание о давно ушедшей древней эпохе.

Список литературы

1. *Исино Х.* Кофун дзидай-но кэнкю: = Исследования периода Кофун. В 13 т. Т. 1. Со:рон. Кэнкю:си = Введение. История изучения. Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1993. 169 с. (на яп. яз.)
2. *Исино Х.* Кофун дзидай-но кэнкю: = Исследования периода Кофун. В 13 т. Т. 7. Функю: то найбуко:дзо: = Курганы и их внутреннее устройство. Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1992. 157 с. (на яп. яз.)

3. Кобаяси Ю. Кофун дзидай-но кэнкю: (Исследование периода Кофун). Токио : Аокисётэн, 1961. 324 с. (на яп. яз.).

4. Кобаяси Ю. Кофун-но ханаси (Беседа о кофун). Токио : Иванамисётэн, 1959. 216 с. (на яп. яз.)

5. Кобаяси Юкио // Токийский национальный институт культуры. URL: <https://www.tobunken.go.jp/materials/bukko/10197.html> (дата обращения: 21.09.2020).

6. Мидзуно М. Тэнно рё: : со:ран (Захоронения императоров: общий обзор). Токио : Синдзинбуцуо:райся, 1994. 481 с. (на яп. яз.)

The Problem of Origin of the Kofun Culture in Works of Kobayashi Yukio

M. S. Mishchenkova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article considers the results of many years of research by the Japanese archaeologist and historian Kobayashi Yukio (1911–1989) in the field of the origin and development of the ancient Japanese culture of Kofun. The general characteristics of the Kofun period (3rd–7th centuries AD) as an important stage in Japanese history are presented. The relationship between the Kofun culture and the culture of the previous stage in the history of Japan, Yayoi, is described. In the course of studying the problem of origin of the Kofun culture from the point of view of Kobayashi Yukio, attention is focused on several points: the time frame of the Kofun period, the socio-political and economic reasons for the emergence of this culture, cultural influence from the mainland and Northern Kyushu.

Keywords: Japanese archeology, Kofun period, history of Japan, Japanese culture, kofun, mound, mound culture of Japan, burials of Japanese emperors.

For citation: Mishchenkova M.S. The Problem of Origin of the Kofun Culture in Works of Kobayashi Yukio. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 100-106. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.100> (in Russian)

References

1. Ishino H. *Kofun jidai no kenkyu: (Studies of the Kofun period). In 13 volumes. Vol. 1: So:ron. Kenkyu:si (Introduction. History of study)*. Tokyo, Yu:zankaku Shuppan Publ., 1993, 169 p. (in Japanese)

2. Ishino H. *Kofun jidai no kenkyu: (Studies of the Kofun period): in 13 volumes. Vol. 7: Funku: to nibuko:zo: (Mounds and their internal structure)*. Tokyo, Yu:zankaku Shuppan Publ., 1992, 157 p. (in Japanese)

3. Kobayashi Yu. *Kofun jidai no kenkyu: (Study of the Kofun period)*. Tokyo, Aokisyoten Publ., 1961, 324 p. (in Japanese)

4. Kobayashi Yu. *Kofun-no Hanashi (Conversation about Kofun)*. Tokyo, Iwanamisyoten Publ., 1959, 216 p. (in Japanese)

5. Kobayashi Yukio. *Tokyo National Institute of Culture*. Available at: <https://www.tobunken.go.jp/materials/bukko/10197.html> (date of access 09/21/2020).

6. Mizuno M. *Tennoryo:: so:ran (Burials of emperors: an overview)*. Tokyo, Shinjin-butsumo:raisha Publ., 1994, 481 p. (in Japanese)

Мищенко Мария Сергеевна
магистрант 2-го года обучения
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: markuz97@mail.ru

Mishchenkova Maria Sergeevna
2nd Year Master's Student
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: markuz97@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Серия «История»
2020. Т. 34. С. 107–111
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 930

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.107>

История крещеных инородцев в фондах Государственного архива Республики Бурятия*

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Б. Ц. Жалсанова

Государственный архив Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Анализируется вклад автора рецензируемой монографии в изучение комплекса исторических источников по генеалогии крещеных инородцев Бурятии. Подчеркивается междисциплинарный характер исследования, заслуга автора в систематизации и классификации исторических источников этого типа.

Ключевые слова: Бурятия, архивы, крещенные инородцы, источники, классификация.

Для цитирования: Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц. История крещеных инородцев в фондах Государственного архива Республики Бурятия // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 107–111. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.107>

Монографическое исследование А. В. Пашинина посвящено подробному анализу документальных источников генеалогического содержания Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) XVIII – начала XX в. в отношении такой устойчивой культурно-социальной и этнической общности, как «крещеные (оседлые, ясашные) инородцы», явившиеся в течение нескольких столетий результатом смешения русского, бурятского, эвенкийского и других народов, проживавших на территории современного Байкальского региона в составе Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Репрезентативному исследованию подверглось свыше 3,5 тыс. единиц хранения ГАРБ, представляющих значительный и комплексный массив законодательных, учетных и делопроизводственных источников степных ведомств, миссионерских и приходских церквей, административно-полицейских и военно-административных учреждений. В целом изученный документооборот ГАРБ затрагивает фонды 11 степных дум, 4 степных кон-

---

* Пашинин А. В. Источники по генеалогии крещеных инородцев XVIII – начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия : монография / науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск : Оттиск, 2019. 600 с.

тор, 24 инородных и городских управ, 12 родовых и сельских управлений, 26 инородных и крестьянских волостных (хошунских) правлений, 7 дацанов, 42 церквей (соборов, монастыри), 3 городских ратуш и магистратур, 3 казначейств и т. д.

Автор на большом фактическом материале профессионально и убедительно обосновал выбор темы, объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования. При этом выявлен источниковедческий потенциал архивных документов по генеалогии крещеных инородцев; рассмотрены общие принципы восстановления родословных истоков смешанного населения Бурятии и близлежащих регионов России; исследованы издательства Русской православной церкви в отношении ряда епархий для дополнения и корректировки источников ГАРБ по крещеным инородцам Прибайкалья, Западного и Восточного Забайкалья.

В качестве основы своей работы А. В. Пашинин использовал компаративистские методы изучения различных видов источников, что позволило выявить индивидуальные и общие информационные особенности источниковой базы по теме исследования. Содержание монографии логически взаимосвязано и подтверждено ссылками и цитатами из авторитетных и документальных источников. Актуальность, новизна и практическая значимость предпринятого на конкретных примерах научного изыскания обусловлены его всесторонним характером, введением в научный оборот новых архивных материалов. Сделанные автором выводы свидетельствуют о самостоятельности и оригинальности проведенного исследования, находящегося на междисциплинарном стыке источниковедения, палеографии, топонимики, ономастики, генеалогии и отечественной истории.

В первой части раздела I «Ревизские сказки, окладные и подушные книги» проведен анализ законодательных, учетных и делопроизводственных источников десяти ревизских сказок (народных переписей населения) XVIII – середины XIX в. При этом записи по крещеным инородцам, ввиду отсутствия в первых четырех ревизиях какой-либо информации о бурятских и эвенкийских родах, изначально зафиксированы в 1720–1770-х гг. лишь в виде отдельных крестьянских и мещанских сказок, именных списков и деловой переписки Селенгинского Троицкого монастыря и Селенгинской воеводской канцелярии. В 5–10-й ревизиях 1795–1858 гг. с выделением объектов исследования как «ясашных», «новокрещеных» и «оседлых» инородцев непосредственно среди бурятского и эвенкийского населения или в форме специальных списков в составе родов степных ведомств, крестьянских волостей и мещанских обществ выявлены сведения в отношении их установочных данных до и после крещения, родовой принадлежности, времени крещения, мест проживания, составов семей и миграции.

Во второй части того же раздела приводятся примеры размещения информационных сведений за 1810–1890-е гг. по «ясашно-крещеным» инородцам в документах налогообложения подушного населения: окладных и подушных книгах, ведомостях, реестрах, списках и листах степных ведомств и крестьянских волостей, а также в деловой переписке Верхнеудин-

ского нижнего земского суда, Верхнеудинского полицейского управления и других местных и региональных структур.

В части первой раздела II «Метрические книги и выписи церквей, брачный обыск и венчание, документы учета населения степных ведомств» исследованы особенности внесения записей по новокрещеным инородцам в метрические книги 1802–1920-х гг. миссионерскими и приходскими церквями о рождении, фактах крещения, бракосочетании и смерти с раскрытием роли и генеалогического значения восприемных и поручительских связей.

Часть вторая раздела II посвящена изучению практического применения содержания метрических книг в 1851–1909 гг. при подтверждении состоявшегося крещения, системном или эпизодическом учете вновь крестившихся, отсутствии препятствий перевода в крестьянское или мещанское сословие, разрешении бракосочетания, бракоразводах, призыве в армию и т. д. в учетно-делопроизводственном документообороте в форме записок, рапортов, отношений, списков, справок, выписок, свидетельств и проч.

Часть третья раздела II раскрывает наличие в книгах венчания и брачного обыска по крещеным инородцам за 1745–1909 гг. следующих сведений: установочные данные до и после крещения, возраст, родовая принадлежность, место проживания, родственники, миссионерские и приходские церкви с показом информационных особенностей сопутствующих письменных источников – отношений, отпусков, удостоверений, дозволений, свидетельств, справок, отзывов, видов и др. Документы демографического учета населения степных ведомств за 1799–1910 гг., в том числе о новокрещеных, наиболее содержательно представлены ведомостями, делами, журналами, тетрадями, удостоверениями, метрическими книгами, отношениями миссионеров и ежемесячными отчетами родовых старост.

В части первой раздела III «Именные и посемейные списки, ведомости и книги записи, церковные росписи, общероссийские и местные переписи» показана специфика информационного содержания, степень сохранности и отложенности в ГАРБ многочисленных списочных документов 1726–1928 гг., касающихся оседлых и ясашных крещеных инородцев, как результат работы по созданию генеалогических источников со стороны миссионеров, приходских священников, степных ведомств и волостных правлений.

Часть вторая раздела III дает возможность ознакомления с ведомостями, делами, книгами, тетрадями, отчетами и другими архивными материалами о проведении в 1790–1915 гг. в степных ведомствах на системном уровне мероприятий по прививке от оспы новорожденных и малолетних детей.

В третьей и четвертой частях раздела III отражены причины появления, предназначение, виды и содержание подворных, военно-конских и повозочных списков степных ведомств за 1831–1922 гг.

Часть пятая данного раздела описывает порядок оформления, особенности ведения записей, отмечает наличие и распределение исповедных росписей миссионерских и приходских частей в 1741–1915 гг.

Анализ документов общероссийских переписей населения 1897 г. («всеобщая») и 1917 г. («сельскохозяйственная и поземельная») по степным ведомствам и уездам Забайкальской области осуществлен в шестой и седьмой частях раздела III.

В трех частях раздела IV в результате изучения публикаций Иркутской, Нерчинской, Верхотурской и Забайкальской епархий выявлены и исследованы законодательные, учетные и делопроизводственные источники по генеалогии крещеных инородцев за 1841–1919 гг. с фактическим подтверждением с помощью различных фондов ГАРБ целенаправленной и разнообразной источниковедческой деятельности по данной тематике ряда священников-миссионеров, в том числе из числа новокрещеных.

Работа автора по классификации и систематизации источников, созданию специальных тематических приложений в табличном и документальном построении имеет важное практическое значение. Так, в предисловии и во всех четырех разделах изложенный материал в необходимых случаях подкрепляется сведениями из 9 таблиц приложения 1, 15 таблиц приложения 2 и дополнений к ним. В приложении 3 в качестве наглядных примеров и информационного использования сосредоточено 30 индивидуально-списочных документов 1802–1888 гг., а также данные ИРГО 1912 г. о родовом составе бурятского и эвенкийского населения Байкальского региона. Отдельным алфавитным списком выделено свыше 700 проходящих по монографии фамилий (при неопределенности фамилии – имен отцов) новокрещеных (оседлых и ясашных) инородцев и миссионерских священнослужителей.

Исследование А. В. Пашинина выполнено на обширной и прочной источниковедческой основе, является актуальным, служит методологическим примером и способствует появлению принципиально новых комплексных подходов для специальных исследований российской историографии по генеалогической истории народов, проживающих в Бурятии и соседних субъектах России.

History of Baptised Foreigners in the Funds of the State Archive of the Republic of Buryatia

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

B. C. Zhalsanova

State Archive of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The review analyzes the author's contribution to the study of the complex of historical sources on the genealogy of Christian indigenous dwellers in Buryatia. Interdisciplinary specifics of the research and the author's merit to systematization and classification of historical documents of this type have been emphasized.

Keywords: Buryatia, archives, Christian indigenous dwellers, sources, classification.

For citation: Dameshek L.M., Zhalsanova B.C. History of Baptised Foreigners in the Funds of the State Archive of the Republic of Buryatia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 107-111. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.107> (in Russian)

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна

*доктор исторических наук, директор
Государственный архив Республики Бурятия
Россия, 670001, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 9а
e-mail: butit62@mail.ru*

Zhalsanova Butit Tsydypmunkuyevna

*Doctor of Sciences (History), Director
State Archive of the Republic of Buryatia
9a, Sukhe-Bator st., Ulan-Ude, 670001,
Russian Federation
e-mail: butit62@mail.ru*

УДК 94(571.53)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.112>

Сибирский дневник Бенедикта Дыбовского¹

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рецензия на сборник воспоминаний Бенедикта Дыбовского, в которых воссозданы события его пребывания в сибирской ссылке после подавления Январского 1863 г. восстания в Польше. Отмечается обстоятельность, с которой автор дневника описывает свое «невольное путешествие» от Петербурга до Забайкалья, совершенное в составе этапной партии польских ссыльных, воссоздает картины каторжного труда и повседневного быта на поселении. Уделяется внимание и научным исследованиям автора, проводимым им в Даурии, на Дальнем Востоке и, конечно же, на берегах Байкала в 1864–1877 гг.

Ключевые слова: Бенедикт Дыбовский, польская политическая ссылка, Иркутск, Забайкалье, Дальний Восток, дневник.

Для цитирования: Иванов А. А. Сибирский дневник Бенедикта Дыбовского // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 34. С. 112–115. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.112>

Бенедикт Дыбовский известен в основном как выдающийся польский ученый-зоолог, изучавший глубинные слои Байкала, описавший десятки видов богатейшего животного мира, положивший своими трудами, собственно, начало современному байкаловедению. Менее известен Б. Дыбовский в гуманитарной сфере, в частности в качестве одного из исследователей истории польской политической ссылки в Сибирь конца XIX в. Между тем автор был знаком с каторжной темой не понаслышке. Будучи талантливым академическим ученым, написав и защитив в Берлине диссертацию об особенностях размножения пчел и шмелей (1860 г.), в 1863 г. Дыбовский посчитал своим патриотическим долгом принять деятельное участие в Январском национально-освободительном восстании поляков, за что был послан в каторжные работы, которые и отбывал в Забайкалье, недалеко от Читы. Свою сибирскую многолетнюю эпопею Дыбовский подробно и весьма интересно осветил в дневнике, изданном во Львове в 1930 г. [4].

Несмотря на свою уникальность и очевидную ценность для исторической науки, дневник Б. Дыбовского никогда полностью не переводился на русский язык, а потому и не был известен, за исключением некоторых фрагментов [1; 3], российскому исследователю. На этот недостаток отечественной историографии неоднократно указывал и признанный специалист

---

¹ Дневник Дыбовского : сб. тр. / сост. А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. Иркутск : Оттиск, 2020. 575 с.

в области изучения польской политической ссылки в Сибирь Б. С. Шостакович. В частности, в одном из выпусков сборника «Ссылльные революционеры в Сибири...» профессор Шостакович писал о том, что первостепенной задачей современного сибиреведения «должен явиться перевод на русский язык мемуарных работ Бенедикта Дыбовского и опубликование их по всем правилам авторитетного научного издания». При этом Б. С. Шостакович подчеркивал: в деле публикации этих мемуаров «было бы весьма полезным сотрудничество представителей как гуманитарных, так и естественных наук» [2, с. 25].

Прошло чуть больше 30 лет, и слова Б. С. Шостаковича получили материальное воплощение: в 2020 г. в иркутском издательстве «Оттиск» была выпущена книга воспоминаний знаменитого польского ученого в переводе доктора физико-математических наук, профессора А. Д. Калихмана и доктора географических наук Т. П. Калихман (научное редактирование) с комментариями доктора биологических наук И. В. Фефелова. Как указано в аннотации к выпуску, «сборник предназначен расширить интерес к научному и историческому наследию Дыбовского, ввести в научный и культурный оборот полный текст его дневника, впервые переведенного на русский язык» (С. 2). Забегая вперед, надо сказать, что с этой задачей составители издания отлично справились.

Данный сборник состоит не только из «Дневника доктора Бенедикта Дыбовского с 1862 по 1878 год». Издание открывает малоизвестная специалистам автобиография, охватывающая основные вехи научной деятельности польского ученого в Сибири и на Дальнем Востоке, а также статья «Физико-географические исследования на Байкале», в которой приведены результаты изучения озера-моря с помощью оригинального «глубомера». Статья Б. Дыбовского о работе этого уникального аппарата поражает умением автора просто и увлекательно рассказать о весьма сложном в техническом и организационном отношении научном эксперименте, проведенном им с помощью товарища по ссылке Виктора Годлевского зимой 1868 г. Помимо точного определения глубины Байкала, изыскания Б. Дыбовского показали, что озеро населено разнообразной фауной, исследование которой требует «труда многих поколений» ученых, что, в свою очередь, по мнению автора, невозможно без «учреждения» в Иркутске университета (С. 14).

Центральное место в изданном сборнике занимает все-таки «Дневник...» Б. Дыбовского, переведенный, еще раз подчеркнем, впервые полностью на русский язык и состоящий из трех частей: «Ссылка в Сибирь», «Пребывание в Сибири и на каторге», «На поселении».

Дневник специфичен. Нужно отметить, что он создавался автором в конце 1920-х гг., уже в преклонном возрасте, однако точность изложения фактического материала от этого не пострадала: Дыбовский подробно описывает тяготы ссылных поляков на этапном пути, приводя десятки имен своих товарищей и массу географических названий. Затем перед нами предстает весьма колоритная, порой выписанная до мелочей картина пребывания участников Январского восстания в Сивяковой, деревне, где отбывали ка-

торгу значительное количество польских ссыльных. Дыбовский много пишет о способности поляков в любой обстановке наладить в первую очередь собственный быт, обустроить с известным комфортом свое жилище, предусмотрев в нем не только место для ночлега, но и комнаты «для приема гостей», отдыха и даже библиотеки. Подобным образом устраивалось и питание каторжан: выбранный повар-поляк не только готовил разнообразную пищу, но и организовывал добычу рыбы, дичи, сбор таежных растений.

Значительное место в дневнике отведено описанию труда каторжан. Деревня Сивякова² была известна в Забайкалье как место, где много лет строили баржи и большие лодки, здесь всегда были востребованы квалифицированные рабочие, которых в Сибири хронически не хватало. Труд польских ссыльных, имевших в своем составе множество городских рабочих, здесь ценился и находил самое широкое применение. Вот почему в описываемых Дыбовским сценах рабочего быта нет и намека на тяжелый «безрадостный» каторжный труд: рабочий день поляков был хорошо организован ими самими, работа чередовалась с перерывами на чай и послеобеденный отдых. Непривычная картина каторжной жизни, не правда ли?! Непривычная, но, несомненно, достоверная.

Много внимания Дыбовский уделяет и структуре польской ссылки: оказывается, она была невероятно пестрой как по национальному и социальному составу, так и по различным политическим убеждениям участников восстания. Воспоминания Б. Дыбовского значительно шире узких рамок дневникового жанра. По существу это мемуары, мемуары человека, который воссоздает картину пережитого уже с высоты прожитых лет и осознанных исторических событий, творцом и активным участником которых он являлся. В этом их ценность, своеобразие и уникальность.

Список литературы

1. Калихман А. Д. Дневник Бенедикта Дыбовского: политическая ссылка, иркутские страницы // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. Иркутск : Оттиск, 2019. Вып. 9 (21). С. 523–569.
2. Шостакович Б. С. О характере сибирского мемуарно-очеркового наследия Бенедикта Дыбовского и задачах его изучения // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1989. Вып. 11. С. 6–25.
3. Шостакович Б. С. Фрагменты неопубликованной эпистолярной и мемуарно-очерковой «сибирики» Бенедикта Дыбовского // Бенедикт Дыбовский. Новосибирск : Наука : Сиб. издат. фирма РАН, 2000. С. 202–221.
4. Pamiętnik Dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zaczawszy do roku 1878. Lwow, 1930. 628 s.

---

² Все-таки правильнее будет «Сивакова». Так, в «Списке политических преступников в деревне Сиваковой за 1866 г.» приведены 903 польские фамилии. – ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 905. Л. 89–107.

Siberian Diary of Benedict Dybovsky

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. A review of the collection of memoirs of Benedict Dybovsky, which recreated the events of his stay in Siberian exile after the suppression of the January 1863 uprising in Poland. The author describes in detail his “involuntary journey” from St. Petersburg to Transbaikalia, made as part of the stage party of Polish exiles, recreates paintings of hard labor and everyday life in the settlement. The pages of the diary also tell about the author's scientific research conducted by him in Dauria, the Far East and, of course, on the shores of Lake Baikal in 1864–1877.

Keywords: Benedict Dybovsky, Polish political exile, Irkutsk, Transbaikalia, Far East, diary.

For citation: Ivanov A.A. Siberian Diary of Benedict Dybovsky. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 34, pp. 112-115. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.34.112> (in Russian)

References

1. Kalihman A.D. Dnevnik Benedikta Dybovskogo: politicheskaya ssylka, irkutskie stranicy [The diary of Benedict Dybovsky: political link, Irkutsk pages]. *Sibirskaya ssylka: Sbornik nauchnyh statej*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, iss. 9 (21), pp. 523-569. (in Russian)
2. Shostakovich B.S. O haraktere sibirskogo memuarno-ocherkovogo naslediya Benedikta Dybovskogo i zadachah ego izucheniya [On the nature of the Siberian memoir-essay heritage of Benedict Dybovsky and the tasks of his study]. *Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917)*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1989, iss. 11, pp. 6–25. (in Russian)
3. Shostakovich B. S. Fragmenty neopublikovannoj epistolarnoj i memuarno-ocherkovoj “sibiriki” Benedikta Dybovskogo [Fragments of the unpublished epistolary and memoir “Siberian” by Benedict Dybovsky]. *Benedict Dybovsky*. Novosibirsk, Science Publ., Sib. Publishing company RAS, 2000, pp. 202–221. (in Russian)
4. *Dnevnik doktora Benedikta Dybovskogo s 1862 po 1878 god*. [Diary of Dr. Benedict Dybovsky from 1862 to 1878]. Lwow, 1930, 628 p.

Иванов Александр Александрович

доктор исторических наук, профессор

Иркутский государственный университет

Россия, 664025, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexander Aleksandrovich

Doctor of Sciences (History), Professor

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664025,

Russian Federation

e-mail: ottisk@irmail.ru

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ, ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА,
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ, ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ, АРХИВ
РАЗМЕЩЕНЫ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА
[http:// izvestiahist.isu.ru/ru](http://izvestiahist.isu.ru/ru)**

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ»**

Том (№) 34 (31)
2020

Адрес издателя

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 521-902; (3952) 521-900, факс: (3952) 242-238
e-mail: rector@isu.ru, <http://www.isu.ru>

Дата выхода в свет 14.12.2020. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 7,3. Тираж 500 экз. Заказ 130. Цена 200 руб.

Адрес типографии Издательства ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел.: (3952) 52-18-53, e-mail: izdat@lawinstitut.ru